

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал
в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта,
д. 11/2, офис 202
Тел.: (812) 325-11-33
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать
С.-Петербургской штаб-квартире РОПРЯЛ по указанным
адресам, а также на сайте:

<http://mirs.ropryal.ru/>

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

С сентября 2007 года Высшая аттестационная комиссия Министерства
образования и науки Российской Федерации включила журнал
«Мир русского слова» в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук.

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки
и доставки журнала за пределами
СНГ обращайтесь к нашим
дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский
пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22;
факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского,
39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47;
факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 216,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ“»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudenticg@yahoo.com

№ 3 2015

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Адрес редакции:

199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-33
факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru

Редакционный совет:

- Л. А. Вербицкая —
акад. РАО, д-р филол. наук, проф.,
Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ,
Президент МАПРЯЛ, Президент РАО
- В. В. Воробьев —
д-р филол. наук, член-корр. РАЕН,
проф., зав. каф., РУДН
- Л. П. Клобукова —
д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО,
зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова
- Ю. Е. Прохоров —
д-р пед. наук, д-р филол. наук,
проф., проф. СПбГУ
- В. М. Шаклеин —
д-р филол. наук, проф.,
член-корр. РАЕН, зав. каф., РУДН
- С. И. Богданов —
д-р филол. наук, проф.,
проректор, СПбГУ
- М. Ю. Сидорова —
д-р филол. наук, проф.,
проф. МГУ им. М. В. Ломоносова
- С. Н. Голубев —
канд. филол. наук,
Ген. директор ЗАО «Златоуст»
- Э. Эндрюс —
д-р наук, проф. Дюкского ун-та

[официальные материалы]

- 4 Л. А. Вербицкая
Русский язык и литература в пространстве мировой культуры
(по итогам XIII Конгресса МАПРЯЛ)
- 8 XIII Конгресс МАПРЯЛ
- 10 Заседание Генеральной Ассамблеи МАПРЯЛ

[лингвистические заметки]

- 11 Н. В. Богданова-Бегларян
Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи

[лингвокультурология]

- 18 Е. Ю. Кислякова
Семантика другого: опыт семасиологической конкретизации
- 25 Ван Хунвэй
Стихийный код культуры в русской и китайской лингвокультурах
(на материале фразеологизмов с элементом *вода*)

[культура речи]

- 31 Л. А. Голышкина
Система типологических свойств риторического текста
- 38 Е. А. Баранова
«Стори» как новый жанр на радио
- 44 Я. П. Полухина
Авторская этимология Евгения Клюева
(языковая игра в современном русском тексте)
- 50 А. В. Родионова
Особенности речевого поведения женщин
в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы»

[взаимосвязь литературы и языка]

- 53 П. Е. Бухаркин, Л. Л. Стречень
Литературовед versus литератор:
преодоление противоположностей
(К 115-летию со дня рождения А. В. Чичерина)
- 63 М. Л. Федоров
«Легенда» в трудах А. А. Ухтомского и Н. П. Анциферова:
к содержанию понятия

Главный редактор:

К. А. Рогова —
д-р филол. наук, проф.,
проф. СПбГУ

Над журналом работали:**Редакторы:**

Т. Б. Авлова —
канд. пед. наук, доц. СПбГУ
Д. А. Щукина —
д-р филол. наук, проф.,
зав. каф., Горный ун-т

Вып. редактор:

М. С. Шишков —
канд. филол. наук, доц.,
доц. СПбГУ

Корректор:

Н. В. Лутц

Перевод аннотаций:

А. Д. Степанов

Оригинал-макет:

М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам
печати, телерадиовещания
и средств массовых
коммуникаций 11.09.2000
(свидетельство
ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)
ISSN 1811–1629

Тираж 670 экз.

Подписано в печать 18.11.2015
Отпечатано в типографии
«СМДЖИ Принт»,
197022, Санкт-Петербург,
Каменноостровский пр., д. 61,
лит. А, пом. 11Н

При перепечатке
материалов ссылка на журнал
«Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи
не возвращаются

Плата с аспирантов
за публикацию рукописей
не взимается

Материалы с краткой аннотацией
и списком ключевых слов просьба
представлять только в электронном
виде.

Требования к оформлению статей:
<http://mirs.ropryal.ru/rules/>

- 68 Б. В. Аверин
Два камертона к «Кормчим звездам» Вяч. Иванова
- 71 С. С. Гусева
Средства первичной и повторной номинации персонажа
(на материале текстов А. П. Чехова)
- 79 О. В. Овчарская
К вопросу об эволюции персонажа в творчестве А. П. Чехова
- 85 В. И. Шульженко
Сюжетная типология современного «кавказского» рассказа

[методика преподавания русского языка]

- 91 М. А. Дрога
Лингвокультурологический компонент на уроках РКИ
(на примере игры-викторины)
- 94 Ю. Н. Здорикова
Книги о войне в контексте патриотического воспитания студентов

[представляем новые книги. рецензии]

- 98 Т. Д. Романцова —
Лексикография крестьянской жизни:
о «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири»
- 102 С. В. Власов, Л. В. Московкин —
О новом переиздании русской грамматики В. Е. Адодурова (1731 г.)
- 105 М. А. Черняк —
Опыт составления родословной литературного героя:
случай Л. Улицкой

[некрологи]

- 108 Айза Пессина Лонго

[хроника]

- 30 Юбилейный семинар русского языка в городе Тиммендорфер
Штранде (Германия, 19 сентября — 3 октября 2015 года)
- 43 Второй педагогический форум Русского мира
- 62 К юбилею академика А. А. Ухтомского

[русский мир... народы, языки, культуры]

Монголия

- 109 Т. В. Бронская
Стереотипы о Монголии и реальность XXI века
- 116 Равданжамц Ургамал
Записки русских путешественников о Монголии как основа
учебных текстов для развития межкультурной компетенции
монгольских студентов-русистов

Людмила Алексеевна Вербицкая

Академик РАО, доктор филологических наук, профессор,
Президент МАПРЯЛ, Президент Санкт-Петербургского
государственного университета,
Президент Российской академии образования
president@pu.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО ИТОГАМ XIII КОНГРЕССА МАПРЯЛ)

LYUDMILA A. VERBITSKAYA

RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE IN THE SPACE OF WORLD CULTURE:
RESUMING THE WORK OF THE 13TH MAPRYAL CONGRESS

На прошедшем в сентябре этого года XIII Конгрессе МАПРЯЛ были представлены и обсуждены ведущие направления изучения и преподавания русского языка литературы и культуры. Национальный состав участников и уровень докладов и сообщений свидетельствовали о том, что русистика занимает достойное место в мировой филологии.

Доклады направления «Системно-структурное описание современного русского языка», посвященные языковым единицам всех уровней, представили их рассмотрение в системных связях, в межуровневой подвижности, взаимозависимости. Все сообщения свидетельствовали о том, что в современной русистике в сфере системно-структурного описания языка уверенно проявляет себя тенденция к разноаспектному и комплексному изучению языковых явлений, стремление рассматривать язык и языковые единицы не только в соотношении формы и содержания, но и в широкой ориентации на межуровневые соотношения, на когнитивно-дискурсивные, функциональные, текстовые, антропоцентрические связи, что ведет к новым представлениям о системности языка и выделению новых внутриязыковых типологий.

Функциональное направление в изучении языка было связано с представлением коммуникативного поведения участников общения с учетом их речевых стратегий и тактик, ситуаций общения. Рассматривался вопрос о речевых жанрах как единице речи, в пределах которой проявляются закономерности речеобразования на основе

семантико-коммуникативного потенциала предложений, формирующих жанр. Было выдвинуто тезис о выделении в качестве самостоятельного научного направления креативной стилистики, базирующейся на характере речевого поступка как междисциплинарной единицы описания коммуникативной практики.

Динамика языковых изменений в значительной степени оказалась связанной с рассмотрением процесса заимствований. Отмечалась активизация этого процесса по отношению к таким языкам, как японский, арабский, китайский, турецкий, что объясняется тенденцией к повышению роли языков стран азиатского региона в силу демографических, культурных и политических причин. Из грамматических явлений отмечено сближение письменной и устной форм речи как в художественной литературе, на что ранее уже указывали исследователи, так и в повседневном общении, на которое оказывают влияние СМИ. Язык российских СМИ повсеместно привлекает внимание исследователей, особенно специалистов бывших союзных республик, традиционно воспринимающих его как своего рода зеркало актуальных языковых процессов. Отметим появление в социолингвистическом направлении такого аспекта, как исследование региональных различий в русском языке, так называемого лингволандшафта: пока наблюдения касались только единиц языковой системы, региональная специфика проявлялась «на поверхности» и касалась преимущественно лексики. Новый подход рас-

ширяет представление о «многоречии» русского национального языка.

Современная русская лексикография потребовала обсуждения принципов создания учебных словарей и словарей лингвокультурологической ориентации, а также семантического содержания слова в двуязычных словарях, которое соответствовало бы потребностям перевода. Направление **«Перевод как средство межкультурного взаимопонимания, предмет изучения и обучения»** было сосредоточено на русской классике и современной литературе, а также на переводах национальных литератур на русский язык. По-прежнему в центре внимания остается проблема сохранения эстетической ценности при переводе, роль семантики языковых средств всех уровней при создании литературного текста на другом языке. Были представлены обзоры переводов русской литературы в других странах и ярко выражена тенденция рассматривать перевод как средство межкультурного взаимопонимания.

Культурологический аспект занял одно из центральных мест. В работе секции **«Язык. Сознание. Культура»** нашел отражение устойчивый интерес современной лингвистики к человеку в языке, что проявилось в популярности антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений. Исследователи отмечают, что происходят изменения содержательно-оценочной структуры многих понятий, представлений и содержания отношений, связывающих их между собой в рамках таких уже существующих концептуально-понятийных полей, как сострадание, самопожертвование, терпение, вера, человек, дом.

Предпринятые исследования позволили охарактеризовать менталитет русского человека в целом, что необходимо для изучения русского языка нерусскими и знакомства с русской литературой, для определения идеальных образов языкового поведения в период XX–XXI вв. и вектора формирования лингвокультурного идеала современной русской языковой личности.

Активно развивающаяся в последние 30 лет лингвокультурология в настоящее время накопила богатый эмпирический материал и обозначила

необходимость глубокой разработки теоретико-методологических оснований данного направления, представляющегося актуальным не только в прикладных целях, но и позволяющее доказательно охарактеризовать менталитет русского человека.

Обращение собственно к **«Русской культуре в эпоху глобализации»** служило уточнению наших представлений о месте и роли российской цивилизации в мировом культурном и образовательном пространстве. Особое внимание было уделено проблемам сохранения этнокультурной и языковой идентичности в эмиграции, национальным стереотипам мировосприятия и их отражению в литературе и искусстве, взаимовлиянию языка и культуры, специфике русского менталитета. Интерес вызвали доклады, посвященные проблемам типологической близости национальных менталитетов. Так, например, наши испанские коллеги доказали, что, несмотря на аутентичность культур России и Испании, при ближайшем рассмотрении можно найти вполне реальные факты взаимопроникновения, схожести и даже культурной диффузии этих двух социумов.

Близкие проблемы рассматривались в направлении **«Русский язык в межкультурной коммуникации»**, где были представлены результаты исследования актуальных проблем функционирования русского языка в условиях межкультурной коммуникации: проблемы функционирования русского языка в условиях иммиграции, в культурах диаспор (доклады из США, Франции, Португалии, Италии, Испании, Германии), проблемы билингвизма и полилингвизма; программы билингвального образования (доклады из Казахстана, Грузии, Армении). Была проанализирована проблема диалога культур в процессе изучения русского языка в различных странах (Индия, Казахстан, Китай, Ливан, Мексика, Армения, Молдова, Польша, Тунис, Ирак, Испания, Монголия). При этом большое внимание уделялось проблемам методики обучения русскому языку с учетом различий в культуре России и страны изучения языка.

Секция **«Методика преподавания русского языка как иностранного, родного и нерод-**

ного» была самой многочисленной по количеству участников. Здесь четко обозначились интересы: рассматривались следующие актуальные проблемы:

- структура и наполнение учебных комплексов по русскому языку для иностранных учащихся; новые подходы к организации профессионально ориентированного преподавания русского языка как иностранного;

- новые перспективы совершенствования системы обучения в связи с развитием глобальной сети Интернет и возможностью применения интернет-технологий в учебном процессе;

- создание эффективного и оптимального контента обучения с учетом специфики коммуникативных потребностей разнообразного и широкого контингента учащихся. Среди изучающих русский язык как в России, так и за ее пределами сегодня не только будущие профессионалы — переводчики и преподаватели, но и будущие экономисты, инженеры и медики, овладевающие языком в качестве инструмента профессиональной деятельности, работники международных организаций, а также служащие сферы туризма, слушатели курсов и кружков при российских культурных центрах, пожилые участники так называемого Университета третьего возраста.

В качестве существенной лингвистической и методической задачи было обозначено создание лингводидактического описания (ЛДО) всех уровней владения русским языком как иностранным, которое представляло бы собой нормативно-методический документ, дополняющий и уточняющий существующие в российской теории и практике преподавания РКИ «Государственные образовательные стандарты».

В связи с этим положением рассматривался вопрос о качестве имеющихся и создаваемых учебных материалов по русскому языку, о необходимости их ориентации на новые информационные технологии XXI века. Сегодня уже внедряются новые методики проведения занятий с использованием обучающих программ (конструкторы, тренажеры, развивающие игры), программ-демонстраций (лабораторные работы, экскурсии), электронных энциклопедий и справочников, с ис-

пользованием интерактивных методов обучения, но они требуют серьезного методического обеспечения. Актуально проектирование современных учебников по РКИ: отбор содержания обучения, принципы организации учебного материала, разработка критериев оценки качества учебников.

Еще одна важная проблема — лингвосоциокультурная адаптация учащихся (от бытовой, климатической, физиологической, языковой и т. д. до профессиональной и социально-политической), что особенно важно на фоне тех миграционных процессов, которые происходят и в России, и во всем мире.

В собственно методическую зону входят проблемы билингвального образования, потребность в организации билингвальных моделей изучения русского языка. С одной стороны — это вопросы о специфике обучения русскому языку в неязыковой среде, о необходимости создания этноориентированных учебных материалов в соответствии с регионом и страной, где изучают русский язык. С другой — проблемы преподавания русского языка в гетерогенной среде, связанные с миграционными процессами, остро ощущаемыми в современном мире, требующими реформ школьного и вузовского образования. Они нашли свое отражение в обсуждениях, прошедших на круглом столе «Русский язык в системе билингвального образования».

Одной из актуальных задач методики остается совершенствование сертификационного тестирования по РКИ: разрабатывается дифференцированный подход к подготовке тестов для взрослых и детей школьного возраста в контексте европейской практики, уточняется специфика уровневого тестирования, учитывающего гендерный аспект, что позволяет повысить точность и объективность оценивания претендента на сертификат по РКИ, ведется работа над созданием системы дистанционного компьютерного тестирования.

Отдельным направлением было представлено **«Сопоставительное изучение русского и других языков: лингвистический и методический аспекты»**. Его основу составили работы, изучающие пути преодоления межъязыковой

интерференции, возможности устранения ошибок в русской речи носителей других языков — в области фонетики и интонации, речевых клише и т. д. Особенно широко было представлено сопоставление явлений разных языков в сфере лексики — в связи с теорией номинации, с лексической сочетаемостью, с процессами метафоризации, с процессами взаимовлияния языков, с изменением языкового сознания носителей различных языков, с общностью лексикона или же, наоборот, с ощутимыми различиями.

Участники заседаний направления **«Русский язык в интернет-пространстве»** активно обсуждали проблемы, связанные как со спецификой явления, так и с возможностями его методической интерпретации.

1. Существует ли интернет-стиль как особая разновидность функционирования литературного языка? Каковы экстра- и интралингвистические основания для его выделения? «Вписывается» ли он в систему функциональных стилей? Есть ли у него специфические лингвистические особенности и стилевые черты? Поддается ли он «поуровневому» описанию или это невозможно, так как в интернет-пространстве присутствуют все пять функциональных стилей современного русского литературного языка?

2. Что входит в предметную область интернет-стилистики — все тексты, функционирующие в Интернете, или только тексты, созданные по законам новых медиа или трансформированные под эти законы?

В докладах данного направления были представлены такие речевые жанры интернет-общения, как кибертекст, демотиватор, медиафейк, социальные сети, интернет-переписка. Эти тексты структурируются по определенным жанровым моделям, выработанным интернет-коммуникацией, а также складываются в специфические текстовые формации.

В докладах были рассмотрены и отдельные стилистические феномены, возникшие именно в интернет-пространстве: различные «игровые» субязыки, феномен медиафейка, эффект коммуникативной дополнительнойности, позволяющие сделать вывод о формировании в русской стили-

стике отдельной области интернет-стилистики, которая сегодня только ставит дискуссионные проблемы, решение которых сможет подтолкнуть развитие данного научного направления.

Активно работало направление **«Русская литература в мировом литературном процессе: история и современность»**. Список писателей и произведений, представленных в докладах этого направления, охватывает весь спектр литературного материала от классики до современности. Из русских писателей первого ряда участники конгресса уделили наибольшее внимание Лермонтову — что, по-видимому, объясняется «эхом» недавно прошедшего юбилея.

В идеологическом отношении подходы участников конгресса весьма разнообразны: от поисков православной аксиологии в классических и современных текстах до апологии самоцельной постмодернистской литературной игры.

Разумеется, в докладах участников конгресса, собравшихся со всего мира, широко представлена компаративистика. «Диалог культур» можно считать и одной из главных доминант литературоведческой секции: от сопоставления отдельных разноязычных текстов до попыток установить общие черты целых литератур: русской и болгарской, русской и казахской, русской и сербской, русской и китайской. В целом работа секции явилась «уменьшенной копией» того, что происходит в настоящее время в мире в области истории русской литературы и сравнительного литературоведения.

Направление **«Методика преподавания русской литературы: теория и практика»** носило проблемный характер и затрагивало широкий круг вопросов преподавания русского языка и литературы в иноязычной среде.

С одной стороны, внимание исследователей привлекли теоретические проблемы, позволяющие организовать материал в логические блоки: мифопоэтика, философско-эстетический подход, словесная и визуальная парадигмы, междисциплинарный подход и т. п.

С другой — внимание уделялось современным методикам и педагогическим технологиям, таким, как развивающее обучение, личностное

прочтение, компетентностно-ориентированная система, роль социокультурной среды, работа в условиях новых ФГОСов, формирование компетенций.

В целом все представленные доклады дали объективный срез состояния современной русистики в методической составляющей, обозначили важные проблемы и наметили пути их решения.

Насыщенной была и дискуссионная программа круглых столов. Большое количество участников привлек круглый стол «Проблемы иноязычного коммуникативного образования». Впервые за всю историю конгрессов МАПРЯЛ был проведен круглый стол, посвященный проблемам преподавания русского языка в контексте Болонского процесса. Перспективной в плане развития и распространения методики преподавания русского языка стала дискуссия на круглом столе «Изучение и преподавание русского языка в испаноязычной среде»; практические выводы, сделанные участниками этой дискуссии, актуальны не только для Испании, но и для всего испаноязычного мира. Сохраняет свою актуальность тема дистанционного обучения: круглый стол о проблемах и перспективах этой формы

обучения позволил не только обобщить передовой опыт использования соответствующих программных разработок, но и наметить потенциальные сферы их применения в будущем.

Интерес участников вызвали круглые столы и возникшие на них дискуссии, посвященные «Русской фразеологии в современном мире» и «Современной русской литературе в контексте XXI века». На последнем обсуждались основные векторы развития литературного процесса в современной России, особенности восприятия современного мира сквозь призму русского слова, преемственность между «золотым фондом» русской словесности и произведениями современных авторов.

Таким образом, на конгрессе обсуждались наиболее важные вопросы теории и практики функционирования и преподавания русского языка, литературы и культуры. Осмысление представленных материалов, высказанных предложений, сделанных выводов становится в ряд первостепенных задач, которые стоят перед всеми, кто занимается распространением русского языка в мире, стремится к повышению эффективности его изучения и практики обучения.

XIII КОНГРЕСС МАПРЯЛ

THE 13TH MAPRAYAL CONGRESS

В Гранаде прошел XIII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры», проведенный при поддержке фонда «Русский мир».

В рамках конгресса состоялось 35 заседаний по научным направлениям и 8 круглых столов. В работе конгрессных мероприятий приняло участие около 1200 делегатов из 60 стран мира — преподавателей-русистов, лингвистов, литературоведов, методистов, руководителей учебных заведений всех уровней образования, представителей органов власти, общественных организаций.

Основные тождественные мероприятия конгресса состоялись 15 сентября. На церемонии открытия, проходившей во Дворце конгрессов

города Гранады, выступили президент МАПРЯЛ, президент Российской академии образования, президент Санкт-Петербургского университета Л. А. Вербицкая, мэр Гранады Хосе Торрес Уртадо, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Королевстве Испания Ю. П. Корчагин, руководитель Россотрудничества Л. Н. Глебова, ректор Гранадского университета Пилар Аранда Рамирес.

Выступая с докладом «Роль языка в жизни общества» на пленарном заседании, Л. А. Вербицкая рассказала о положении русского языка в мире, привела оценки различных исследовательских центров, согласно которым, русским языком владеет от 200 до 300 миллионов жителей

планеты, рассказала о деятельности национальных ассоциаций и российских организаций, занимающихся поддержкой русского языка. В докладе были проанализированы результаты реализации ФЦП «Русский язык», в числе которых — увеличение объема информационных ресурсов по русскому языку в 2,7 раза и шестикратный рост числа участников мероприятий по популяризации русской культуры за рубежом.

«Русский язык и порожденная им культура сегодня выступают в качестве значимого фактора мироустройства хотя бы потому, что в мире мы фиксируем устойчивый рост интереса к русскому языку», — отметила президент МАПРЯЛ. Так, программы по русскому языку как иностранному открылись в ста новых школах США, а рост количества университетов, в которых преподается русский язык, отмечается в Австрии, Бельгии, Испании, Италии, Индии, Индонезии, Иране, Малайзии, Турции.

Рассуждая о деятельности гуманитарных структур, занимающихся продвижением и поддержкой русского языка в мире, Людмила Вербицкая одобрила идею создания международной гуманитарной организации, которая объединила бы «зарубежных друзей России на основе единых цивилизационных ценностей, вне зависимости от страны проживания, национальности, вероисповедания, профессиональной деятельности, гражданства. Эта организация, помимо вопросов расширения границ „русскоязычного мира“, стала бы мощным инструментом защиты интересов русскоязычных сообществ на международном политическом уровне».

Результатами исследований, свидетельствующими о повышении интереса европейских предприятий сферы обслуживания к использованию русского языка, поделилась профессор Тэмплского университета (США) А. Павленко «Russian-friendly: русский язык в европейской сфере услуг». О влиянии русской литературы на литературный процесс в инокультурном пространстве рассказал профессор Шанхайского университета иностранных языков (КНР) Чжэн Тиу.

В рамках научных заседаний на конгрессе обсуждались наиболее важные вопросы функ-

ционирования русского языка в аспекте социолингвистики, лексикографии, межкультурной коммуникации, сопоставительного языкознания, переводоведения, литературоведения, педагогики. Насыщенной была и дискуссионная программа круглых столов. Так, впервые за всю историю конгрессов МАПРЯЛ был проведен круглый стол, посвященный проблемам преподавания русского языка в контексте Болонского процесса.

Миграционные процессы, остро ощущаемые в современном мире, реформы школьного и вузовского образования, проблемы преподавания русского языка в гетерогенной среде нашли свое отражение в обсуждениях, прошедших на круглом столе «Русский язык в системе билингвального образования». Известный российский писатель, филолог, литературовед А. Варламов выступил модератором круглого стола «Современная русская литература в контексте XXI века».

Насыщенной была и культурная программа конгресса, включавшая концерты фортепианной музыки, концерт знаменитого исполнителя романсов, народного артиста России О. Погудина, а также серию выставок, посвященных культурному сотрудничеству России и Испании. Внимание не только русистов, но и всех жителей Гранады привлекла церемония открытия памятника Пушкину, выполненного петербургским скульптором Б. А. Петровым и установленная в парке «Фуэнте Нуэва» Гранадского университета. Участие в этом торжественном мероприятии принял министр образования и науки России Д. В. Ливанов.

На церемонии закрытия конгресса были подведены итоги мероприятия, намечены перспективные направления развития современной русистики, а также состоялось чествование профессора Российского университета дружбы народов С. А. Хаврониной. В этом году выдающийся русист, автор учебных «бестселлеров» по русскому языку для иностранцев отмечает юбилей. К поздравлениям присоединился и почетный гость конгресса, политолог, Председатель Комитета Государственной Думы по образованию, председатель Правления фонда «Русский мир»

В. А. Никонов. Обращаясь к участникам конгресса, он сослался на результаты научных исследований, доказавших, что знание иностранных языков способствует долголетию. «Именно поэтому все вы, распространяя русский язык в мире, про-

длеваете жизнь всему человечеству», — отметил В. А. Никонов.

На церемонии закрытия конгресса выступил хор Гранадского университета, исполнивший гимн МАПРЯЛ.

ЗАСЕДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ МАПРЯЛ

THE SESSION OF THE MAPRAYAL GENERAL ASSEMBLY

18 сентября 2015 года в Гранаде состоялось заседание Генеральной Ассамблеи Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, на котором был избран президент МАПРЯЛ, новый состав президиума, а также определена столица проведения следующего конгресса этой профессиональной ассоциации.

Генеральная ассамблея прошла в конференц-зале гостиницы «Andalucia Center» в испанской Гранаде после закрытия XIII Конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры». В ней приняли участие 78 делегатов из Австрии, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Грузии, Ирландии, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Кубы, Молдовы, Монголии, Нидерландов, Польши, России, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, США, Турции, с Украины, из Финляндии, Франции, Чехии, Швейцарии, Швеции, Эстонии.

Генеральная Ассамблея — высший руководящий орган Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, собираемый не реже одного раза в четыре года. На ассамблее рассматриваются ключевые вопросы деятельности ассоциации, избирается его руководство, проходит защита проектов на право проведения следующего конгресса МАПРЯЛ. В период между Генеральными Ассамблеями всей деятельностью ассоциации руководит Президиум «МАПРЯЛ», формируемый по региональному принципу.

Президентом МАПРЯЛ на Генеральной Ассамблее в Гранаде единогласно была избрана Людмила Алексеевна Вербицкая, президент Санкт-Петербургского государственного университета, Российской академии образования,

Российского общества преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета фонда «Русский мир». Впервые ее избрание на этот пост состоялось на конгрессе МАПРЯЛ в Санкт-Петербурге в 2003 году, и в 2015 году международное сообщество русистов вновь выразило доверие Л. А. Вербицкой.

Еще одним важным вопросом повестки дня Ассамблеи стало определение города, в котором будет проводиться Конгресс МАПРЯЛ в 2019 году. К защите были представлены заявки от национальных объединений русистов, предлагавших провести следующий конгресс в Пекине (КНР), Астане (Казахстан), санаторно-оздоровительном комплексе «Камчия» (Болгария), Любляне (Словения), Эрзуруме (Турция). В ходе открытого голосования столицей XIV Конгресса МАПРЯЛ была избрана Астана, которую выдвинуло Казахстанское общественное объединение преподавателей русского языка и литературы.

В ходе открытого голосования были избраны вице-президенты МАПРЯЛ: Дэн Дэвидсон (США), Лю Лиминь (КНР), Арто Мустайоки (Финляндия), С. А. Кузнецов (Россия), Э. Д. Сулейменова (Казахстан). Генеральным секретарем «МАПРЯЛ» была выбрана Н. В. Брунова (Россия), казначеем — Т. П. Млечко (Молдавия). Тайным голосованием были определены члены президиума: Харри Вальтер (Германия), Д. З. Гоциридзе (Грузия), Рафаэль Гусман Тирадо (Испания), Иржи Клапка (Чехия), Аксиния Красовски (Румыния), Л. А. Кудрявцева (Украина), Сесилия Оде (Нидерланды), Лара Рязанова-Кларк (Великобритания), Людмила Шипелевич (Польша), Томас Шмидт (Швейцария), Чжэн Тиу (КНР).

Н. В. Богданова-Бегларян

РЕФЛЕКСИВ В СИСТЕМЕ ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

NATALIA V. BOGDANOVA-BEGLARIAN

REFLEXIVE ITEMS IN RUSSIAN SPEECH DISCURSIVE UNITS SYSTEM

В статье предлагается авторское понимание термина *рефлексив*, которым называется один из классов дискурсивных единиц устной речи. Единицы этого класса, относящиеся к условно-речевым, в отличие от собственно речевых и неречевых, появляются как реакция говорящего на его собственные речевые действия. Испытывая затруднения в «проблемных точках речепорождения», говорящий часто колеблется, хезитирует, подыскивая нужное слово или выражение, часто использует при этом единицы другого дискурсивного класса — *вербальные хезитативы* или их цепочки (хезитативные конструкции), — найдя нужное слово/выражение, зачастую отстраняется от него, «рефлексирует», как бы снимая с себя ответственность за правильность найденной единицы («точность номинации») или выражая свое к ней отношение. Возможно употребление рефлексива и вне ситуации хезитационного поиска, когда говорящий так или иначе оценивает собственное высказывание, уже произнесенное или готовящееся к произнесению. Именно эти единицы, названные рефлексивами, и подвергнуты в статье детальному дискурсивному анализу. Материалом для такого анализа стали два собрания устных текстов: блок «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка и устный подкорпус Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: русская устная спонтанная речь, функциональные единицы речи, дискурсивные единицы, Звуковой корпус русского языка, рефлексив.

The author offers her understanding of the term 'reflexive item' as a type of discursive unit. Such items conditionally pertain to the speech ones and appear only as a speaker's reactions on his / her own speech act. While passing through problematic speech patterns, the speaker often hesitates, looks for a particular word or phrase and often uses the units from different discursive class, i.e. the verbal *hesitatives* (or "verbal hesitation" items) and their chains (hesitative constructions). When the word / phrase is finally found, the speaker reflects his own choice, as if relieving his / her own responsibility for the item found (and its accuracy), or expresses his / her attitude towards it. Sometimes, though, speakers use reflexive items regardless of the hesitation situation, just in order to evaluate his / her speech. These last items are in-depth analyzed in the article. The research is based on two sets of speech texts, 'One Speech Day' (Russian Speech Corpus) and the Oral Sub-corpus of the Russian National Corpus.

Keywords: Russian spontaneous oral speech, functional speech items, discursive items, Russian speech corpus, reflexive.

**Наталья Викторовна
Богданова-Бегларян**

Доктор филологических
наук, профессор
кафедры русского языка
филологического факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета
► nvbogdanova_2005@mail.ru

Живая устная речь, особенно организованная в корпус, став в последнее время одним из объектов пристального внимания лингвистов разных направлений, с одной стороны, дала богатейший материал для наблюдений и выводов, а с другой — породила множество проблем, с которыми сталкивается ее описание, в том числе — с проблемой выработки собственного метаязыка такого описания¹.

Поворот лингвистики от структуралистского описания языковой системы и обслуживания прикладных областей знания к говорящему и слушающему человеку (*Homo Loquens*) выразился прежде всего

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах»

в понимании бесперспективности дальнейшего моделирования методом «черного ящика» в процессе решения прикладных задач и «дальнейшего шлифования метода классических дефиниций»². Традиционная лингвистическая терминология складывалась в основном для того, чтобы описывать «идеальные» или зафиксированные в письменной речи явления. Думается, что одной из задач современной *коллоквиалистики* как теории разговорной речи является разработка понятийной и терминологической базы, предназначенной для того, чтобы осуществить категоризацию «событий», случающихся не в сознании лингвиста или наблюдаемых в письменной форме речи, а имеющих место в реальном звуковом потоке, происходящих в голове говорящего или слушающего (воспринимающего) человека, являющихся составляющей естественной речевой коммуникации. По выражению А. Е. Кибрика, сегодня «нужна принципиально другая „дефинициология“, чем та, которая досталась нам от аристотелевой и математической логики»³.

Одним из таких терминов *коллоквиалистики*, необходимых для полноценного описания устного дискурса, можно считать *рефлексив*, ставший объектом специального рассмотрения в настоящей работе. Термин этот, однако, оказался чрезвычайно «нагружен» в лингвистике различными смыслами, что вынуждает прежде всего оговорить специфику его понимания в нашем случае.

Так, *рефлексивом* называют порой возвратное местоимение *себя*⁴ или возвратный залог в русском языке⁵. Хотя наиболее распространено другое толкование этого термина: под *рефлексивом* понимают «метаязыковое комментирование актуальной для современного словоупотребления лексической единицы»⁶. Целью *рефлексива*, по мнению Е. И. Шейгал, является «снятие информационной энтропии, коррекция сообщения в сторону уточнения, приближения к истине»⁷. Понятие *рефлексив* в этом значении сближается с такими понятиями, как *интерпретирующие речевые акты*⁸ и *речевой акт уточнения*⁹, и «выступает по отношению к ним как родовое»¹⁰.

Во всех таких случаях *рефлексив* переходит на «метадискурсивный» уровень речепорождения

и выступает, по выражению К. М. Шилихиной, в роли «индикатора субъективной оценки говорящим собственной речевой деятельности»¹¹. Более широкое понятие *рефлексивности* рассматривается лингвистами как способность говорящего представлять себе содержание своих мыслей (памяти, желаний, планов), подвергать их анализу, сопоставлять, отвергать и корректировать¹².

Встречаются попытки подстроить существующие в науке термины под те или иные конкретные исследовательские задачи, ср.: «Понятие *рефлексив* используется в лингвистике для обозначения „относительно законченных метаязыковых высказываний, содержащих комментарий к употребляемому слову или выражению“»¹³. «Мы посчитали возможным применить данный термин для обозначения различных видов (знаковых экспликаций) жанровой авторефлексии в тексте художественного произведения»¹⁴. В настоящей статье предпринимается подобная же попытка назвать *рефлексивом* нечто новое, пока мало описанное в лингвистической литературе. Предлагается рассматривать *рефлексивы* как разновидность *прагматем* устной речи, что также требует некоторого комментария.

О *прагматикализации* говорят, когда в естественной речи определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний¹⁵. Обычная лексема превращается при этом в *прагмалексему* (*Pragmalexeme*)¹⁶, или *прагматему*. Последний термин для описания исследуемого класса единиц, на наш взгляд, более предпочтителен, поскольку зачастую эти единицы представляют собой не отдельные лексемы, а целые конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления: *(не) это самое*, *(ну) (ты) знаешь*, *как его (ее, их)*, *как это*, *(я) не знаю* и под.¹⁷

Если понимать под *дискурсом* собственно речь, речевую коммуникацию¹⁸, «текст в ситуации реального общения»¹⁹, «текст в событийном контексте», или «речь, погруженную в жизнь»²⁰,

то дискурсивный анализ — это не только «регистрация языковых фактов, но и их объяснение с точки зрения когнитивных процессов в голове говорящего человека»²¹, а выявляемые в ходе такого исследования «речевые сбои и способы их преодоления — неоценимый источник информации при анализе языка с когнитивных, социологических и психологических позиций», «ключ к порождению и пониманию речи»²². Именно потому особый интерес исследователя вызывают те ситуации, когда говорящий, найдя в ходе хезитативного поиска ту или иную единицу, выражает свое отношение к результату этого поиска: либо остается в состоянии неуверенности, что нашел именно то, что нужно, либо снимает с себя ответственность за сказанное, вербализует это отношение «отстраненности», используя различные конструкции с общим значением 'если я не ошибаюсь' или с риторическим вопросом типа *так ли?* Поскольку эти конструкции возникают чаще всего как рефлекс говорящего на произведенный им хезитативный поиск, то их уместно назвать *рефлексивами* и выделить как самостоятельный класс прагматем устной спонтанной речи, ср.:

были (э) как-то вот / (э) (...) вот эти / как их? ламблии? **или как это?** (ОРД)²³;

ну просто какое-то(?) хирургическая манипуляция / **знаете** (ОРД).

Возможно употребление рефлексива и вне ситуации хезитативного поиска, когда говорящий оценивает собственное высказывание, уже произнесенное или готовящееся к произнесению:

ну просто здесь случай / *П скажем так не самый простой (ОРД).

Таким образом, предложенное понимание *рефлексива* хотя и отличается от наиболее распространенного в лингвистике, но обнаруживает некоторую близость к нему: говорящий непроизвольно, рефлексивно, реагирует на только что сказанное или на то, что хочет произнести, и тем самым действительно осуществляет некоторое «метаязыковое комментирование».

Рассмотрим разные типы выявленных на материале исследования рефлексивов и проследим особенности их употребления говорящим.

Рефлексив

как следствие хезитативного поиска

Такой рефлексив может быть употреблен **после поисковой конструкции**²⁴ и найденной единицы, в «постпозиции»:

- (1) *главное у нее сегодня **этот** () как его / лабораторный день / или как сказать?* *П я прихожу / там ни одного человека нет // парень какой-то у ней* сидит / а в коридоре вообще никого нет (ОРД);
- (2) *вот / *П будадион / ну это у меня (...) на локоть / у меня (...) последнее время / @ угу // @ *П л... жжёт изнутри / @ ну понятно // @ *П и иногда:) такой сильный (...) болевой синдром // *П или как там правильно сказать?* ну в общем / ощущение боли / что(:) дальше некуда // @ угу (ОРД).

В обоих приведенных примерах выделены поисковые хезитативные конструкции (ХК), часто представляющие собой цепочки ВХ, найденные в результате поиска единицы и *рефлексивы* — как реакция говорящего на результат этого поиска.

В следующих контекстах рефлексив употреблен говорящим тоже в «постпозиции» к определенной (требующей, по его мнению, комментария) единице, но **без явного предшествующего поиска**:

- (3) *тоже такой был / маленький / толстенький // *П на прапоририка / он похож вот / Настеренко или как его* (ОРД).

Здесь поиск намечен разве что словом *такой*, которое выступает в данном контексте не в своем основном указательном значении, а в функции вербального хезитатива: подыскивая нужную фамилию, говорящий дает описание человека, использует «изобразительный» ВХ *такой*, затем, после продолжительной паузы, называет эту фамилию — и тут же словно «отстраняется» от нее, вербализуя сомнения в своей правоте. Таких примеров довольно много и в устном подкорпусе НКРЯ:

- (4) [Д, муж, 41] *Как / Рубальский / или как его там / Рубальская / его жена / Рубальская / знаешь такую / поэтессу* (Праздный разговор // Из материалов Саратовского университета, 2004);
- (5) [№ 1, муж, 30] *Почему / Казахстан или как его* [№ 9, муж, 30] *Казахстан тоже Россия* [Оля] *Какая Россия Казахстан?* (Беседа с социологом

на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003).

Из примеров видно, что основной массив рефлексивов рассмотренного типа рекрутируется из класса самих вербальных хезитативов: как *его* (*ее, их*), как *это*, — вводится разделительным союзом *или*, часто содержит в своем составе дискурсивное слово *там* и оформляется как риторическая вопросительная конструкция. Интонационный анализ соответствующих фрагментов может выявить дополнительные особенности данных прагматем.

Встречаются и другие варианты рефлексивов в «постпозиции»:

- (6) *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут / тут сложнее гораздо / @ да // @ потому что / значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / н... по моим / понятиям значит / я же не отличаюсь так скажем / таджика от узбека что называется / @ да да да // @ да?* (ОРД).

Свидетельством произведенного говорящим поиска единицы является длинная, разорванная словами базового текста (*по моим / понятиям*), ХК (*значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / н... <...> значит*); найденное в результате этого поиска довольно протяженное выражение завершается рефлексивом *что называется*, которым говорящий показывает собеседнику, что это типично не только для него, но для любого русского человека.

Список рефлексивов пополнился, тем самым, единицей *что называется*.

Рефлексив как оценка сказанного

Такой «постпозитивный» рефлексив возникает после того, как произнесена некая фраза, которую говорящий считает нужным прокомментировать. Этот комментарий сводится, как правило, к оценке высказывания как эвфемистичного / деэвфемистичного или нетривиального, что и отличает данный тип от предыдущего, ср.:

- (7) *у меня такой личный вопрос / в общем (м-м) скажем так... *П разрешите / я сяду* (ОРД).

Пример 7 свидетельствует о явной полифункциональности прагматемы-рефлексива ска-

жем так: используя эту конструкцию, говорящий оценивает как удачность произведенного поиска, так и степень нетривиальности найденного выражения. О поиске, произведенном говорящим в этом контексте, свидетельствует, в частности, употребление ВХ *такой*, а также протяженная последующая хезитационная конструкция *в общем (м-м) скажем так*, заканчивающаяся обрывом фразы. Сам же рассматриваемый рефлексив подчеркивает некоторую нетривиальность, даже терминологичность, произнесенного выражения (*личный вопрос*), а также показывает, насколько важен этот вопрос для говорящего. Не случайно далее, прежде чем перейти собственно к этому вопросу, говорящий просит у собеседника разрешения *сесть (разрешите / я сяду)*.

В следующих примерах (8–9) рефлексивы *скажем так / так скажем* показывают некоторую эвфемистичность произнесенных выражений. Говорящий словно бы сигнализирует слушателю, что *сложная публика, неспециалистами* — это еще мягко сказано:

- (8) *там сложная публика / скажем так // *В хотя / *П есть один представитель который совершенно не искажён / (...) стремление (...) делать всё как надо / но(:) *П к сожалению / *П просто средства массовой информации / они не существуют в вакууме / это не(:) (...) какой-то клуб избранных* (ОРД);
- (9) *с другими // *П ну (...) неспециалистами так скажем // *П в той области / в которой я работаю* (ОРД);
- (10) *да я так просто / ну чтоб повыпендриваться / знаешь там* (ОРД).

В примере 10 полифункциональный рефлексив *знаешь там* снова выступает как маркер нетривиальности использованного говорящим слова (*повыпендриваться*), а также как дискурсивный финальный и метакоммуникативный маркер.

Такую же полифункциональность демонстрирует и контекст 11: перед нами прагматема с функциями рефлексива, метакоммуникатива и дискурсивного маркера финала высказывания:

- (11) *На английском языке есть / ээ / есть замечательная пословица / если жизнь тебе даёт ли-*

мон / а на английском языке лимон / это вроде символа всего / **ну как сказать** / неприятного / гадкого / **знаете** (В. Мельтев, К. Прошутинская. Беседа К. Прошутинской с А. Мельтевым в программе «Мужчина и женщина», РТР // Архив Хельсинкского университета, 2001).

Употребив поисковый вербальный хезитатив *ну как сказать*, говорящий произносит два довольно крепких определения и завершает высказывание рефлексивом *знаете*, которым лишний раз привлекает внимание собеседника (метакоммуникативная функция) и словно бы подчеркивает, что на этот раз намеренно отказывается от эвфемизации.

В следующем примере (12) такой же полифункциональный рефлексив / хезитатив *так скажем* находится практически в «интерпозиции», то есть разрывает найденную конструкцию, встраивается в нее, привлекая к ней внимание слушающих и снова, как представляется, сигнализируя о некоторой ее нарочитой эвфемистичности:

- (12) *не отдохнула // хотя я там бездельничала / меня никто не напрягал / меня никто / ну вот это вот / однообразие / которое там было / вот эта неустроенность быта / э-э ну / действовала на меня не очень / **так скажем** / плодотворно* (САТ, своб. рассказ).

Видно, что чаще всего в этой роли постпозитивного оценивающего рефлексива выступают единицы *так скажем/скажем так* и *знаешь/знаете*²⁵. Встречаются, впрочем, и варианты *что называется* и *как говорится*:

- (13) *понимаешь # понимаю *Н # () совершенно **вот такого** / (а-а) вокруг да около / **как говорится** / и ничего конкретного // и я у... / а Полина / это человек который / воспринимает информацию / вот ей надо четко и конкретно* (ОРД);
- (14) *вот / а там (э-э) / *П хорошая программа / всё **как раз для блондинок** что называется / ну вот / но / *П с маленьким нюансом / там нет быстрых клавиш* (ОРД).

«Упреждающий» рефлексив

Рефлексив в «препозиции» по отношению к тому слову/выражению, которое говорящий только еще собирается произнести, дает предварительную оценку этой единицы, как бы готовя

к ней слушателя. Эта оценка может быть различной. Рассмотрим это на конкретных примерах.

- (15) *и / значит / э-э **так скажем** немолодой уже / мужчина отправляется / э-э на отдых* (САТ, описание сюж.).

Рефлексив / хезитатив *так скажем* сигнализирует в контексте 15 о том, что следующее выражение в значительной степени *эвфемистично*, оно намеренно смягчено говорящим, тогда как могло бы быть гораздо более жестким: *мужчина старый, пожилой* и т. п. Без рефлексива эта эвфемистичность не была бы эксплицирована и, соответственно, гарантированно воспринята слушающим.

Иная ситуация в примере 16:

- (16) *у нас сейчас () акция действует / скидка десять процентов на библиотеку // то есть это у вас получается как бы () **так скажем** бесплатная сборка* (ОРД).

Говорящий, используя ту же конструкцию *так скажем*, словно бы, наоборот, отказывается от туманных рекламных выражений и называет вещи своими именами (в отличие от предыдущего примера, здесь можно говорить о *деэвфемизации* высказывания). Примерно с той же целью используется хезитатив и в следующем примере 17: говорящий отказывается от осторожных и смягченных выражений, предпочитая выразиться конкретно и прямо:

- (17) *как часто вы встречаете людей / чья речь вам нравится / доставляет вам удовольствие? *П *В в основном в книгах / конечно // *П *Н ну / наши / *П известные артисты / речевики / типа Ираклия Андроникова / понятное дело // *П да вот / *П **ну скажем так** / редко* (ОРД).

В примерах 18–20 рефлексив сигнализирует, как можно предположить, о некоторой нетривиальности (с точки зрения говорящего) найденного выражения:

- (18) *(э-э) ну(:) в особенности с человеческой памятью / опять же достаточно избирательной и(:) / *П **скажем так** идеалистичной / по отношению к той информации / которую она воспринимает* (ОРД);
- (19) *потом появилось цифровое видео // *П а мне честно говоря / знаешь что-то вот такое вот /*

я смотрю / ролики выкладывают ребята(:) // *П ну вот // # где(?) # да / это(:) / да // ну вот / (э-э) *П ну(:) / в... я смотрю / ну к... ну понимаешь / ну / что-то вот... *П # неинтересно // # нет / скажем вот (э) / *П сделать что-то такое вы-дающееся / *П (э) идеи нету / *П а(:) делать вот это / ну я левой задней многие вещи уже это делаю (ОРД);

- (20) *В и кстати (э-э) / я вот обратил внимание что / вот / национальности которые (э-э) / скажем так / с... среди себя только / *П размножаются... @ а / да да да // @ вот // @ ну // @ они (э-э) (м-м) менее красивые чем миксы (ОРД).

Видно, что большая часть контекстов подобного типа содержит рефлексив *скажем так/так скажем*, однако встречаются в этой функции и другие единицы, ср.:

- (21) ну посмотрим / посмотрим чего там как // *П ой-ой-ой / *П ну (:) знаете / как это / вашими устами / да мед пить / *П вот (ОРД);
- (22) но там в студенческих статьях были ну что называется явные ляпы / самые настоящие ну вот такие неграмотности (О. Б. Сиротина. Беседы с О. Б. Сиротиной // Из коллекции Саратовского университета, 2008);
- (23) будем просить Доброву // *П ну и всё // *П и дальше уже ... / *П как говорится / *П воля божья (ОРД);
- (24) а эта-то / опять эта тетка там стоит // *П ой / пойти // сегодня утром стояла женщина *Н пойду пот... *Н *Ш как говорится / потрындеть (ОРД).

Во всех этих случаях, используя «упреждающие» рефлексивы *ну (:)* *знаете / как это, что называется* и *как говорится*, говорящий вводит затем некую нетривиальную, часто идиоматизированную, единицу (*вашими устами / да мед пить, явные ляпы, воля божья, потрындеть*).

В следующем примере (25) использовано сразу два «упреждающих» рефлексива, также вводящих в высказывание нечто нетривиальное:

- (25) [А. Д., муж] Ну единственное/ после этого за мной был как говорится глаз да глаз / потому что считали что один из тех как *щас* говорят склонен к побегу (Рассказ-воспоминание об учебе в школе // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011).

К списку «препозитивных» рефлексивов русской устной речи добавляется конструкция *как *щас* говорят*.

ДА как рефлексив

В значительной степени близки к функции рефлексива и многие употребления в устной речи дискурсивной единицы *да*, ср.:

- (26) [Т. И. Резникова, жен, 36, 1977] Одна *используется для ножей / то есть для объектов / которые режут / другая используется для копы / то есть объектов / которые колют / да / то есть с острым кончиком* (Т. И. Резникова. Доклад на конференции «Диалог 2013» // Из коллекции НКРЯ, 2013).

Да в этом контексте (26) употреблено и в метакоммуникативных целях (привлечь или удержать внимание собеседника), и как рефлексив: с его помощью говорящий как бы хочет получить согласие собеседника, что произнесенное им выражение общеизвестно и всем понятно.

Выводы

Практически во всех рассмотренных контекстах говорящий испытывает трудности при подборе адекватной номинации или просто избегает точной номинации в силу тех или иных прагматических причин — и использует целый комплекс сигналов разного уровня, которые предупреждают слушающего об этой ситуации. Список таких «сигналов», или «кластеров», достаточно объемный и разнообразный, поэтому логично поставить вопрос о создании словаря подобных единиц, как гезитационно-поисковых, так и рефлексивных. Удобным вариантом такого собрания мог бы стать *Словарь прагматем русской устной речи*²⁶.

Потенциальными пользователями такого словаря могут быть русисты всех специализаций, коллоквиалисты, специалисты в области речевой коммуникации, журналисты, психо- и социолингвисты, специалисты в области лингвистической экспертизы, преподаватели русского языка для русских и иностранных учащихся, студенты-филологи, а также широкий круг лиц, интересующихся современным состоянием живой русской речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: Коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013. С. 30–31 и след.; *Богданова-Бегларян Н. В.* Новый материал — новые термины // XLIV Междунар. филол. конф. 10–15 марта 2015 года. Тезисы. СПб., 2015 (в печати).

² *Кибрик А. Е.* О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50–60-х годов // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. Вып. 1. Семантика. Лексикография. Референциальный анализ. Метаязык лингвистики / Сост. и отв. ред. выпуска Н. В. Перцов. М., 1996. С. 232.

³ Там же.

⁴ См.: *Кустова Г. И.* Заметки о рефлексивных значениях // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. I. М., 2014. С. 199–220.

⁵ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Ред. А. Н. Чудинов. СПб., 1894. 1004 с.

⁶ *Вепрева И. Т.* О социально-оценочной функции метаязыкового комментария в публичной речи // Политический дискурс в России-3: Матер. рабочего совещания. М., 1999. С. 51; см. также: *Кормилицына М. А.* Рефлексивы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов, 2000. С. 20–25; *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: монография. М., 2004. 326 с.

⁷ *Шейгал Е. И.* Указ. соч.

⁸ *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 64.

⁹ *Старикова Е. Н.* Уточнение как элементарная единица дискурса // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. М., 1991. С. 184.

¹⁰ *Шейгал Е. И.* Указ. соч.

¹¹ *Шилихина К. М.* Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По матер. ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. М., 2013. С. 717.

¹² *Metarepresentations: Interdisciplinary Approach* / Ed. by D. Sperber. Oxford, 2000.

¹³ *Вепрева И. Т.* Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на матер. высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 42 с.

¹⁴ *Зырянов О. В.* Жанровые рефлексивы в свете исторической поэтики // Дергачевские чтения — 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: матер. IX Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 80–91.

¹⁵ *Graf E.* Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. S. 288–289; см. также: *Günther S., Mutz K.* Grammaticalization vs. Pragmaticalisation?

The development of pragmatic markers in German and Italian // What Makes Grammaticalisation? A Look from its fringes and its components / Ed. by W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer. Berlin, 2004. P. 77–107.

¹⁶ См., напр.: *Rathmayr R.* Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. München, 1985.

¹⁷ Подробнее о понятии *прагматемы* см.: *Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.

¹⁸ См., напр.: Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / Ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлеская. М., 2009. С. 26; см. также: *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. Vol. 1, 2 / Ed. by T. A. van Dijk. London, 1997; *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003; *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.

¹⁹ *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

²⁰ *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 2000. С. 137.

²¹ Рассказы о сновидениях... С. 31.

²² Там же.

²³ Все примеры в статье атрибутированы в соответствии с их источником: прежде всего это контексты из двух блоков Звукового корпуса русского языка (см. о нем подробнее: Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2013): сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) и «Один речевой день» (ОРД), либо из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ). Для контекстов из САТ указан также жанр монолога: чтение, пересказ, описание изображения или рассказ на заданную тему. О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: *Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи. Материалы XXXVIII Международной филологической конференции (16–20 марта 2009 г.). СПб., 2009. С. 66–75.

²⁴ Об их разнообразии в рамках класса *вербальных хезитативов* (ВХ) см., напр.: *Богданова-Бегларян Н. В.* Кто ищет — всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По матер. ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. М., 2013. С. 125–136.

²⁵ См. о них подробнее: *Кустова Г. И.* Указ. соч.

²⁶ См. подробнее: *Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи...

Е. Ю. Кислякова

СЕМАНТИКА ДРУГОГО: ОПЫТ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНКРЕТИЗАЦИИ

EVGENIA YU. KISLYAKOVA

THE SEMANTICS OF OTHER: AN EXPERIMENT OF SEMACIOLOGICAL SPECIFICATION

В статье рассматривается лексикографическая представленность русскоязычной лексики *другой* в сопоставлении с фактическим набором семных конкретизаторов выражаемого данным словом семантического признака. Выявляется степень расхождения семных конкретизаторов *другого* в различных словарях (периода XIX–XXI вв.) и в реальной и художественной коммуникации с использованием приемов лингвосемасиологического анализа. В работе конструируется обобщенная семантема *другого*, в сложной структуре которой обнаруживаются как строго оппозитивные, так и градуальные семантические признаки и конкретизаторы, приводящие к поливалентному восприятию данного слова в коммуникации, что требует его более детального описания в перспективных словарях.

Ключевые слова: «другой», семантема, облигаторные, дифференцирующие, семы.

The article deals with the lexicographical aspect of the Russian lexeme *drugoj* (*other*) in comparison with the factual semes denoted by this word. Based on the methodology of linguistic semaciology, the analysis measures differentiations of the semes presented in some 19th – 21st centuries dictionaries and the communication in real-life and fiction. Such analysis allows to offer a generalized semanteme of *other*, which highlights strictly opposite as well as gradual semantic features, leads to multi-various interpretation of the word in communication, and requires more linguistic scrutiny in further lexicographical work.

Keywords: “other”, semanteme, obligatory, differential, semes.

Евгения Юрьевна Кислякова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского
языка и методики его
преподавания Волгоградского
государственного социально-
педагогического университета
► kisjen@rambler.ru

Данная статья, выполненная в русле семной семасиологии, посвящена описанию семантики понятия *другой* как конститутивного признака коммуникативной категории *инакости*. Целью статьи является выявление семасиологических неточностей лексикографирования исследуемого понятия в различных современных словарях, включая электронные.

Исследователи Воронежской лингвистической школы справедливо отмечают, что установившийся в прошлом веке порядок лексикографической фиксации значения слов и словосочетаний нуждается в корректировке с учетом семного и семемного видов анализа на базе аспектного подхода к решению данной проблемы¹.

Нами было проанализировано 12 лексикографических источников², из них 8 словарей являются отражением состояния современного русского языка с конца XX века по настоящее время. Исходя из представленных в них словарных обзоров *другого*, наиболее полно семантика этого слова представлена в Викисловаре, в котором зафиксировано

7 его значений³. Однако ни один из лексикографических источников не может претендовать на целостную завершенность словарной статьи исследуемой лексемы и оставляет право за дальнейшими разработками в области уточнения семантических признаков *другого*.

Тем не менее важно подчеркнуть, что метаязыковая интерпретация любой ментальной единицы при ее лексикографировании принципиально не может подлежать оценке как истинная или ложная, правильная или неправильная — разные словари, раскрывая описываемую ментальную единицу, дополняют друг друга. «Обсуждению с позиций истинности/ложности может подлежать лишь сам факт выделения того или иного значения, семы, когнитивного признака, скрытого смысла и под., но не его формулировка на метаязыке. Формулировка ментальной единицы может быть более или менее полной, стилистически более или менее удачной, но при этом не будет ошибочной»⁴.

В данной статье мы исходим из гипотезы, что семантическая структура лексемы *другой* является более сложной, чем имеющиеся на сегодняшний день лексикографические интерпретации: *другой* является не просто полисемантом, но также в его сигнификативном плане обнаруживаются лексико-семантические варианты, входящие друг с другом в отношение энантиосемии. Под явлением энантиосемии понимается совмещение противоположных значений в одном языковом знаке, например, «бесценный» — ‘1) не имеющий никакой цены; 2) имеющий очень высокую цену’⁵.

Понятие *другой* выходит за рамки обыденного языкового употребления и тесно связано с проблемой *инакости*⁶. Осмысление феномена *инакости* на ментальном уровне способствует расширению семантики номинирующих данное понятие языковых средств, включая языковую единицу *другой*, а более детализированная вербальная репрезентация, в свою очередь, задает импульс для обогащения концептуального содержания категории *инакости*.

В целях комплексного, системного описания *инакости* как коммуникативной категории нами были ранее выделены основные концепты,

входящие в ее ассоциативно-когнитивное пространство⁷, поскольку большинство категорий естественных языков представляют собой полисемичные категории, т. е. категории, обладающие двумя и более значениями одной лингвистической формы⁸.

В нашем понимании *инакость* представляет собой сложное ментальное образование, в когнитивном пространстве которого можно выделить субкатегориальные бинарные оппозиции, такие, как *единство* — *множественность* (*многообразие*), *тождественность* — *подобие*, *сходство* — *различие*, *нормативность* — *ненормативность*, *свойственность* — *чуждость*, *определенность* — *неопределенность*, *реальность* — *гипотетичность* (*возможность*). Их моделирование осуществлялось с помощью метода концептуального анализа на основе инвариантных семантических множителей языковых средств репрезентации категориального значения «иной».

Выявленные субкатегориальные оппозиции являются в данной работе эпистемическими «платформами», на базе которых осуществляется семантизация лексемы *другой* как наиболее точного языкового средства объективации категории *инакости*. Следует отметить, что лексема *другой* является лексическим средством репрезентации категории *инакости* во всех ее параметрах, но, думается, в каждом случае рассматриваемый репрезентант выступает в качественно ином своем лексико-семантическом варианте.

В рассмотренных нами словарях, фиксирующих состояние русского языка конца XX–XXI вв., представлены следующие данные о лексико-семантической структуре слова «другой»:

Облигаторные семные конкретизаторы:

не этот, не данный; не такой, иной; прочий, остальной, (ни один из названных или из известных).

Дифференцирующие семные конкретизаторы:

второй, следующий, еще какой-нибудь из ряда однородных предметов — 5 словарей;

некоторый, некий, кто-нибудь иной — 5 словарей;

противоположный, противопоставленный — 4 словаря;

посторонний — 3 словаря;

отличающийся, несхожий — 3 словаря;

кто-то иной, не сам — 2 словаря;
 чужой — 2 словаря;
 не принадлежащий этому — 1 словарь;
 иностранный — 1 словарь;
 изменившийся, не такой, как раньше — 1 словарь;
 (субстантивир.) человек или объект из числа
 близких к данному человеку либо объекту,
 окружающих его — 1 словарь.

Приемы дефиниционного анализа позволили выявить набор семных конкретизаторов признака *‘другой’*, совпадающих во всех изученных нами словарях (облигаторные семы), а также ряд сем, встречающихся только в одном или нескольких словарях (дифференцирующие семы). Исходя из данных, представленных выше, расхождение облигаторных и дифференцирующих сем составляет 7:19. Такое значительное расхождение в интерпретации общего признака *‘другой’* на одном временном срезе современной русской культуры заставляет задуматься, насколько адекватно словарь отображает языковую реальность, а также каковы причины, приводящие к вытеснению большего количества конкретизаторов на периферию. Возможным объяснением последнего является тенденция генерализации в процессах осмысления и означивания реальности, в частности, феномена *другого*.

Общим прототипическим значением *другого* в словарных толкованиях является *‘не совпадающий с данным, отличный’*, что обусловлено, на наш взгляд, такой параметрической заданностью категории *инакости*, как множественность. Данный параметр раскрывается в представленных в левой колонке таблицы семемах через такие ядерные семантические признаки, как *‘не этот, не являющийся данным’*. Например: *«Вы должны понять, что жить с вами, как я жил прежде, я не в состоянии; не оттого, что я на вас сержусь, а оттого, что я стал другим человеком»* (И. С. Тургенев. *«Дворянское гнездо»*). Здесь *другой* значит *‘не тот, каким вы меня знаете’*, нет акцента на степени отличия нового Я героя от его прежнего Я.

Дифференцирующие семантические конкретизаторы, представленные в правой колонке таблицы, являются примером периферийной зоны

в обобщенной семанте лексемы *другой*. Чем менее частотно представлена какая-либо сема, тем дальше она располагается от ядерного значения.

Нас заинтересовал тот факт, что в рассмотренных современных словарях не выделяется даже в периферийной зоне такая семема *другого*, как *‘аналогичный, такой же, тождественный’*, учитывая мнение известного лингвиста Н. Д. Арутюновой о том, что тождественность имеет место в акте идентификации и равно единичному⁹. Однако, ссылаясь на словарь Д. Н. Ушакова, упомянутый исследователь выделяет в семантической структуре лексемы *другой* значение *‘почти-тождества’*: *‘Такой же, как кто-нибудь, равный, почти тождественный с ним’*¹⁰.

Согласно процитированному словарю такое употребление возможно с именами собственными, с чем нельзя согласиться, поскольку идентичность признаков может наблюдаться и в интенциональной сфере (в которой имеет свойство функционировать тождество) имен нарицательных. Например: *«Ему так понравился пирог, что он съел другой кусок / другой такой же кусок»*. Пропозиционально данное утверждение акцентирует идентичность вкусовых признаков второго куска пирога (*другой кусок такой же вкусный*), отсюда и возможность псевдооксюморонного сочетания *другой такой же*. Примечателен тот факт, что словари XIX — середины XX в.¹¹ выделяют в слове *другой* семантический признак *‘такой же’*: *‘Такой же точно, вполне сходный’*. Например: *Это другой ты. Он словно другой Наполеон. Одной рукой собирай, другой раздавай. Одно за другим; одно к одному. Один не годится, другой хоть брось, третий маленько похуже обоих*¹².

Учитывая этимологию слова *другой*, однокоренное слово *друг* указывает на возможность восприятия другого как подобного, равноправного существа: *другой* восходит к той же основе, что и *друг*, и имеет такое же первоначальное значение *‘сражающийся вместе’*¹³. Нивелирование этого признака в современном восприятии другого может, на наш взгляд, свидетельствовать о влиянии экстралингвистических факторов, как то социокультурный контекст эпохи, в которой *самость*¹⁴ становится более выразительной, чем

*другость*¹⁵, что требует отдельного самостоятельного исследования.

В современных словарях недостаточно эксплицированы те семы, которые могут объяснить описанную выше коллокацию лексемы **другой** (*такой же другой*). Так, в структуре семемы четвертого ЛСВ **другой** в Викисловаре выявляются такие семы, как *‘ещё какой-нибудь из ряда однородных предметов, явлений; прочий; остальной’*¹⁶. Семы *‘прочий, остальной’* не передают идею похожести, а сема *‘еще какой-нибудь из ряда однородных предметов, явлений’* акцентирует идею *другой* как *любой*. Семантический множитель *‘из ряда однородных предметов, явлений’* оказывается периферийным, эта сема не отвечает за возможность включения части в целое, как в примере с пирогом, и однородность может восприниматься двояко: как тождество и как подобие субстанций.

Общеизвестен факт, что в процессе речевой актуализации какие-то семы могут нивелироваться, а другие, наоборот, эксплицироваться¹⁷. Пример с другим куском пирога объективирует сему *‘такой же, идентичный, аналогичный’*, поскольку объекты в этом случае характеризуются с одной и той же признаковой стороны, поэтому структура семемы должна быть уточнена периферийной семой *‘еще какой-нибудь из ряда однородных предметов, явлений, могущих иметь идентичные признаки’*.

Выделенный нами семантический множитель является тем необходимым периферийным конкретизатором, который выполняет функцию одной из недостающих деталей в когнитивно-семасиологическом конструкте значения лексемы **другой**. Поскольку в меняющемся мире меняется коммуникация, семантика также претерпевает изменения (некоторые семы могут переходить в латентное состояние, другие приобретают актуальный статус). Но с учетом смыслового движения языка нельзя, на наш взгляд, «терять» латентные семы, т. к. суммативно они дополняют, конкретизируют значение¹⁸. Такие семы играют ключевую роль в интерпретации текстов более ранних периодов, их сохранение возможно в словаре особого типа, который был описан выдающимся ученым-лексикографом Г. Н. Складневской¹⁹.

Подобные словари предложены как перспектива современной лексикографии в рамках Воронежской лингвистической школы под руководством проф. И. А. Стернина. Так, в диссертационном исследовании Т. В. Михайловой показано, что словарь особого типа способен более содержательно фиксировать дифференцирующие признаки синонимов, поскольку он включает большое количество периферийных семантических компонентов, имеющих полевою структуру, что позволяет приблизить описание семантики языкового знака к его реальному когнитивному содержанию в языковом сознании носителя языка²⁰.

Семантика **другого** прослеживается в обозначении данной лексемой явлений возможных миров в рамках параметра категории *инакости* реальность — гипотетичность.

Исходя из экстенционального аспекта значения, действительно трудно представить нечто другое, тождественное первому. Этот вопрос представляет особый интерес применительно к миру и личности человека. Известный лингвист Н. Д. Арутюнова по этому поводу имеет следующее мнение: «Разве не очевидно, что одно и то же не может находиться одновременно в двух разных существах, точно так же как не может одно и то же существо одновременно обитать в разных пространствах?»²¹ Однако для теории кореференции, базирующейся на использовании понятий семантики возможных миров, фундаментально важным является обоснование методов перекрестного отождествления объектов, существующих в различных возможных мирах. Например: «Мне снилось, что я другой человек, живущий в прошлом». Пропозиция этого предложения такова, что Я — это другой.

В терминах кореференции объектов действительного мира это невозможно, но в терминах семантики возможных миров описывается ситуация, при которой в «мирах-сновидениях» говорящего имеется двойник, или аналог. Я. Хинтика понимает тождество индивидов как нечто, устанавливаемое не посредством каких-то абсолютных логических принципов, а путем сравнения разных возможных миров исходя из принципа континуальности и сходства объектов²²,

при этом допускается раздробление одного и того же объекта на несколько объектов в другом возможном мире²³. Например: *«Меньше, чем на миг, меньше, чем на секунду, ваши взгляды коснулись друг друга — вот так... правда вот в этом была возможность другой жизни, т. е. вашей жизни вместе с этой женщиной»* (Г. Гришковец. Планета).

В приведенном отрывке из современной пьесы **другой** имеет значение *‘существующий параллельно с данным’*, при этом **другой** может либо не иметь характеристик отличия, либо степень отличия может подвергаться градации в зависимости от ситуации употребления этого слова (*такой же, но существующий параллельно; немного изменившийся; кардинально противоположный; имеющий сходные черты, но являющийся не самим собой, и пр.*).

Еще один способ актуализации лексемы **другой** аналогичен кореференциальным употреблением типа *«Петр хочет жениться на девушке с длинными золотистыми волосами»*²⁴. Например: *«Другая бы не стала накрывать на стол, но Машенька тут же усадила гостей обедать и даже дала бутербродов в дорогу»*. Имеющая здесь место кореференция обусловлена пресуппозицией существования некоторого количества объектов, удовлетворяющих заданной дескрипции (гостеприимство и щедрость Машеньки), и, в отличие от референциального употребления, — не предполагает знания, кто является референтом дескрипции, какой конкретный другой индивид является предметом коммуникации, т. е. не предполагает априорного знания его тождества. Таким образом, референциально несоотнесенное значение лексемы **другой** выявляется на основе исключительно денотативных характеристик и его интенционал во многом определяется экстенциональными признаками. При таком понимании феномена **другого** интерпретация его смысловых признаков выстраивается с опорой на параметр определенности — неопределенности.

Несмотря на референциальную неопределенность, интерпретация приведенного контекста эксплицирует наличие в называемом другом прямо противоположных характеристик (здесь: жадность, скарденность), тем самым **другой** семантизи-

руется как *‘противоположный, агональный’* в рамках параметра сходство — различие. Сравнивая данный семантический признак с семемами приведенных в начале статьи словарных толкований **другого**, можно сделать вывод, что в большинстве из изученных словарей семантические признаки представлены размыто и необходима дополнительная «дезамбигуация» (например, заявленный в большинстве словарей признак *‘отличающийся’* не подразумевает степень отличия). Более удачным видится выделенный отдельными словарями признак *‘противопоставленный’*²⁵.

В лексикографии постулируется тезис, что адекватность словарных статей определяется тем, насколько хорошо они выполняют свою функцию в рамках цельной системы описания языка. Семантический компонент любого слова описывает не просто возможности реального говорящего, но и те возможности, которыми располагал бы говорящий при отсутствии каких-либо психологических ограничений. Следовательно, семантический компонент предназначен обеспечивать интерпретацию бесконечного множества предложений²⁶.

Как известно, смысл слова не является неразложимым целым: он, как правило, состоит из более элементарных смыслов, определенным образом связанных друг с другом, т. е. образующих некоторую структуру. Поэтому толкование должно строиться на основе набора всех возможных семантических множителей, соответствующих элементарным понятиям, свойственным описываемому явлению. Таким образом, это поможет снять неоднозначность, которая возникает в речевом употреблении словосочетаний или предложений, содержащих многозначную лексику **другой**: *«В другой раз»* — в другой подобный или в другой качественно иной раз? Предположительно такая адгерентная семантическая неоднозначность снимается с помощью механизма сочетаемостных ограничений, специфику которых в отношении лексики **другой** еще предстоит изучить.

Словарь не проводит разграничения между показателями и различителями²⁷, а ведь именно посредством смыслоуточняющих показателей осуществляется снятие многозначности.

Думается, что одними из таких показателей выступают функционально-грамматические маркеры лексемы, что подтверждается теоретическим тезисом, выдвинутым исследователем А. В. Бондарко, указывающим на зависимость способов представления смысла от системы языка, его категорий и форм²⁸. «Содержание, выражаемое формальными средствами, всегда выступает в той или иной языковой интерпретации как „прошедшее сквозь призму“ системы и структуры данного языка»²⁹. В этом случае семантика фиксирует толкования различных фрагментов действительности, событий и ситуаций³⁰. Процесс выявления таких синтаксических функций должен быть релевантным для семантической интерпретации³¹.

Возвращаясь к примеру *в другой раз*, нужно отметить словарную недостаточность в фиксации различных синтаксических функций слова **другой**: как дейктического слова (фиксируется 3 словарями из 8), качественного прилагательного (зафиксировано 3 словарями из 8) и субстантивированного прилагательного (фиксируется 2 словарями из 8). Приведенные ниже контексты употребления слова **другой** доказывают зависимость интерпретации его смысла от функционально-грамматических характеристик этого слова:

1) как дейктическое слово: *«Рассердился Цацгай, прогнал от себя дочь; но она пришла в другой раз и повторила то же самое»* (Д. Н. Мамин-Сибиряк, *Ак-Бозат*). Здесь слово **другой** употреблено в функции указательного местоимения без какого-либо уточнения обстоятельств, которые могли бы охарактеризовать следующий *другой раз* как подходящий или неподходящий;

2) как качественное прилагательное: *«Рядом со Светкой за поручень уцепилась пожилая женщина с большим пакетом. Первой мыслью было встать, но пять пар, но два часа в библиотеке <...> ноги болят, да и спать так хочется <...> Женщина нависала над ней с таким укоризненным лицом, что пришлось глаза закрыть. „На совесть давит... Ничего, в другой раз обязательно уступлю, да и вообще, это мужики должны делать, а они сидят себе и не беспокоятся“»* (С. Ролдугина, *В другой раз*). Здесь слово **другой** выступает антонимом выводимого из данного контекста определения описанной ситуации — «тяжелая в физическом плане».

Подведем итоги. Семасиологическое описание лексемы **другой** выявило в ее семантической структуре оппозитивные и градуальные семантические признаки и конкретизаторы, приводящие к поливалентному восприятию данного слова в коммуникации.

Следует подчеркнуть, что семантема **другого** инкорпорирует семемы, находящиеся относительно друг друга в отношении оппозиции, что является случаем ингерентной энантиосемии, но их выбор, безусловно, варьируется в различных контекстах под влиянием лексико-семантической дистрибуции, морфологической разнооформленности и тематической закреплённости.

Тем не менее в коммуникации могут возникать адгерентные смысловые варьирования, приводящие к интерпретационной неоднозначности лексемы **другой**, в употреблении которой актуализировано более одной семемы.

Поскольку семантические компоненты являются абстрактными теоретическими сущностями, представляющими сложные психологические структуры и механизмы, то целесообразно максимально учитывать их в процессе систематизации средств языка. Лексикографам следовало бы обратить внимание на тот факт, что словарь должен быть не только регистрирующим, но и предписывающим. С этой целью желательно было бы приступить к разработке ситуативного словаря. Таким образом, исследования в области лексикографии должны проводиться постоянно, чтобы словарь не превращался в «прокрустово ложе» смысла. Так, следуя логике данного исследования, семантическим «краеугольным камнем» лексемы **другой** выступает не традиционная архисема 'отличие', а семантический признак 'вариативность'. Иными словами, **другой** может быть разным другим — от потустороннего или существующего параллельно **другого**, до **другого** как ближнего и даже **другого Я**.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маклакова Е.А., Стернин И. А. Теоретические проблемы семной семасиологии: Монография. Воронеж, 2013.

² Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М., 1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://ideographic.academic.ru/>; Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка

ка. Толково-словообразовательный. М., 2000; Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999; Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981; Толковый словарь русского языка конца XX в. (Языковые изменения). СПб., 1998; Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiktionary.org>; Толковый словарь русского языка. Т. 3 / Под ред. Д. Н. Ушакова М., 2000; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995; Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1962; Толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>; Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000; Словарь русского языка: В 4 т. М., 1999.

³ Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiktionary.org>.

⁴ Маклакова Е.А., Стернин И. А. Указ. соч. С. 119.

⁵ URL: <https://slovari.yandex.ru/>

⁶ Кислякова Е. Ю. Проблема лексикографирования *инакости* и *инаковости*: уточнение понятий // European Social Science Journal. 2012. № 1. С. 183–190.

⁷ Кислякова Е. Ю. Параметры коммуникативной категории *инакости* // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: матер. Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 8 февр. 2012 г. / Сост.: А. В. Простов, Н. Н. Остринская и др. Волгоград, 2012. С. 185–191.

⁸ Боярская Е. Л. Взаимодействие когнитивных, семантических и прагматических аспектов явления полисемия // Проблемы семантики и прагматики: Сб. науч. тр. Калининград, 1996. С. 77–83.

⁹ Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) / Тождество и подобие. Сравнение и идентификация // Логический анализ языка. М., 1990. С. 7–32.

¹⁰ Толковый словарь русского языка. Т. 3 / Под ред. Д. Н. Ушакова М., 2000.

¹¹ Толковый словарь русского языка. Т.3. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995; Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1962.

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995. С. 495.

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995; Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб., 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://krylov.academic.ru>.

¹⁴ Корепина Н. А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009.

¹⁵ Бахтин М. М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1997.

¹⁶ Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiktionary.org>

¹⁷ Стернин И.А. О двух уровнях семантического варьирования слова // Лексическое значение в системе языка и в тексте. Сб. науч. тр. Волгоград, 1985. С. 112–118.

¹⁸ Шаховский В. И. Кластер конкретизаторов семантического признака эмоционального слово-понятия «одиночество» // Экология языка и коммуникативная практика: сетевое издание. 2015. № 2. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/>.

¹⁹ Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001. С. 177–202.

²⁰ Михайлова Т. В. Вербальное осмысление *катастрофы*: когнитивно-семантическое описание слова (на матер. русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.

²¹ Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) / Тождество и подобие. Сравнение и идентификация // Логический анализ языка. М., 1990. С. 23.

²² Hintikka J. The Semantics of Modal Notions and the Indeterminacy of Ontology. Semantics of Natural Language / ed. D. Davidson, G. Harman. Oxford, 1973.

²³ Lakoff G. Counterparts, or the Problem of Reference in Transformational Grammar // Mathematical Linguistics and Automatic Translation, Report No NSF-24.

²⁴ Павильнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

²⁵ Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiktionary.org>; Толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>; Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000; Словарь русского языка: В 4 т. М., 1999.

²⁶ Кати Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 33–49.

²⁷ Болинджер Д. Атомизация значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 200–234.

²⁸ Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999.

²⁹ Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996. С. 7.

³⁰ Парменова Т. В. Семантика возможных миров и гипотетическая модальность: к вопросу об интерпретации действительности в языке // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретаций. Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 134–143.

³¹ Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 177–199.

Ван Хунвэй

СТИХИЙНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЭЛЕМЕНТОМ ВОДА)

WANG HONGWEI

"BASIC ELEMENTS" CODE OF CULTURE IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUO-CULTURES
(ON THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT WATER)

*Высшее добро подобно воде.
Лао-цзы*

Данная статья посвящена рассмотрению стихийного кода культуры в русской и китайской лингвокультурах. В статье анализируются русские и китайские фразеологизмы с элементом «вода» с точки зрения их культуросодержащих смыслов.

Ключевые слова: лингвокультурология, код культуры, язык, культура.

This article is devoted to the "Basic Elements" code of culture in Russian and Chinese linguo-cultures and analyzes Russian and Chinese idioms with the element "water" from the point of view of their cultural sense.

Keywords: linguo-cultural studies, code of culture, language, culture.

Проблема изучения кодов культуры входит в сферу семиотики, философии, культурологии, искусствознания, лингвистики, этнолингвистики и др. Изучение кодов культуры является одной из главных проблем современной лингвокультурологии.

Вслед за В. Н. Телия лингвокультурология рассматривается как наука, посвященная изучению и описанию взаимодействия языка и культуры в синхронном аспекте [10: 217]. В. Н. Телия считает, что лингвокультурология акцентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке [9: 776], т. е. лингвокультурология исследует взаимосвязь человека, языка и культуры.

Мы придерживаемся понимания культуры, данного В. Н. Телия: культура есть знаковая система, которая является продуктом многовековой, многослойной, непрерывно развивающейся и меняющей свою конфигурацию деятельности в зависимости от форм осознания человеком мира. Культура — это мироощущение, мироосознание и миропонимание народа [3: 54]. Следовательно, культура представляет собой социально-историческое явление, продукт человеческой деятельности (включая мыслительную и трудовую деятельность человека). Язык не только продукт культуры, условие ее существования, фактор формирования кодов культуры [6: 6], но и «инструмент», носитель культуры.

В. Н. Телия считает, что культура и язык — «это формы сознания», они «отображают мировоззрение некоторых сообществ. Но культура — это прежде всего процесс и продукт его самосознания, нацеленного на установление идентичности субъекта культуры с тем, что выделено в культуре как мерило собственно человеческого в деятельности, т. е.

Ван Хунвэй

Аспирант кафедры русского
языка филологического
факультета Московского
государственного университета
имени М. В. Ломоносова
► Hongwei127@mail.ru

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф.
В. В. Красных

как оценки её окультуренной ценности» [10: 234]. При этом язык и культура, сосуществуя в едином коммуникативном пространстве, относятся к разным семиотическим системам.

Коды культуры занимают основное место в национальном культурном пространстве. По утверждению В. В. Красных, Д. Б. Гудкова и И. В. Захаренко, национальное культурное пространство — это форма существования культуры в сознании человека, это культура, отображенная сознанием, это бытие культуры в сознании её носителей [1: 10].

Известно, что национальное культурное пространство состоит из многочисленных кодов культуры, которые могут рассматриваться как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [5: 232]. Код культуры — это «формирующая определенный фрагмент образа мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия. Имена последних несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именуемых феноменов, функционально значимые для культуры смыслы, что обуславливает их функционирование в качестве эталонов, символов и образных оснований метафор и тем самым позволяет рассматривать данные единицы как тела знаков языка культуры, т. е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры» [4: 61].

Между кодами культуры не существует жестких границ. Они предопределяют и обуславливают друг друга. Среди кодов культуры выделяют так называемые базовые коды: соматический, пространственный, биоморфный, духовный, цветовой, стихийный, числовой и т. д. Их значимость и соотношение в культурах различных национально-культурных общностей различны.

В данной статье рассматривается стихийный код культуры в русской и китайской лингвокультурах на материале русских и китайских фразеологизмов с элементом «вода», которые анализируются с точки зрения их культураносных смыслов. Фразеологизмы являются национально-специфическими единицами языка. Являясь от-

ражением мудрости народа, они фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [6: 82]. Фразеологизмы обладают собственным языковым значением, содержат культурные коннотации и культурные смыслы.

По мнению В. Н. Телия, основной целью лингвокультурологического анализа фразеологических единиц является «выявление и описание культурно-национальных коннотаций, узואльно сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками и соотносимых друг с другом посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление» [8: 308]. При этом, как пишет В. Н. Телия, культурная коннотация — это связующее звено между языком и культурой, это способ воплощения культуры в языковом знаке [10: 214].

Известно, что основные стихии включают, как правило, 4 элемента: воду, огонь, землю, воздух; в Китае — 5 элементов: дерево, огонь, землю, металл, воду. По сути, *вода* — одна из основных природных стихий мироздания; будучи репрезентантом кода культуры, она несёт в дополнение к своим основным значениям культураносные смыслы, что позволяет ей выполнять эталонную и/или символическую функции.

Фразеологизмы с элементом *вода* соотносятся с природно-стихийным кодом культуры, т. е. с совокупностью имён природных объектов и элементов стихий, которые выступают в роли знаков «языка» культуры [2: 145].

Мы опирались на данные «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией В. Н. Телия [2], «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Фёдорова [11], «Русско-китайского фразеологического словаря» Чжоу Цзишэн, Чоу Лупэй, Чжан Ци [12] и «Большого словаря китайских фразеологизмов» Чжэн Вэйли и Чжоу Чянь [13]. Материалом анализа послужили контексты из Национального корпуса русского языка [7], которые частично приводятся в качестве иллюстраций.

Проведенный анализ позволил предложить первоначальную классификацию функций, ко-

торые выполняет *вода* в составе фразеологизмов русского и китайского языков.

1. *Вода*, «чистая, прозрачная» по своим природным свойствам, выступает как эталон прозрачности (в русском и китайском есть термин ювелиров: *чистой воды* — драгоценный камень высшего качества, прозрачный, без оттенков и мутных участков).

В русской лингвокультуре *вода* осмысливается как символ очищения и истины. Например:

- 1) **выводить/вывести на чистую воду** — разоблачать; уличать в чём-л. *Армия погрязла в коррупции, но военная прокуратура держит руку на пульсе: нет-нет да и выведет на чистую воду очередного хапугу в погонах* (Марина Гриднева. За взятку — сажать! 2004); *У Джейн забрезжила надежда — после такой «подсказки» Нейман [детектив] быстро выведет преступников на чистую воду* (Караван историй, 2001); *Хорошо ещё, что [она] сбежать не успела. Ну, ничего, следователи её выведут на чистую воду. От правосудия она не отвертится <...>* (АиФ, 2001);
- 2) **чистой <чистейшей> воды** — настоящий, истинный. *Нет, не могу озвучить, это был бы чистой воды садизм по отношению к простым добрым офтальмологам, в руки которых может нечаянно попасть моя книга* (Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010); *Оставаться с ним в закрытом пространстве да ещё один на один было безумием чистой воды* (В. Платова, Купель дьявола); *Ещё в эпоху Орденгов ходили слухи о могуществе этой веицицы. Могу открыть тебе страшную тайну, Макс: все эти слухи — чистой воды чепуха.* (М. Фрай, Лабиринт (Чужак)).

В русской лингвокультуре *вода* связывается со способностью к отражению истины, выступает как средство очищения.

В китайской лингвокультуре *вода*, «чистая, прозрачная» по природным свойствам, выступает как эталон естественной (природной) красоты и осмысливается как символ возвышенности духа и «чистоты» характера человека.

Например:

- 1) 山清水秀 (букв.: 'горы чисты и прекрасна вода') — прекрасный вид, восхитительная картина природы, чудесный пейзаж;

- 2) 青山绿水 (букв.: 'зелёные горы и изумрудные воды') — красивый пейзаж;
- 3) 臣心如水 (букв.: 'душа подданного как вода') — чистота и честность подчинённого;
- 4) 水洁冰清 (букв.: 'человек как прозрачная вода и как чистый лёд') — возвышенный и чистый характер человека.

В китайской лингвокультуре *вода* ассоциируется со способностью к отражению природной красоты, а также с духовной красотой человека.

2. *Вода*, «проточная, текущая» по своим свойствам, осмысливается как символ движения. Общим в русской и китайской лингвокультурах является то, что с *водой* связывается идея «невозвратного», необратимого течения («утекания») времени. В то же время существуют различия: в русской лингвокультуре — исчезновение безвозвратно и бесследно; в китайской лингвокультуре — время ушло, последствия случившегося нельзя ни отменить, ни изменить.

В русском языке:

- 1) **много <немало, сколько, столько> воды утекло/ушло** — прошло много времени, произошли перемены. *С тех пор много воды утекло* — юная девушка успела поизучать право, сняться у ведущих французских режиссёров, прославиться как одна из самых ярких драматических актрис Франции, стать писательницей и кинорежиссёром (Призраки за деревом детства (2002)); — *Господи, она уже взрослая! — сказал он <...>. — Что делает время! — Да, пять лет! — вздохнула Таня. — Много воды утекло с тех пор* (А. Чехов, Чёрный монах); *Он уже выступал однажды в школе перед девочками. Но с тех пор много воды утекло, теперь он стал умнее и выступит как надо* (Ф. Вигдорова, Любимая улица);
- 2) **как вода сквозь пальцы (уходить, течь и т. п.)** — исчезать быстро, безвозвратно и бесследно; как правило, о деньгах, воспоминаниях и под. *Лавочку отобрали, накопленные денежки, как вода сквозь пальцы, ушли, а больше она ничего не умеет делать, да и не хочет* (Додолев, Что было, то было); *Деньги в стране есть, а что они уходят как вода сквозь пальцы, так тому вина — непроработанность нашего законодательства* (Анатолий Кучерена. Бал беззакония (2000)); *Да, были полустертые воспоминания*

о целых поездах с ярко горящими стеклами окон, воспоминания из такого далекого детства, но были они расплывчатыми, нечеткими, летучими, как и другие мысли о том, что было раньше: только попытаешься представить себе что-то в деталях, восстановить в памяти подробности, как неуловимый образ тут же растворяется, уходит, **как вода сквозь пальцы**, и перед глазами не остается ничего... (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)).

В китайском языке:

- 1) 流年似水 (букв.: 'год за годом как вода течёт') — время ушло навсегда, невозвратное время;
- 2) 时光如水 (букв.: 'время как вода течёт') — время ушло навсегда, невозвратное время;
- 3) 水流花谢 (букв.: 'вода утекает, цветы осыпаются') — плохая ситуация, непоправимое дело, счастливое время не вернется.

Таким образом, и в русской, и в китайской лингвокультурах *вода*, «проточная, текущая» по своим свойствам, имеет близкие значения: с ней ассоциируется течение времени; но в русской лингвокультуре она отображает быстрое исчезновение, а в китайской лингвокультуре — невозвратную (необратимую) ситуацию.

3. *Вода*, обладающая «глубиной», в русской лингвокультуре символически связывается с трудным, неизведанным, непонятным и опасным пространством, способным поглотить и скрыть в себе все живое.

В русском языке, например:

- 1) **как <будто, словно, точно> в воду канул** — бесследно исчез, скрылся из виду. Часто подразумевается, что об уехавшем человеке долго ничего не слышно, давно нет никаких известий. — *Да-да, хорошего в этом мало, — сказала Александра Владимировна. — А от Сережи ничего нет, как в воду канул* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)); *Мария Петровна <...> уехала с младшими детьми к каким-то дальним родственникам в Сибирь, и как в воду кануло всё семейство* (В. Михальский. Катенька); *Каждые четверть часа губвоенком осведомлялся у Чека, как идёт розыск Викорста и Потапова. Но все усилия были напрасны. Изменники точно в воду канули* (Н. Никитин. Северная Аврора);

- 2) **как <будто, словно, точно> водой смыло** — кто-либо мгновенно исчез, быстро удался откуда-либо. *Я вытащил из кармана деньги, и ее как водой смыло* (Юрий Азаров. Подозреваемый (2002)); *Катись отсюда... Придурка как водой смыло*. А Белый Леша долил в кружку водки, собрался пить, но отложил... (Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)); *Ночью кутили и бушевали, а утром их как водой смыло* (Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева). Клим Семенович Барынькин (1925));
- 3) **[и] концы в воду** — дело сделано; никаких следов преступления или проступка. *Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдери с своих же крестьян, так и концы в воду* (Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)); — *Ты взяла полпуда золота. Ты была не одна, я знаю, я тоже стоял его свидетелем вблизи вас... В таких случаях, Наденька, надо действовать наверняка, чтоб концы в воду* (В. Шишков, Угрюм-река). *Заодно уж и имя поменял, для пущей конспирации, чтоб совсем концы в воду. [Но его быстро нашли.] Вот тебе и конспирация, вот тебе и концы в воду* (Б. Акунин, Любовник Смерти).

В китайской лингвокультуре глубокая вода символически связывается, с одной стороны, с трудным и критическим положением, непонятным и опасным пространством, с другой стороны, с крепкой («глубокой») дружбой, например:

- 1) 水深火热 (букв.: 'вода всё глубже, огонь всё жарче') — вода так глубока, что не видно дна, огонь так горяч, что невозможно дотронуться; в данном случае через природное свойство воды осмысливается сложная, возможно, опасная ситуация;
- 2) 水能载舟, 亦能覆舟 (букв.: 'вода может как нести лодку, так и опрокинуть её') — в обычное время надо заранее думать о будущем, о возможных трудных и опасных ситуациях; в данном случае глубокая вода осмысливается как непонятное и опасное пространство, поэтому надо заранее готовиться к трудному и опасному положению;
- 3) 桃花潭水 (букв.: 'вода озера персиковых цветов') — крепкая, искренняя дружба. Этот фразеологизм восходит к стихотворению

Ли Бо «Ван Лунь»: «И озера персиковых цветов бездонной пучины глубь, Не мера для чувства, с каким Ван Лунь, меня провожает в путь!»; в стихотворении автор использует метафору глубокой воды для выражения «глубокой» дружбы.

Таким образом, *вода*, ассоциируемая с «глубиной», выступает в русской и китайской лингвокультурах как символ трудного, неизведанного, непонятного и опасного пространства, а в китайской лингвокультуре — дополнительно как символ «глубокой» дружбы.

4. *Вода* в древних русской и китайской культурах предстает как мифическая чудодейственная жидкость; эти представления и связанные с ними культурные смыслы находят отражение и в более поздних текстах, что, с одной стороны, составляет определенную трудность для иностранцев, а с другой — позволяет им войти в мир другой культуры.

В русском языке, например:

- 1) **живая вода** — (1) фольк. Мифическая чудодейственная жидкость, возвращающая жизнь мёртвому телу. *Раскрыл Медведь вторую клеть, а в ней живая вода ключом бьёт* (А. М. Ремизов. Зайчик Иваныч (1906)). (2) экспрес. Всё, что одухотворяет, благотворно действует, пробуждает интерес. — *Остановили немца на Волге, — сказал Чепыжин. — Вот она, волжская сила. Живая вода, живая сила. — Сталинград, Сталинград, — сказал Шишаков, — в нём слились и триумф нашей стратегии, и стойкость нашего народа* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960));
- 2) **мёртвая вода** — фольк. Мифическая чудодейственная вода, сращивающая разрезанное на куски тело. *И запотевший графин, истекающий слезами, внутри которого плещется она, жидкость порока, влага заблудших русских душ, мёртвая вода забвения* (Жизнь прекрасна (1997)).

В китайском языке тоже есть «мёртвая вода», но китаец не считает такую воду мифической чудодейственной жидкостью: 一潭死水 (букв.: 'мёртвая вода в водоёме') — застрять без продвижения, быть бездейственным в жизни. Таким образом, в китайском языке «мёртвая

вода» означает стоячую воду, которая не может течь, и осмысливается как «топтанье» на месте, отсутствие движения.

Кроме того, в китайском языке есть выражение 书符咒水 (букв.: 'амулет с магическим рисунком-формулой и заговоренная (волшебная целебная) вода'), связанное с даосской магией (суеверный поступок). В древнем Китае даос заклинал воду, чтобы она имела таинственную силу, могла вызывать ветер и/или дождь, возвращать к жизни и т. д., такую воду люди считали волшебной.

Таким образом, и в русской, и в китайской лингвокультурах *вода* может осмысливаться как мифическая чудодейственная жидкость, с которой, однако, могут связываться разные значения и культурные коннотации.

Проведенный анализ показал, что и русские, и китайские фразеологизмы с компонентом *вода* сохранили до настоящего времени древнейшие представления о воде как символе чистоты, обладающем признаком текучести, имеющем глубину, связанном с мистикой и магическими практиками. Подобного рода сопоставительные исследования представляются актуальными, поскольку фразеологизмы как особые знаки языка культуры (В. Н. Телия) не столько выражают языковое значение, сколько несут культурные смыслы, которые формируют особые образы сознания носителя языка и культуры и способствуют сохранению национального менталитета и формированию языковой картины мира того или иного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В. Теоретические положения. Принципы описания // Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б. и др. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М., 2004. С. 7–54.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М., 2010.
3. Красных В. В. Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 53–58.
4. Красных В. В. Потяни за ниточку — клубок и размотается... (к вопросу о предметном коде культуры) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей, посвященных памяти В. Н. Телия. Вып. 46. М., 2013. С. 58–66.

5. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

6. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2010.

7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>

8. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI междунар. съезд славистов. М., 1993. С. 302–314.

9. Телия В. Н. Послесловие, замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеоло-

гический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2010. С. 776–782.

10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

11. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

12. Чжоу Цзишэн, Чоу Лунэй, Чжан Ци. Русско-китайский фразеологический словарь. Хубэй, 1984.

13. Чжэн Вэйли, Чжоу Чянь. Большой словарь китайских фразеологизмов. Пекин: Коммерческая печать, 2009.

[хроника]

ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕМИНАР РУССКОГО ЯЗЫКА В ГОРОДЕ ТИММЕНДОРФЕР ШТРАНДЕ

(Германия, 19 сентября — 3 октября 2015 года)

THE JUBILEE RUSSIAN LANGUAGE SEMINAR IN TIMMENDORFER STRAND (GERMANY)

(Окончание на с. 37)

С 19 сентября по 3 октября 2015 года в Тиммендорфер Штранде, небольшом курортном городке на севере Германии под Любеком, прошёл юбилейный **50-й международный семинар русского языка**, организованный Союзом учителей г. Гамбурга на тему: «Русский язык и культура в современном мире». Уникальность этого семинара уже в его возрасте. Это единственный семинар в Европе, который отметил в этом году золотой юбилей. Начавший свою работу в 60-е годы прошлого века, — во время сложных отношений между нашими странами, семинар ежегодно собирал иногда до 250 любителей русского языка. Сегодня, когда можно поехать на курсы в Россию, численность участников сократилась, но и в этом году на семинар в Тиммендорфер Штрэнд приехали более 70 слушателей самых разных профессий и возрастов, с разным образованием, начиная от студентов, специалистов-филологов и кончая домохозяйками и пенсионерами из Германии, Бельгии, Франции, Швеции в возрасте от 18 до 80 лет. Группы формируются таким образом (по возрасту и языковому уровню), чтобы удовлетворить интересы учащих, сделать занятия полезными и интересными.

Обязанный своей известностью основателю семинара — почётному доктору СПбГУ Иоганнесу Баару, семинар уже восьмой год проводился его ученицей Кристиной Мильш, успешно справившейся с весьма нелёгкими обязанностями руководителя и расширившей границы его деятельности: на его базе обычно проводится ежегодный семинар по подготовке к сертификационному тестированию по русскому язы-

ку как иностранному (начиная от базового уровня до ТРКИ-3).

В рамках семинара уже третий год проводятся дни русского языка для профессионалов-переводчиков из Германии и слушателей семинара на тему: «Русский человек в современном мире». Участникам были предложены в этом году темы: «Человек в зеркале русского жаргона» (д-р филол. наук, доцент Казанского университета В. А. Косова); «Языковые особенности интернет-коммуникации» (канд. филол. наук, преподаватель СПбГУ И. В. Левенталь); «Русский язык в современной рекламе» (профессор СПбГУ В. М. Мокиенко)

Методическое руководство семинаром в Тиммендорфер Штранде уже более тридцати лет осуществляет филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, хотя в состав преподавателей входят профессора и доценты и из других вузов страны. В этом году в семинаре участвовали 9 преподавателей из Санкт-Петербурга, преподаватель из Москвы и преподаватель из Казани. Неизменно помогает в организации и проведении семинара община Тиммендорфа Штранда в лице председателя совета общины Ани Эверс и губернатора города Хатиче Кара.

Кроме ежедневных занятий по разговорной практике, фонетике, литературе, страноведению и переводу, для участников курсов проводились семинары по выбору как лингвистического, так и литературоведческого и лингвострановедческого характера, запись на спецсеминары проводится по собственному выбору участников. Их тематика в значительной степени опре-

Л. А. Голышкина

СИСТЕМА ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ РИТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

LYUDMILA A. GOLYSHKINA

SYSTEM OF THE TYPOLOGICAL FEATURES OF THE RHETORICAL TEXT

В статье представлена система типологических свойств риторического текста, опирающаяся на коммуникационные основания. Путем обращения к структуре модели речевой коммуникации устанавливаются корреляции между компонентами вербального коммуникативного акта и типологическими свойствами риторического текста.

Ключевые слова: риторический текст, эффективная коммуникация, типологические свойства, модель речевой коммуникации / вербальный коммуникативный акт.

The article presents the system of typological features of the rhetorical text, based on the communication foundations, and shows the correlations between verbal communicative act components and rhetorical text's typological features.

Keywords: rhetorical text, effective communication, typological features, model of verbal communication / verbal communicative act.

Для определения термина *риторический текст* и обоснования его типологических свойств необходимо учитывать специфику современной речевой коммуникации. При выраженной активизации коммуникационных процессов в обществе можно констатировать, что коммуникационное перестает быть прерогативой человеческого контроля, передача информации происходит нередко без обратной связи. Отмечается избыток и бессистемность транслируемой информации, что создает ситуацию неспособности критического восприятия сообщения получателем. Актуальными становятся вопросы: кто передает информацию? каким способом? кто коммуницирует?¹

Отмеченные деструктивные тенденции в коммуникации породили конструктивные направления научного развития. Так, ценностью в философии языка и теории коммуникации признается социальная интеракция как результат взаимопонимания в коммуникативном действии², продуктивной стала идея эффективности и результативности коммуникации³. В таком контексте возникает проблема поиска инструментов эффективного речевого взаимодействия.

Риторический текст (далее РТ) — текст особого типа, инструмент эффективной коммуникации, призванный не просто транслировать сообщение, но осознанно воздействовать на действительность и при этом формировать ответную реакцию аудитории на предложенный стимул. Сегодня феномен РТ рассматривается сквозь призму многоступенчатого процесса создания автором устного или письменного текста, исполнения этого текста и рефлексии адресантом завершенной деятельности. Кроме того, для понимания специфики РТ значим и процесс реконструирования его замысла адресатом. РТ трактуется как потенциальный диалог и характеризуется следующими параметрами: авторство, адресность,

**Людмила Александровна
Голышкина**

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии,
декан факультета повышения
квалификации преподавателей
Новосибирского
государственного
технического университета
► Ludmila200273@mail.ru

диалогичность как следствие отношений автора и адресата, целостность и связность, влияние как результат отношений автора и адресата, ситуативность, или уместность по отношению ко времени и месту общения, жанровость⁴.

По мнению специалистов Алтайского университета, РТ обладает такими свойствами, как осознанность, публичность, аргументированность, следствием которой выступает персуазивность⁵. Отметим также точку зрения А. В. Голоднова, который под РТ понимает текст, «доминирующей коммуникативной функцией которого — в иерархии прочих коммуникативных установок — является воздействие на ментальную сферу реципиента (его мнения, оценки) с целью изменения его поведения (побуждения к совершению / отказу от совершения определенных действий)»⁶.

Проанализировав исследовательские подходы к пониманию природы РТ, мы обнаружили, что признаки, приписываемые РТ, имеют либо разную степень категоризации, либо синонимичную экспликацию, что требует их системного переосмысления и терминологической упорядоченности. Так, целостность и связность — неотъемлемые свойства любого линейно организованного текста, по сути, инвариантные категории, определяющие феноменологическую сущность текста вне зависимости от его типологической специфики.

При сопоставлении исследовательских точек зрения выявляется, что критерий влияния, по сути, есть персуазивность РТ. Ситуативность, в свою очередь, неразрывно связана с критерием публичности РТ. Не согласимся с включением критерия «жанровость» в систему типологических признаков РТ, поскольку воплощение любого текста в практике коммуникации предполагает его облечение в ту или иную жанровую форму. Кроме того, жанровость — неперемное условие публичности текста, так как ожидания аудитории связаны с предъявлением ей требуемого жанра. Противное, в свою очередь, ведет к коммуникативной неудаче и неэффективности взаимодействия.

Обосновать систему типологических признаков РТ представляется возможным **путем обращения к модели речевой коммуникации,**

фиксирующей среду и формат существования РТ и выдвигающей методологические основания изучения природы РТ в виде структурных компонентов коммуникативного акта.

В качестве модели речевой коммуникации примем представленную Б. Ю. Городецким в русле комплексной теории моделирования речевого общения структуру вербального коммуникативного акта, основными компонентами которой являются: коммуниканты, обстоятельства общения, система коммуникативных замыслов, состоящая из практических и коммуникативных целей стратегического и тактического характера, коммуникативные процессы, включающие вербализацию и понимание, а также совместную процедуру управления ходом взаимодействия — коммуникативную интеракцию, и коммуникативный текст⁷.

Коммуниканты задаются комплексом языковых характеристик, включая параметры языковой способности, языковой личности и коммуникативные роли в данном акте общения, а также комплексом неязыковых характеристик⁸.

Речевое поведение коммуникантов в формате РТ призвано воплотить такие его свойства, как **авторство** и **адресность**. Они формируются в первую очередь путем использования языковых средств, эксплицирующих интерперсональные отношения⁹.

Так, в тексте выступления президента Российской Федерации (РФ) В. Путина на 119-й сессии Международного олимпийского комитета в Гватемале мы встречаем практически весь арсенал средств выражения интерперсональных отношений, среди которых наиболее частотны обращения, вы- и мы- высказывания: *Уважаемые члены МОК! Дамы и господа!; Для меня большая честь выступать сегодня перед Вами...; На побережье вы можете наслаждаться прекрасным весенним днем...; Какое бы решение вы ни вынесли...; Мы уверяем вас в том, что выбор Сочи будет самым лучшим выбором; Особое внимание...мы уделяем вопросам экологии, безопасности, инфраструктуры и самых современных средств коммуникации; Именно Прометей, как мы помним, дал людям огонь, который стал огнем Олимпиады*¹⁰. При этом местоимение 1-го лица множественного числа

реализует разные значения: от общенационального *мы*, концептуализирующего идею значимости олимпиады для России, до ситуативного *мы*, выполняющего сугубо дейктическую функцию.

Местоимение *я* используется В. Путиным, как правило, в структуре аргументов, где местоимение 1-го лица единственного числа имеет авторизирующий характер, то есть придает сообщению субъективность и выступает гарантом истинности высказывания: *Я там катался на лыжах шесть или семь недель назад и могу вам точно сказать: настоящий снег — гарантирован; Я уже подписал соответствующий документ*¹¹.

В тексте выступления президента Российской академии наук (РАН) В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна», направленном на урегулирование возникших конфронтационных отношений между Академией наук и административно-управленческими структурами, реализующими реформу в сфере науки, особую роль играет как раз местоимение 1-го лица единственного числа. Здесь говорящему важно показать свое личное отношение к сложившейся ситуации, свою заинтересованность, свою включенность в управление сложившимися отношениями: *Я предложил бы собрать рабочую группу между представителями Думы, Российской Академии наук. <...> Я уверен, что у нас для этого есть шанс. Я хотел, чтобы все-таки мы все здесь собравшиеся услышали, кто же написал первый проект. <...> Итак, я думаю, что мы сегодня движемся в нужном направлении. Я очень надеюсь, что мы выйдем на нормальное решение, которое не принесет вред нашему общему делу*¹².

В свою очередь, *мы*-высказывания в данном тексте акцентируют внимание не только на идее коллегиальности российских ученых, но и демонстрируют наличие у них общего видения механизмов разрешения конфликта и перспектив развития РАН: *Мы эту реформу обсуждаем уже в течение двух лет. <...> Мы к ним готовы. У нас есть план реформ. <...> Мы не можем согласиться с тем, что предлагалась ликвидация Академии наук и создание некоего нового органа. Мы — против того, чтобы Академия наук превращалась в клуб по интересам*¹³.

В тексте выступления президента РФ В. Путина на юбилейном Параде Победы 9 мая 2015 года авторизация осуществляется исключительно в формах 1-го лица множественного числа. При этом местоимение *мы* реализует разные значения. Это и общечеловеческое *мы*: *Мы не должны забывать, что идеи расового превосходства и исключительности привели к самой кровопролитной войне...; Мы видели попытки создания однополярного мира. ... Общероссийское мы* появляется в речевых актах благодарности, воплощая идею соборности, актуальную для отечественной культурной и духовно-этической традиции: *Мы приветствуем сегодня всех наших зарубежных гостей...; Мы преклоняемся перед всеми...; Мы склоняем головы...*¹⁴

Следствием выраженного авторства и адресности, **результатом коммуникативной интеракции** становится **диалогичность**.

Следующий компонент вербального коммуникативного акта — обстоятельства общения — трактуется как непосредственный акт совместной практической деятельности и как фоновый контекст, охватывающий физическую сферу и психосоциосферу¹⁵.

Обстоятельства общения, формирующие вербальный коммуникативный акт, определяют такое типологическое свойство РТ, как **публичность**. Публичность способствует превращению текста в «средство получения признания» (Ж. Лакан). Важно отметить, что выступать в качестве «средства получения признания» РТ способен только после его облечения в ожидаемую аудиторией жанровую форму. Ритор в ситуации публичного предъявления текста не имеет права обмануть жанровые ожидания публики.

Обратимся к системе коммуникативных замыслов, которая представляется как динамическая система целей и планов, куда в качестве основных составляющих входят практические цели и коммуникативные цели стратегического и тактического характера. При этом практическая цель связана с типом социальной деятельности и представляет собой образ практического результата, который предлагает достичь ритор¹⁶.

Практические цели вербального коммуникативного акта в системе коммуникативных

замыслов определяют такое свойство РТ, как **перформативность**. Перформативность применительно к РТ трактуется нами как соответствие речи и действия, но не на уровне отдельного высказывания, а на уровне текста в целом. С нашей точки зрения, РТ самым актом своей трансформации в коммуникативное событие связывается с совершением действия. Это позволяет квалифицировать РТ как речевой инструмент, который «самим актом своей актуализации меняет некоторое положение дел в реальном мире», то есть трактовать его как текст-перформатив¹⁷. Иначе говоря, иницируя определенное коммуникативное событие, РТ участвует в формировании конкретного типа социальной деятельности, в реализации определенного социального действия.

Для автора РТ важно, «чтобы читатель понял действие, которое производит этот текст, а лишь затем — то, о чем текст»¹⁸. Перформативность обеспечивает возможность его использования в качестве средства моделирования той реальности, которая необходима риторю. В первую очередь идею перформативности активно эксплуатирует политический дискурс. Так, выступление президента РФ В. Путина на 119-й сессии Международного олимпийского комитета в Гватемале 4 июля 2007 года было призвано обеспечить победу заявки России на право проведения олимпиады 2014 года. В Обращении В. Путина 18 марта 2014 года к обеим палатам Федерального собрания РФ в связи с предложением Государственного Совета Республики Крым о принятии республики в состав РФ (т.н. «Крымская речь») констатированы итоги проведенного референдума и заявлено о новом геополитическом формате страны. Выступление президента-главнокомандующего РФ на юбилейном Параде Победы 9 мая 2015 года стало актом демонстрации общенациональных и общечеловеческих ценностей России в ситуации обострения политических отношений с Западом.

Из арсенала исследованных нами текстов отметим Нобелевскую лекцию И. Бродского, которую можно квалифицировать не только как благодарственное слово, но и как презентацию культурно-эстетической программы поэта. В ряды

текстов-перформативов включим и текст выступления президента РАН В. Фортова на круглом столе «Открытая трибуна» 10 июля 2013 года, нацеленный на урегулирование отношений между РАН и Министерством образования РФ, а также тексты публичных выступлений священнослужителей Русской Православной Церкви, призванные формировать и совершенствовать духовно-нравственный облик общества.

Перформативный потенциал текста обеспечивает его воздействующий эффект, его **персуазивность**, что позволяет говорить о реализации **коммуникативной цели** участника коммуникативного акта, которая трактуется как намерение, установка, реализуемая ритором при порождении текста и придающая тексту осмысленность¹⁹. Персуазивность РТ создается риторически грамотным построением аргументации: предъявленный тезис делится на подтезисы-суждения разных уровней, вокруг которых формируются микротемы, включающие в себя системно организованные аргументы в поддержку истинности подтезиса, а шире — тезиса текста.

Примером воплощения процедуры риторически правильного аргументирования можно назвать текст выступления *Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии XIV Всемирного русского народного собора «Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества» 25–26 мая 2010 года*. Особого внимания с позиции оценки воздействующего эффекта заслуживает аргументация в структуре микротемы, освещающей проблемы коммерциализации современного образования и строящейся на основе суждения-подтезиса: *Сегодня многие призывают превратить образование в сферу своего рода коммерческих услуг*²⁰. Далее адресант выстраивает подчинительную аргументацию, или последовательное рассуждение, в котором один довод поддерживает другой²¹. При этом первый аргумент представляет собой прием «апелляции к традициям», второй основан на алогической аналогии и являет собой прием «сведения к абсурду», третий же аргумент актуализирует прием «апелляции к авторитету»: *Но ведь такое представление чуждо нашим тра-*

дициям и народному менталитету; более того, оно просто опасно (Аргумент 1). Сдать одежду в химчистку и отвести ребенка в школу — это разнопорядковые величины, и если кто-то этого не понимает, то нам грозит беда. Ведь образование не сводится к «накачке» ребенка по-житейски полезными знаниями и информацией (Аргумент 2). Еще апостол Павел сказал поразительные слова: «Если имею всякое познание... а не имею любви, — то я ничто» (1 Кор. 13, 2) (Аргумент 3)²².

На протяжении всего текста процедура аргументирования осуществляются автором практически безупречно: Патриарх, используя свой гомилетический опыт, конструирует ораторский монолог, соблюдая все требования, предъявляемые риторикой к созданию эффективного текста.

Пример более сложного построения аргументации встречаем в ответах на вопросы телезрителей в эфире телеканала «Союз» (программа «Беседы с батюшкой» от 20 января 2015 года) духовника Свято-Алексеевского женского монастыря протоиерея Артемия Владимиров. Рассуждая о роли устного и письменного слова в просветительской деятельности, Артемий Владимиров выстраивает каждый ответ в виде микротекста, создаваемого согласно принципам риторического текстообразования. Так, вопрос телезрительницы из г. Челябинска: *Что такое свобода слова?.. Объясните, пожалуйста, с православной точки зрения*²³ инициирует следующую процедуру ответа. Сначала вводится тезис *Свобода слова — очень двойственное словосочетание*²⁴, который в силу своей генерализованной семантики требует конкретизации в последующих подтезисах первого и второго уровней. Появляется подтезис первого уровня *Это не свобода богохульствовать и оскорблять религиозные чувства людей, не свобода глумиться над сокровенными убеждениями человеческой души*²⁵, который поддерживается аргументами, подчеркивающими негативные тенденции проявления словесной вседозволенности. А подтезис второго уровня *Свобода слова... заключается в свободе делиться своими сокровенными мыслями и убеждениями, но не так, чтобы возбудить в людях убийственные страсти*²⁶ актуализирует аргументы, выявляющие положительные

тенденции в отношении появления «разумной и необходимой цензуры», регулирующей свободу слова. Завершается аргументация метафорическим выводом, усиливающим персуазивный эффект: *Для ученика Христова слово — это хорошо выдержанное вино, оно должно вызреть, перебродить, обрести определенные вкусовые качества, потому что наши слова только тогда созидают, а не разрушают, когда насыщены духом разума, любви, правды и стремлением послужить людям*²⁷.

Обратимся к такому компоненту коммуникативного акта, как коммуникативные процессы, которые, согласно Б. Ю. Городецкому, складываются из главных индивидуальных процедур каждого коммуниканта — вербализации и понимания, а также совместной процедуры управления ходом взаимодействия — коммуникативной интеракции²⁸.

Процессы вербализации и понимания эффективны только в том случае, когда денотативное пространство текста представляет интерес не только для говорящего, но и для слушающего, отражает глобальную ситуацию «здесь и сейчас», привязано к «злобе дня». Отмеченная прагматическая установка, с нашей точки зрения, требует включения в систему типологических свойств РТ такого параметра, как **актуальность**. Иначе говоря, эффективность РТ обеспечивается актуальностью презентуемой проблематики, определяющей предметное содержание текста. РТ обязан быть не только ситуативно уместным, но современным, проливающим свет на насущные проблемы общества и тем самым стремящимся к позитивному (с позиции ценностей ратора и аудитории) изменению действительности. Отсутствие этого параметра РТ способно влиять на степень актуализации остальных — диалогичности, публичности, персуазивности, перформативности.

Важнейшим компонентом структуры коммуникативного акта является коммуникативный текст, понимаемый как знаковое образование, имеющее две стороны — план выражения и план содержания, образующие семантику коммуникативного текста, которая трактуется как многоаспектный пакет знаний, имеющий, в частности, и прагматический аспект²⁹.

Представление о коммуникативном тексте как определенной структуре или модели, получающей воплощение в практике речевой коммуникации, определяет такое свойство РТ, как **осознанность**. Последняя понимается как требование, предъявляемое к созданию текста, заключающееся в следовании макротехнологии текстообразования — риторическому канону, отражающему универсальный идеоречевой цикл — «движение от мысли к слову» и предполагающему актуализацию основных этапов создания текста — инвенции, диспозиции и элокуции³⁰.

Настоящая макротехнология демонстрирует **стратегический уровень** текстообразования. Соответственно **тактическими структурными компонентами** риторического канона являются инвентивная, диспозитивная и элокутивная технологии текстообразования, коррелирующие с соответствующими этапами создания текста³¹.

Таким образом, обращение к структуре коммуникативного акта позволяет выявить методологические основания изучения РТ и обосновать систему его типологических свойств, куда входят: авторство и адресность; диалогичность; публичность; перформативность; персуазивность; актуальность; осознанность как следование риторическому канону — макротехнологии текстообразования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М., 2005. С. 18–23.

² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 199.

³ Панов М.И., Тумина Л. Е. Риторика // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / Под ред. М. И. Панова. М., 2005. С. 323–328.

⁴ Минеева С. А. Диалогические основы развивающего образования: размышления об «идеальной форме» и трудностях достижения [Электронный ресурс]. URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/obraz_21veka/2.3_mineeveva.htm.

⁵ Земская Ю. Н., Качесова И. Ю., Панченко Н. В. и др. Основы общей риторики: учеб. пособие. Барнаул, 2000. С. 6.

⁶ Голоднов А. В. Аргументативная структура риторического (персуазивного) текста // Вестн. Иркутского гос. ун-та. 2010. № 1 (9). С. 110.

⁷ Городецкий Б. Ю. Моделирование вербального общения и типология коммуникативных актов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/archive/2003/gorodetskij.htm>.

⁸ Там же.

⁹ См. подробнее: Колокольцева Т. Н. Фрагменты современной президентской риторики (Интерперсональные отношения в теледиалоге Президента с гражданами России) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2003. С. 185–193; Кормилицына М. А. Риторическая организация речи (адресованность речи) // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001. С. 211–222.

¹⁰ Путин В. В. Выступление на 119-й сессии Международного олимпийского комитета, Гватемала, 4 июля 2007 года [Электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/07/04/2056_type63374type63376type82634type122346_137146.shtml.

¹¹ Там же.

¹² Фортков В. Е. Выступление на круглом столе «Открытая трибуна», 10 июля 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/News/ShowNews.aspx?ID=728187bd-b957-4ebe-9fcd-59474bbe17&print=1>.

¹³ Там же.

¹⁴ Путин В. В. Выступление Президента России на параде, посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 9 мая 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49438>.

¹⁵ Городецкий Б. Ю. Указ. соч.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Голышикина Л. А. Риторический текст как инструмент конструирования реальности // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. матер. IV междунар. науч.-методич. конф. Новосибирск, 2013. С. 51.

¹⁸ Сахарова Е. Е. Феномен перформативности в современном интеллектуальном дискурсе // Актуальные проблемы филологии: матер. V междунар. (заочной) науч.-практич. конф., посвященной 15-летию РИ (филиала) АлтГУ (7 июня 2011 г.). Вып. 5. Барнаул; Рубцовск, 2011. С. 113.

¹⁹ Городецкий Б. Ю. Моделирование вербального общения и типология коммуникативных актов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/archive/2003/gorodetskij.htm>.

²⁰ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Выступление на открытии XIV Всемирного русского народного собора «Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1166562.html>.

²¹ Хенкеманс Ф. С. Структуры аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб., 2006. С. 123.

²² Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Указ. соч.

²³ Владимиров А. Устное и письменное слово в просветительской деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/ustnoye-i-pismennoye-slovo-v-prosvetitelnoy-deyatelnosti>.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.²⁸ Городецкий Б. Ю. Указ. соч.²⁹ Там же.³⁰ Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторике. М., 1991; Ворожбитова А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М., 2005; Клюев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999.³¹ Голышкина Л. А. Риторические технологии в практике формирования текстовой компетенции студента-журналиста // Языковое образование в вузе: теоретический и прикладной аспекты: сб. ст. междунар. науч.-практич. конф. Новосибирск, 2015. С. 311.

[хроника]

ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕМИНАР РУССКОГО ЯЗЫКА В ГОРОДЕ ТИММЕНДОРФЕР ШТРАНДЕ

(Начало на с. 30)

деляется пожеланиями слушателей, которые они присылают до начала семинара.

В этом году слушателям были предложены семинары по темам: «Перевод политических текстов» — доц. СПбГУ Л. Н. Григорьева, «Русский язык через песню» — доц. СПбГУ И. Г. Гулякова, «Живое слово поэзии Серебряного века» — доц. В. А. Косова, «Трудные случаи русской грамматики: употребление видов глагола» — доц. СПбГУ Б. Н. Коваленко, «Осторожно, паронимы!» — доц. СПбГУ М. Ф. Лужковская, «Россия и Германия: историческое и языковое взаимодействие» — проф. СПбГУ В. М. Мокиенко, «Классика XX века» — доц. СПбГУ А. Р. Петров, «Русская литература сегодня» — проф. СПбГУ К. А. Рогова, «Шутливые жанры в интернете и СМИ» — доц. СПбГУ И. М. Вознесенская, «Эвфемизмы в политической, социальной и экономической сферах сегодняшней России» — доц. Моск. лингв. университета Н. Н. Ромашов.

По вечерам читались лекции более общего характера. Большой интерес вызвал приезд на юбилейный семинар президента СПбГУ, президента МАПРЯЛ, президента РАО Л. А. Вербицкой, которая смогла принять участие в юбилейном семинаре и выступила перед слушателями с лекцией «Русский язык в мире», рассказав о XIII Конгрессе МАПРЯЛ в Гранаде и его итогах.

Были также прочитаны лекции: «Русский язык сегодня» (В. М. Мокиенко), «Страницы истории в картинах русских художников» (И. М. Вознесенская), «Как учат языку» (К. А. Рогова), «Актуальные политические анекдоты современной России» (Н. Н. Ромашов), «Русский мир в русских образных сравнениях» (В. М. Мокиенко), «Новые тенденции в современной литературе» (А. Р. Петров).

С успехом прошли на семинаре вечер русской поэзии «Мои любимые стихи (От Пушкина до Бродского)» и вечер русской песни «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

По вечерам (после лекций) проводились показы и обсуждения кинофильмов. Были показаны фильмы:

Левиафан, Елена, Мужики, Брат-2, Звезда, Мимино, Цветы запоздалые.

Следует отметить радушный приём и поддержку местных властей, приветствующих слушателей и преподавателей на торжественном приёме, посвящённом юбилейному семинару. На приёме присутствовали: доктор Иоганнес Баар, представители руководства города, бывшие слушатели, представители Российского консульства из Гамбурга.

Те, кто побывал на Семинаре — и русские преподаватели, и немецкие слушатели и коллеги, — сохраняют в сердце теплую атмосферу Тиммендорферского семинара, память о дружеском, сердечном общении.

Этот «удивительный, особый дух доброжелательства, сердечности и юмора родился здесь благодаря доктору Иоганнесу Баару» (Л. А. Вербицкая), который много лет руководил семинаром. Многие слушатели уже не один год подряд приезжают на курсы, которые притягивают своей радостной эмоциональной атмосферой, даря участникам встречи со старыми друзьями, возможность приобрести новых, узнать о жизни в России, посмотреть новые российские и лучшие старые советские фильмы, подумать и поспорить о путях развития наших стран.

Каждый, кто побывал хотя бы раз на семинаре в г. Тиммендорфер Штрэнде, вспомнит ситуацию в учебной группе: поощрение успехов, доброжелательное отношение, добрая шутка, мягкий юмор, непринужденность, взаимопомощь.

Пятидесятилетний опыт семинара русского языка позволяет с полной уверенностью говорить обо всем этом как о многолетней великолепной традиции, которая поддерживается его организаторами и участниками.

Следующий 51-й международный семинар русского языка в Тиммендорфер Штрэнде состоится с 25 сентября по 08 октября 2016 года. Информация о семинаре размещена на сайте: www.Russisches-sprachseminar.de.

Б. Н. Коваленко

Е. А. Баранова

«СТОРИ» КАК НОВЫЙ ЖАНР НА РАДИО

EKATERINA A. BARANOVA
“STORY” AS A NEW RADIO GENRE

В данной статье популярные на российском разговорном и музыкальном радио короткие записные передачи (хронометраж от 1 до 3 минут), в основе которых — истории на различные темы, рассматриваются как новый радиожанр. Автор изучил историю жанра «стори» на российском радио и проблемы, связанные с использованием программ в этом жанре.

Ключевые слова: «стори», радиожанры, «фичер», короткие записные передачи на радио.

The article examines short radio programs (1 to 3 minutes), based on the history of various topics, as a new genre in Russian talk and music broadcasting. The author studies the history of the “story” genre at Russian radio, and the concomitant problems.

Keywords: story, radio genres, feature.

На разговорном и музыкальном российском радио все большую популярность получают короткие записные передачи (хронометраж от 1 до 3 минут), в основе которых истории на различные темы: о людях из прошлых эпох (известных и малоизвестных), исторических событиях, географических объектах и др. Мы считаем, что такую форму подачи контента можно рассматривать как новый жанр на радио — жанр «стори» (англ. story — рассказ, история).

В 2014 году автором было проведено исследование, в котором приняли участие авторы радиорубрик и топ-менеджеры российских разговорных и музыкальных радиостанций: Сергей Бунтман, 1-й заместитель главного редактора «Эхо Москвы»; Андрей Светенко, автор и ведущий рубрики «Уроки истории» на «Вестях FM»; Андрей Родионов, заместитель главного редактора «Коммерсантъ FM»; Егор Серов, с 2008 по 2014 г. — генеральный продюсер Радио «Звезда»; Илья Подгорный, программный директор «Relax FM»; Игорь Паньков, креативный директор радио «Монте-Карло» и представители других радиостанций. Были учтены мнения сотрудников продакшн-студий, которые занимаются производством программ для радиостанций.

Основной целью исследования был не количественный (определение того, какой процент в сетке вещания занимают программы в жанре «стори», или точный подсчет радиостанций, на которых они присутствуют), а качественный анализ. Метод глубинного интервью позволил комплексно подойти к изучению вопроса: описать историю возникновения программ в жанре «стори» на российском разговорном и музыкальном радио, понять, почему радиостанции стали создавать такие программы,

**Екатерина Андреевна
Баранова**

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики,
связей с общественностью
и социальной рекламы
социально-гуманитарного
факультета Российского
государственного
социального университета
► Kat-journ@yandex.ru

выяснить, насколько успешными они являются, и, наконец, проанализировать проблемы, которые возникают при внедрении таких программ в сетку вещания. Респонденты, создававшие программы в жанре «стори» на радио, дали подробные ответы на вопросы, связанные с историей возникновения и причиной появления таких программ на отечественных радиостанциях, а также дали оценку их успешности/неуспешности и популярности/непопулярности в целом на российских радиостанциях.

При проведении исследования были использованы также метод контент-анализа радиотекстов, исторический и сравнительный методы; автор опирался и на личный опыт написания текстов для двухминутной программы «Великие люди» на радио «Комсомольская правда».

Для проведения исследования были выбраны разные радиостанции: разговорные, музыкальные, информационные, информационно-разговорные — выборка показала, что программы в жанре «стори» присутствуют на разных радиостанциях, независимо от их вида и типа. Автор рассматривал радиостанции, на которых «стори» идут достаточно давно («Радио России»), и радиостанции, на которых программы в этом жанре появились сравнительно недавно (радио «Комсомольская правда»). Опыт радиостанций по включению «стори» в сетку передач представляется интересным.

Жанрообразующие факторы «стори»

Чтобы доказать, что короткие записные передачи (хронометраж от 1 до 3 минут), в основе которых истории на различные темы: о людях прошлых эпох (известных и малоизвестных), исторических событиях, географических объектах и др., можно считать новым жанром на радио, обратимся к определению термина «жанр». В традиционном понимании — это «форма организации того или иного материала для решения конкретной творческой задачи»¹. Содержание таких межпрограммок можно рассматривать как особую форму организации контента для решения определенной задачи: переключения внимания слушателя, удержания аудитории.

В теории журналистики выделяют следующие жанрообразующие факторы: предмет отображения, целевая установка (функция) отображения и метод отображения². Предметом отображения в журналистике, как правило, являются события настоящего. Короткие истории на российском радио — это рассказ о прошедших событиях и людях. Интерес к прошлому сейчас возрос: появились популярные исторические журналы: «Story», «Загадки истории», «Тайные истории». Взлетели рейтинги у программы «Какие наши годы» Парфенова.

С мнением о том, что исторический контекст становится сегодня особенно востребованным, согласен и А. Светенко, автор рубрики «Уроки истории» на «Вестях FM». Эта программа — не только рассказы о крупных исторических фигурах или масштабном событии, но и истории о занимательном, казусном. Например, история «День рождения Кузькиной матери». «Цель программы — пропагандировать ценность исторических знаний. Ведь ответственное понимание истории возвращает патриотизм»³, — отмечает Светенко.

Целевая установка как жанрообразующий фактор иногда предполагает определенное идеологическое воздействие на аудиторию (например, воспитание патриотизма в «Уроках истории» на «Вестях FM») или удовлетворяет коммерческие интересы радиостанции (Проект «Relax география» на радио «Relax FM» — проект, привлекающий турагентства). Основная цель подобных историй на радио — короткий рассказ о ком-либо с целью переключения внимания слушателя, отвлечения его от сложных тем политики и экономики (на разговорном радио) или от песен (на музыкальном). Еще одна важная цель таких историй — реализация культурно-образовательной функции журналистики.

Метод отображения как жанрообразующий фактор предполагает рерайт различных текстов (статьи на интернет-сайтах, в периодических изданиях, материалы из книг и энциклопедий) о конкретном человеке, историческом событии и т. д. При написании историй автор также может использовать материалы документальных филь-

мов. Однако он не использует традиционные методы: наблюдение, интервью, опрос.

«Стори» и документально-художественные жанры радиожурналистики

«Стори» не подходит под описание какого-либо другого радиожанра. Наиболее близкими ему являются документально-художественные жанры радиожурналистики, радиоочерк и радиорассказ. Некоторые теоретики и практики радио (например, С. А. Бунтман, 1-й заместитель главного редактора «Эхо Москвы») отмечают, что «„стори“ на отечественном разговорном и музыкальном радио — это современная форма радиорассказа, радиоорчерка»⁴. В этих жанрах, популярных в XX веке, «документальные факты, портреты и характеристики конкретных людей, анализ реальных жизненных ситуаций соединяются с широкими обобщениями, публицистическими отступлениями — авторскими комментариями и откровенным художественным домыслом»⁵.

По мнению автора, истории на современном музыкальном и разговорном радио едва ли можно назвать новой формой радиорассказа, радиоорчерка. Они не предполагают художественного вымысла, серьезного анализа жизненных ситуаций, а также публицистических отступлений. Это невозможно сделать за 1–3 минуты. Цель таких историй другая — переключить внимание слушателя, удержать его интересным рассказом, например, о том, что Н. В. Гоголь — горе-профессор⁶.

В основе радиоочерка и радиорассказа «лежат яркие и неординарные случаи, факты, жизненные коллизии, но в центре, в фокусе журналистского, а следовательно, слушательского внимания всегда остаются человек — творец события, его дела, желания, поступки, действия»⁷. Современные истории на радио также могут быть о людях, малоизвестных фактах их биографии (если речь идет о знаменитостях прошлых эпох) или о неизвестных большинству слушателей личностях, вошедших в историю благодаря интересным биографическим фактам. Однако истории на российском радио — не только о людях. Это может быть рассказ о крупном историческом событии («Уроки истории» на «Вестях FM»), исто-

рии о том, как кафе или ресторан получил широкую известность («Истории со вкусом» на радио «Монте-Карло»), истории успеха и неуспеха компаний («Бизнес-кейс» на «Коммерсантъ FM»).

Как видим, жанры радиоочерка и радиорассказа отдаленно напоминают то, что мы называем жанром «стори». В истории развития радиовещания XX века сложно найти несколькоминутные передачи, межпрограммки. Есть один пример, который напоминает жанр «стори». «Во время Второй мировой войны в Англии драматург Джон Пристли после сводок новостей на „Би-би-си“ (BBC) зачитывал небольшие рассказы. Это были очерки на военную тему. Хронометраж их составлял 5–7 минут»⁸. Например, «История колесного парохода», который сделал несколько рейсов меду Дувром и Кале, эвакуировал людей и «погиб». Но их хронометраж больше, это короткие рассказы о событиях современности, а передачи, в основе которых истории о людях или исторических событиях на современном российском радио, — о прошлом.

«Фичер» или «стори»?

При проведении исследования автор спрашивал респондентов, как корректнее называть межпрограммки на радио, в основе которых короткие истории на различные темы. Российские радиожурналисты часто называют такие истории на радио английским термином «фичер» (feature или feature story). Представляется, что понятие «фичер» не удачное. Во-первых, оно имеет различные значения: тематическая статья в газете или журнале, сенсационный материал в газете или сообщение по радио или ТВ, центральная передача телепрограммы; большая статья в газете или журнале⁹.

Во-вторых, в наиболее распространенной интерпретации feature story — газетный очерк интересный для широкой публики или материал для радио/ТВ, в основе которого всестороннее освещение проблемы¹⁰. Как было отмечено выше, основная цель истории на современном разговорном и музыкальном российском радио — короткий интересный рассказ о ком-либо или чем-либо.

Мы считаем, что «стори» — отдельный новый жанр на российском радио. С этим мнением

согласны и некоторые профессиональные радиожурналисты, и теоретики радио, например, Егор Серов, с 2008 по 2014 г. — генеральный продюсер Радио «Звезда», академик Российской Академии Радио, академик Евразийской Академии телевидения и радио¹¹.

Возникает вопрос: когда появился новый жанр на российском радио?

История развития жанра «стори» на российском радио

На советском радио межпрограммок не было, были передачи, в которых говорили об истории, о том, кто из великих людей родился в определенный день, т. е. оперативная информация. «Возможно, эти короткие сводки на советском радио стали прародителем современных историй на российском радио»¹², — отмечает Андрей Светенко.

Программы в жанре «стори» стали появляться на российском музыкальном и разговорном радио в нулевых годах. Первой российской радиостанцией, которая начала разрабатывать новый жанр, стало «Радио России». Еще в 1997 году журналист и историк Андрей Светенко начал делать трехминутную программу «Хранитель времени» (рассказы об исторических событиях). Программа «Уроки истории» (тоже трехминутная), продолжение «Хранителя времени», проявилась в 2007 году на «Маяке», а через год — на «Вестях FM».

В этом же году в продакшн-студии «Апельсин FM», которая производит самый разнообразный контент для радиостанций, появилась первая стори-программа, проект «Деньги» (хронометраж передач 3 мин.). Многие люди тогда брали ипотеки и потребительские кредиты. «Мы написали различные истории о происхождении денег, банков, о миллиардерах, о пиратах и сокровищах, о громких мошенничествах. И поняли, что на подобные программы есть спрос»¹³, — рассказывает руководитель студии радиопрограмм «Апельсин FM» Юлия Андреева.

В нулевые несколькоминутные специализированные программы, в основе которых лежала история о людях из прошлых эпох (известных и малоизвестных), географических объектах, ис-

торическом событии, возникают на радио «Relax FM», «Монте-Карло», «Коммерсантъ FM» и др.

Появление таких программ во многом связано с общей тенденцией к сокращению хронометража передач, так как «современная аудитория большой формат не воспринимает»¹⁴. Сокращение хронометража передач «связано с появлением Интернета и тем, что стали доступны многие источники информации. Человек в единицу времени может получать из разных источников самый разнообразный контент»¹⁵. Поэтому несколькоминутные записные передачи получают всю большую популярность. Это могут быть информационные (проект «Тема дня за 60 секунд» на «Серебряном дожде», «Сказано на КП» на радио «Комсомольская правда») или тематические межпрограммки, в основе которых «голые» факты о чем-либо, например, о различных видах российского оружия (программа «Арсенал» на радио «Звезда», которая длится полторы минуты).

Особое место среди таких записных передач занимают межпрограммки «стори». В основе их не «голые» факты, а именно интересно рассказанная история, позволяющая переключить внимание слушателей радиостанции, удержать аудиторию. Такие проекты пользуются популярностью на разных радиостанциях. Проанализировав продажи за два года (2008–2009) проекта «Деньги», в продакшн-студии «Апельсин FM» определили, что «он звучал на 20 региональных радиостанциях и после 2009 года продолжал пользоваться спросом»¹⁶.

На радио «Звезда» после смены формата в 2010-м (теперь в дневное время в сетке вещания нет программ длиннее 4 минут) резко поднялся рейтинг радиостанции. На «Звезде» после 2010 года появилось множество программ в жанре «стори» («Есть! Что рассказать...»; «Интересное кино»; «История награды» и др.). На радио «Relax FM» проводили исследование: «отправляли слушателям по электронной почте анкеты с вопросами о том, какие рубрики им нравятся. По отзывам, которые приходили, можно сказать, что аудитории такие программы интересны и они действительно удерживают аудиторию»¹⁷. На радио «Комсомольская правда» «стори» стали появ-

ляться с осени 2013 года. Аудитория за год выросла больше чем в двое.

Проблема интеграции «стори» с другими программами в сетке вещания

Как правило, передачи в жанре «стори» «привязаны» к конкретному новостному поводу. Например, в 2012 году, когда отмечалось двухсотлетие войны 1812 года, каждая история программы «Уроки истории» на «Вестях FM» была посвящена конкретному дню военных действий (А. Светенко рассказывал, что было в этот день 200 лет назад), а летом 2014 года была украинская тема — цикл историй «Украинцы в русской истории» (рассказы о «деятелях украинской истории»: Грушевском, Петлюре, Махно).

Но бывает, что такие передачи не связаны с новостным поводом. Как отмечает Е. Серов, «такие истории не обязательно должны быть к чему-то привязаны. „Тайное и неизведанное“, „Теперь буду знать“ на „Звезде“, как правило, не привязаны к какой-то дате или событию. Главное: выбрать такую тему для историй, чтобы она „западала“»¹⁸.

По мнению С. Бунтмана, «если мы заинтересованы в протяженном прослушивании, то программы, в основе которых короткие истории о ком-либо, чем-либо, необходимо связывать с другими программами, иначе они не имеют смысла»¹⁹. «Не совсем уместно давать их перед новостями: слушатели ждут новостей, а такая программа может рассеять внимание. Человек, ожидая новостей, может вообще ее не слушать, и получается, что многие малые рубрики теряются»²⁰. Поэтому, если у таких программ плавающее время (а в большинстве случаев это так, например, «Жил-был дом» на «Культуре» или «Великие люди» на «Комсомольской правде»), они должны быть включены в контекст.

«Еще лучше делать из коротких историй сериал, чтобы человек именно эту рубрику слушал каждое время и лучше каждый день, еженедельный маленький рассказ делать бессмысленно. И, что очень важно, — обязательно в определенное время»²¹. Это верное замечание, ведь современный человек мыслит сериально, люди

смотрят сериалы, а у сериала должно быть фиксированное время.

Жанр «стори» и проблема профессиональной этики

Проект «Великие люди» на радио «Комсомольская правда» сделан по модели сериала. Про каждого великого человека пишется 10–15 историй, каждая история (за исключением последней) заканчивается словами «но это уже другая история», т. е. каждая история, кроме последней, перетекает в другую, истории идут в разное время.

Вопрос интеграции «стори» с другими программами в сетке вещания — не единственная проблема, которая возникает при развитии таких проектов. Как автор историй для двухминутной программы «Великие люди» на радио «Комсомольская правда» я столкнулась с еще одной проблемой — этической. Для программ в жанре «стори» важно сразу «зацепить» слушателя. Роль такой «зацепки» в проекте «Великие люди» играет заголовок, который формулируется по единому принципу: упоминается сначала всем известный факт о человеке, а потом — факт малоизвестный. Например, «Юрий Гагарин — не только первый космонавт, но и воднолыжник». Чтобы «зацепить» слушателя, порой выбираются некорректные заголовки. Например, «Иван Тургенев — не только великий русский писатель, классик мировой литературы, но и отец-кукушка».

Проанализировав жанрообразующие факторы «стори», приходим к выводу о том, что «стори» можно считать новым жаром на российском радио, который набирает все большую популярность. Сейчас нет единого мнения о том, как интегрировать передачи в жанре «стори» в сетку вещания. Как отмечают эксперты, новый жанр позволяет удержать и даже повысить аудиторию в условиях возрастающей конкуренции. На некоторых радиостанциях («Коммерсантъ FM», «Relax FM») — «стори» не только один из инструментов развлечения слушателя, но и предложение для рекламного рынка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Радиожурналистика / Под ред. проф. А. А. Шереля. М., 2000. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/49.htm>.

² Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М., 2002. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/03.htm>

³ Интервью автора с А. Светенко, автором рубрики «Уроки истории» на «Вестях FM». 2014. Июнь. 06.

⁴ Интервью автора с 1-м заместителем главного редактора «Эхо Москвы». 2014, Сент.

⁵ Радиожурналистика...

⁶ История под заголовком «Николай Гоголь — не только русский писатель, но и горе-профессор» звучала на радио «Комсомольская правда» в цикле историй о Н. В. Гоголе в рамках проекта «Великие люди». 2014. Апр.

⁷ Радиожурналистика...

⁸ Интервью автора с С. Бунтманом, 1-м заместителем главного редактора «Эхо Москвы». 2014. Сент.

⁹ Feature. URL: <http://dictionary.reference.com/browse/feature/>

¹⁰ How To Write a Feature Story. URL: <http://www2.uncp.edu/home/acurtis/Courses/ResourcesForCourses/WritingFeatureStories.html>

¹¹ Интервью автора с Е. Серовым, с 2008 по 2014 генеральным продюсером Радио «Звезда», академиком Российской Академии Радио, академиком Евразийской Академии телевидения и радио. 2014. Сент. 26.

¹² Интервью автора с А. Светенко, автором рубрики «Уроки истории» на «Вестях FM». 2014. Июнь. 06.

¹³ Интервью автора с Ю. Андреевой, руководителем студии радиопрограмм «Апельсин FM». Окт. 10.

¹⁴ Интервью автора с С. Бунтманом, 1-м заместителем главного редактора «Эхо Москвы». 2014. Сентябрь. 04, Е. Серовым и др. топ-менеджерами российских радиостанций.

¹⁵ Интервью автора с А. Родионовым, заместителем главного редактора «Коммерсантъ FM». 2014. Июнь. 06.

¹⁶ Интервью автора с Ю. Андреевой, руководителем студии радиопрограмм «Апельсин FM». Окт. 10.

¹⁷ Интервью Автора с И. Подгорным, программным директором «Relax FM». 2014. Июнь. 06.

¹⁸ Интервью автора с Е. Серовым, с 2008 по 2014 генеральным продюсером Радио «Звезда», академиком Российской Академии Радио, академиком Евразийской Академии телевидения и радио. 2014. Сент. 26.

¹⁹ Интервью автора с С. Бунтманом, 1-м заместителем главного редактора «Эхо Москвы». 2014. Сент.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

[хроника]

ВТОРОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ РУССКОГО МИРА

SECOND PEDAGOGICAL FORUM OF THE RUSSIAN WORLD

Форум под названием «Русский язык и литература в современном образовательном пространстве» состоялся 1–2 ноября во Владимире.

В работе форума приняло участие около 500 человек — преподаватели русского языка и литературы учреждений всех уровней образования, методисты, представители общественных объединений и органов власти из 60 регионов России и 20 зарубежных стран. Мероприятие было организовано фондом «Русский мир», Российской академией образования и Российским обществом преподавателей русского языка и литературы.

Мероприятия форума проходили на высоком представительском уровне: на нём прозвучали выступления заместителя руководителя Администрации президента РФ Магомедсалама Магомедалиевича Магомедова, председателя Комитета Государственной Думы по образованию Вячеслава Алексеевича Никонова, председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Зинаиды Фёдоровны Драгункиной, губернатора Владимирской области Светланы Юрьевны Орловой. Выступавшие отметили высокую значимость проблем преподавания и изучения русского языка в контексте разработки концепции филологического образования в современной школе, охарактеризовали ключевые проекты в сфере популяризации и распространения русского языка как на федеральном, так и на региональном уровне.

Участники форума вели дискуссии по таким актуальным для современной русистики темам, как качество филологического образования в современной школе, развитие читательской культуры, применение новых методов и техноло-

гий в процессе обучения, интеграция преподавания русского языка в программы высшей школы. Наиболее интересные педагогические программы и проекты были представлены к защите, по итогам которой были определены победители в номинациях «качество филологического образования в современной школе», «развитие читательской культуры», «современный русский язык в вузе», «новые методы технологии на службе у русского языка и литературы».

По итогам форума была подготовлена резолюция, текст которой зачитала на церемонии закрытия Людмила Алексеевна Вербицкая, президент РОПРЯЛ, президент Российской академии образования, президент СПбГУ, председатель попечительского совета фонда «Русский мир». Рассуждая о приоритетах государственной политики в области преподавания русского языка и литературы, Л. А. Вербицкая обратила внимание собравшихся на необходимость формирования широкой читательской аудитории внутри страны и поисков новых путей развития интереса молодежи к чтению, в том числе и посредством различных форм внеурочной деятельности.

В рамках Второго педагогического форума также состоялись заседания Президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и Правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы, на которых представители ведущих центров русистики России и зарубежья поделились своим видением тенденций функционирования русского языка, подвели предварительные итоги работы в 2015 году и определили планы на следующий год.

Я. П. Полухина

АВТОРСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ЕВГЕНИЯ КЛЮЕВА (ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ТЕКСТЕ)

IANA P. POLUKHINA

ORIGINAL ETYMOLOGIES BY EVGENY KLYUEV: LANGUAGE GAME IN MODERN RUSSIAN TEXT

В статье описываются особенности индивидуального стиля прозы Евгения Ключева на материале книги «Странноведение». Неповторимость авторского стиля обусловлена тем, что Е. Ключев является профессиональным лингвистом, а не только писателем и поэтом. Он увлекается языковой игрой, экспериментирует со словом в различных его проявлениях. В каждом произведении автор может «отрабатывать» определенный окказиональный стилистический приём. В сборнике «Странноведение» таким приёмом становится авторская этимология, которая определяет содержание новелл сборника и их смысловую целостность, становится текстообразующим средством и основной приметой стиля автора.

Ключевые слова: языковая игра, авторская этимология, окказионализмы.

This article considers peculiarities of Evgeny Klyuev's prose style based on his book "Strannovedenie". The uniqueness of his style is due to the fact that E. Klyuev is not only a writer and poet, but a professional linguist. He is interested puns and experiments with the words in their various manifestations. Each of his books is "working" with a certain occasional stylistic device. In "Strannovedenie" it is the original etymology, which determines the content and semantic integrity of his short stories, becomes a text-forming device and the main distinguishing feature of his style.

Keywords: language game, author etymology, the nonce words.

Яна Петровна Полухина

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Тюменского государственного
университета
► yanessa7@yandex.ru

Одним из загадочных и оригинальных современных авторов является Евгений Васильевич Ключев, не только поэт и писатель, но и профессиональный лингвист, доктор филологических наук по специальности «Лингвистическая прагматика», что не могло не отразиться на его художественных текстах. Перу автора научных статей, учебных пособий по лингвистике, риторике, речевой коммуникации, литературе абсурда принадлежат также повесть «Между двух стульев» (1989), роман «Книга теней» (1996), сборник «Сказки на всякий случай» (2004), роман «Давайте напишем что-нибудь» (2007), сборник стихов и сказок «Учителя всякой всячины» (2009), социофренический роман «Андерманир штурк» (2010) и другие художественные произведения.

Немногочисленные газетные, журнальные и интернет-статьи¹ дают нам очень скудное представление о биографии автора: родился в 1954 году в Твери, окончил филфак Тверского государственного университета по специальности «Русский язык и литература» и аспирантуру факультета журналистики МГУ, занимался журналистской и преподавательской работой, выпустил несколько художественных

книг и учебников по лингвистике. Пять лет был деканом факультета журналистики Университета Российской академии образования (УРАО). В настоящее время проживает в Копенгагене (Дания), где работает в лингвистическом центре, в котором датский язык преподают как иностранный, а также принимает участие в работе научно-исследовательского центра «Текстовая реальность», в котором разрабатываются различные языковые проблемы. В России Евгений Ключев частый гость: его книги публикуются в столичных издательствах, а его самого регулярно приглашают на конференции, для чтения лекций и т. п.

Евгений Ключев в последние десятилетия находится в центре внимания российских читателей и литературных критиков: «Спектр его литературного дарования очень широк — от детской прозы до литературы абсурда и замысловатых литературных фантазмагорий, от драматургии до прозы философской, от тонкой лирики до трудов по лингвистике. Создается впечатление, что Ключев подобрал какой-то свой особый ключик к Языку, и тот охотно идет с ним на сговор, подыгрывает ему, с удивительной легкостью меняя жанровые и стилистические облики»².

Художественные тексты Е. Ключева исследуют преимущественно в литературоведческом аспекте³. Например, молодой уральский исследователь Ольга Ловцова, проанализировав поэтический сборник Е. Ключева «Учителя всякой всячины»⁴ и роман «Андерманир штук»⁵, отмечает, что «особо пристальное внимание автор, будучи лингвистом, уделяет речевой организации произведения»⁶.

В послесловии к популярной в России книге «Между двух стульев» известный лингвист М. В. Панов обращает внимание на то, что «авторские фантазии именно потому вызывают активность мышления, что они не только фантазии, но и серьезные раздумья — прежде всего о строении естественного языка, о его роли в познании мира, в общении людей. Это чрезвычайно важная сегодня область научных и прикладных исследований»⁷.

Писатель открыто экспериментирует со словом, словосочетанием и даже текстом, обращаясь

к различным приёмам языковой игры. Например, в романе «Книга теней», а также в своих многочисленных интервью Евгений Васильевич часто использует приём слияния словосочетания в одно слово путем дефисного написания⁸: *Эту фразу можно прочитывать как признание в том, что **Вы-дескать-не-кажется-мне-чужим...**; В середине 90-х вдруг стало казаться, что **тут-я-уже-всё-видел**, между тем как на свете существует довольно много мест, в которых я так никогда и не побывал — и, видимо, уже не побываю⁹; **Хоть-стой-хоть-падай**, как сказала бы Наташа...; *Центурионши Мосгравтотранса, душой и телом преданные великой идее «обилеченного» проезда каждого **москвича-и-гостя-столицы***¹⁰.*

В книге «Андерманир штук» Е. Ключев обращается к приёму дробления слова дефисами на отдельные звуки или слоги: *Такое было время. **Со-ци-о-фре-ни-че-ско-е**. Страна бредила наяву, страна спала с открытыми глазами¹¹; Ох-хо, мы обманутое поколение... Нас вырастили в этой стране, вырастили под ее потребности, приспособив к жизни в ней, — и как раз тогда, когда мы стали взрослыми, **с-о-в-е-р-ш-е-н-н-о-л-е-т-н-и-м-и**, выяснилось: страны, для которой нас вырастили и приспособили, больше нет. Что теперь будет с нами?*¹²

Основным стилистическим приёмом (наряду со словотворчеством, алогизмами и пр.) в текстах сборника «Странноведение» (2006) оказывается авторская этимология, то есть вымышленные этимологические истории некоторых топонимов и окказионализмов автора, построенные на его лингвистических ассоциациях. Таким образом этот приём становится также основной идеей произведения (развенчать привычные этимологические контексты, подменив их окказиональными).

О возможности неоднозначной интерпретации семантики производного слова в качестве механизма языковой игры пишет Т. А. Гридина: «При актуализации отношений слов одного корня срабатывает фактор языкового сознания, обусловленный развитием лингвистического чутья, инстинкта, позволяющего говорящим находить общие компоненты смысла в специализированных по значению родственных словах; при этом

этимологическая рефлексия (способность к обнаружению этимона) часто приводит к синхронно нерелевантным толкованиям значений слов; с другой стороны, осознание семантической связи этимонимов является стимулом к актуализации внутренней формы наименования; этимологическая связь однокоренных слов может выражаться и в явлении полимотивации»¹³.

Книгу «Странноведение» Е. Ключев с иронией называет «своеобразный путеводитель по различным государствам земного шара». Жанр путеводителя, однако, здесь оказывается лишь номинальным, поскольку книга представляет собой собрание выдуманных историй о семидесяти семи странах мира. В каждой главе с юмором рассказывается о происхождении названия государства, его жителей и еще о некоторых словах, якобы бытующих в этой стране. Безусловно, это установка на создание литературы абсурда, в которой мы чувствуем отголоски произведений Д. Хармса и В. Сорокина, но в то же время — это литературный эксперимент автора-лингвиста, основой которого становится игра со словом.

Известно, что топонимы, обозначающие зарубежные реалии, не имеют русских корней и в большинстве своём в русском языке являются немотивированными. Этим пользуется автор, находя словообразовательные мотиваторы на основе фонетически близких лексем, включая в повествование парадоксальное прояснение внутренней формы слова.

Так, имя собственное *Китай*, по Е. Ключеву, является императивом от глагола с затемнённой семантикой **китать**; *Эстония* восходит к английскому “Astonish” («удивительно»); *Марокко* оказывается родственным со словом «морока», а *Пакистан* связанным с **Пакистанцией** (первой станции на территории Пакистана)¹⁴.

В некоторых случаях автором задаётся эффект ассоциативной двуплановости или же многоплановости восприятия лексемы, которая возникает в результате подмены лексического мотиватора или омонимической подмены производящей основы.

Например, неоднозначно обыгрывается автором этимология топонима *Великобритания*.

Во-первых, страну называли так потому, что все её жители (*бриты*) ездят на *великах*. Во-вторых, потому, что жители велики ростом (великаны). В-третьих, автор толкует происхождение слова и от созвучия со словом «великобританцы» (в переводе на русский язык английского словосочетания «*Order cobra dancing*», что можно понять как «*Вели кобре танцы!*»).

Частотными являются авторская псевдоэтимология и словотворчество при назывании жителей описываемых стран: ...на сегодняшний день Люксембург являет нам поразительное разнообразие населяющих его народностей: **спрасбургеры, питтсбургеры, петербургеры, екатеринбургеры**; Жителей Кореи за их стойкость и приверженность к родной земле стали называть **кореньями**; Жители республики Чад — **чада** и **домочады**; Эстонии — **эсты**; Китая — **киты** и **китки**; Аляски — **алясеевичи** и **алясеевны**; Турции — **турачки, туралеи, турилки, турашки, турушлены, турни** и т. д.

Прочие окказиональные новообразования связаны с описанием особенностей культуры и быта жителей того или иного государства.

Наиболее типичными способами псевдоэтимологизации Е. Ключева являются следующие.

1. Реноминация на основе фонетического сходства (путём произвольной замены, добавления или удаления одного из звуков): *Жилплощадь в Алжире называют жирплощадью*. Типичный **польшевик** выглядит привлекательно: у него **польшеротое** и **польшеглазое** узкое лицо...; Он **невысок**, но **польшерук** и **польшеног**, обычно еще и **польшезад**, часто прихрамывает, иногда на костылях (о жителях Польши); Такие криминальные элементы известны здесь под названием **сирийных** убийц (об убийцах жителей Сирии); Бюро **бритуальных** услуг (об особенностях жизни британцев); Пространство это получило название **Либермудского** треугольника (о Либерии); ... на Мальте необычайно развита **мальтернативная** медицина; Впрочем, жители Омана, **оманички** и **оманицы**, этого, кажется, вообще не замечают.

Подобный языковой эксперимент Е. Ключев уже предпринимал в повести «Между двух стуль-

ев», о чем пишет М. В. Панов: «Способы шифровки, к которым прибегает автор, исключительно многообразны и зачастую сложны. Но излюбленный способ — преобразование устойчивых, застывших словосочетаний, когда властелин мира легко и свободно превращается в Пластилина Мира, Дон Жуан становится Бон Жуаном... За этим стоит размышление об условности словесного выражения, о том, что значение и звучание связаны лишь постольку, поскольку объединены в составе одного слова. Недаром в книгу то и дело врывается строго терминологическое выражение „асимметричный дуализм языкового знака“: в контексте эти серьезные слова приобретают забавное звучание, оставаясь все же терминологичными»¹⁵.

2. Псевдоэтимологизация на основе окказионального переразложения морфемной структуры имеющегося в языке слова: *«Киты самая древняя народность Китая»*; *«Имя врагов республики Чад — исчадия»*; *«И населяют ее не обычные люди, а майоры и майориши»* (о жителях Майорки); *«Жалко даже, что гаишники и гаишницы не понимают, когда с ними на русском разговаривают!»* (о жителях Гаити); *«Аборигены Перу называются перцы и перечницы»*; *«национальные пакистанцы, а также пакипьяски народов мира»*; *«Столица Суматры называется Суматоха»* и т. д.

3. Образование авторских окказионализмов (в том числе сложных слов) от существующего топонима: *...на поле мирно пасётся пакистадо, ... через всё небо проносится крикливая пакистая журавлей, а у свежих источников отдыхают пакистарики и пакистарухи...* (от топонима Пакистан); *полная окалясица, алясково улыбаются, ритуальные пляски с криками и алялюканьем* (мотивирующее — топоним Аляска), *чукотики и чукошечки* (жители Чукотки), *алжирики и алжирицы* (жители Алжира) и т. п.

Е. Клюев создаёт связные тексты, построенные на игре с псевдоэтимологизацией слов. Так, в новелле «Франция» мы наблюдаем игру с авторскими окказиональными производными от топонима Франция *франт* и *франтиха*.

Считается, что Франция является законодательницей моды. В связи с этим Е. Клюев

сообщает читателю, что населяют её *франты* и *франтихи*. Таким образом, всем известные слова «франт» («человек, любящий наряжаться, щёголь»¹⁶) и «франтиха» переосмысляются, создается эффект ассоциативной двуплановости восприятия: соответствующей реальной, языковой, и авторской. Авторская этимология основывается на частичном созвучии топонима Франция со словами *франт* и *франтиха*, связь неязыкового факта «Франция — мода» получает языковые корни. Ту же этимологию приобретает и слово *франтить*, которое, по Клюеву, означает «жить подобно жителям Франции, вести себя как *франт* (в авторском значении) или *франтиха*».

Прибывшие во Францию *«немедленно впадают в глубокий франс»*. Меняя первую букву в слове «транс» (которое употреблено в устойчивом сочетании), автор приближает его фонетический облик к названию страны, при этом толкует значение выражения «впасть в *франс*» следующим образом: «стать страстным поклонником Франции, полюбить всё, что находится у тебя перед глазами, и уже никогда не хотеть обратно домой». В результате, узуальная семантическая ассоциация накладывается на окказиональную.

Интересно, что мена «Т» на «Ф» с целью придания созвучия со словом Франция используется Е. Клюевым и в других случаях: *франсляция* (примат французской культуры над всеми), общественный *франспорт* (популярность спорта среди французов). В последнем случае изменение фонетического облика слова накладывается на псевдомотивацию получившегося слова-аббревиатуры: *франспорт* — *французский спорт* (либо можно воспринять это как контаминацию слов Франция + спорт).

Франтовой язык (обыгрывается *франтовой*) «напоминает свист стрел и пуль, пушечные выстрелы и раскаты взрывов — особенно при произнесении звука „р“». *Франт* (в окказиональном значении) контаминируется с фонетическим обликом узуального слова «франтовой», и при толковании окказионализма сохраняются некоторые семантические ассоциации с мотивирующим узуальным словом. *Метание франаты* — еще одна реноминация, дешифровка которой осущес-

ствляется на основе узнавания сочетаемости слова в узусе — «метание гранаты». Таким образом возникает новое значение словосочетания — «излюбленный вид спорта французов».

Автором формируется и окказиональная паремиология: *Китка* — не *никитка*, как *китель* не *накитка* (в предшествующем контексте разъясняется, что *китки* и *никитки* — представительницы различных наций Китая, а *накитка* — национальная надежда китайцев); *Бритт* — то он брит, да неважно побрит!, Будемте с вами за *панибрита*! (британские идиомы); *Живёшь* на Аляске — избегай *огляски*; *Ямаяк* *ямаека* видит издадека (о жителях Ямайки); военная тактика Пакистана «*Пакистенка* на *пакистенку*» и другие.

Книга Евгения Клюева «Странноведение» представляет собой сборник текстов с элементами авторской языковой игры, законченное произведение, где каждое предложение содержит эффект обманутого ожидания (являющийся одним из приемов создания комического). Содержание новелл подчинено направлению авторской мысли, движущейся вслед за возможностями подмены лексического мотиватора словом, этимологически родственным, но имеющим иное значение. Это способствует ассоциативному параллелизму толкования, например:

Географическое положение страны чрезвычайно благоприятствует отправлению именно этой, наиболее естественной из потребностей албанициков — потребности в чистоте. Албания находится на берегу моря, полного чистой и прозрачной воды, оно называется Албаренцево море. Почему-то считается, что море это холодное и большую часть года покрыто льдом, но это не соответствует действительности. Албаренцево море — одно из самых тёплых морей в мире, иначе — почему же на его берегах в таком изобилии растут албанановые пальмы?

Кстати, рацион албанициков состоит в основном из албананов, которые тут обильно поедаются как сырыми, так и во всевозможных вариантах... Национальная фантазия албанициков в том, что касается албананов, просто не знает никаких границ.

На берегу Албаренцева моря расположена и столица Албании. Сначала она называлась Алба-Ата, потом Алба-Аты, но повышение культурного уровня населения привело к тому, что сегодня она получила своё окончательное название — Алба-Авы.

В столице Албании всегда тесно: тут просто албанану негде упасть от расплодившихся по всей территории албанских банков — албанков. Албания сосредоточивает в себе почти все валютные запасы мира, поэтому неудивительно, что страной заправляют так называемые албанковские воротилы — мощная финансовая олигархия, держащая мировой рынок валюты в своих ежовых рукавицах.

В данном отрывке статьи о государстве Албания мы наблюдаем, как автор в процессе языковой игры делает (путем наложения и контаминации) родственными слова и словосочетания Албания, баничик, Баренцево море, банановый, банан, Алма-Ата (Алма-Аты), банк, банковские воротилы. В случае с описанием смены названия столицы также обыгрывается смена «ты» на «вы» в его названии в связи с «повышением культурного уровня жителей». Возникает чувство, что изначально были созданы возможные псевдородственные окказионализмы, которые определили содержание заметки, и лишь затем на их основе создавался связный текст. И хотя каждая новелла, как правило, содержит информацию о жителях страны, столице, национальных характерах и традициях, содержание всё же следует за возможностью включения в текст авторских окказионализмов, что делает повествование в каждом случае оригинальным и неожиданным.

Неподготовленный читатель вряд ли получит удовольствие от прочтения данной книги: необходима установка воспринимающего на языковую игру, готовность дешифровать авторские загадки. Здесь, как и в книге «Между двух стульев», «есть прямой расчет на эрудированного, оригинально мыслящего и веселого собеседника, готового вступить в игру, правила которой, как настаивает автор, создаются по ходу самой игры, и готового играть всерьез. Правда, предлагаемая игра непростая. Участники ее должны обладать все

еще довольно редким, к сожалению, качеством — широтой взгляда на мир, принимая как данность не только то, что бывает не часто, но и то, чего не бывает никогда»¹⁷. Таким образом создаётся определённая модель адресата, который готов играть с автором в предлагаемую игру.

Словотворчество, игра с псевдоэтимологией слов, поиск автором окказиональных словообразовательных и семантических мотиваторов оказываются основными текстообразующими средствами, с их помощью создаётся смысловая целостность текстов, входящих в сборник «Странноведение». Эта особенность выделяет данную книгу из всех произведений автора (где элементы языковой игры лишь изредка оживляют повествование), являясь яркой приметой индивидуального стиля лингвиста Евгения Ключева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее полную подборку статей, интервью и прочей разрозненной информации о Е. В. Ключеве можно найти в сообществе «Клуб друзей Евгения Ключева» в живом журнале <http://kluev.livejournal.com>

² Гейдэ Н. Эксклюзивное интервью для "Русского Общества в Дании". Копенгаген, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://kluev.livejournal.com/2006/02/22/>

³ В 2013 году на родине писателя, в Твери, проходила научная конференция «Проблемы поэтической семантики», где функционировала секция, посвящённая творчеству Евгения Ключева. Специалисты из Санкт-Петербурга, Екатеринбург,

Самары и Твери обсуждали проблемы поэтической филологии и традиции литературы абсурда в его поэтических и прозаических текстах.

⁴ Ловцова О. В. Сочетание дидактической и парадоксально-игровой традиций детской поэзии в сборнике Е. Ключева «Учителя всякой всячины» // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/421>

⁵ Ловцова О. В. 1) Социофренический дискурс в романе Е. Ключева «Андерманир штук» // Политическая лингвистика: науч. журн. 2012. № 1. С. 200–203; 2) Московский текст в романе Е. Ключева «Андерманир штук» // Уральский филол. вестн. № 4. 2012. С. 138–146.

⁶ Ловцова О. В. Социофренический дискурс... С. 200.

⁷ Панов М. В. Об этой книге (аннотация к изданию 1989 года) // Между двух стульев. М.: Педагогика, 1989. С. 157.

⁸ В лингвистической литературе этот способ также называют терминами «окказиональное сращение», «интеграция», «голофразис» и др.

⁹ Збарская А. Интервью с писателем (философом, лингвистом, общественным деятелем) Евгением Ключевым. М., 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://kluev.livejournal.com/481.html>

¹⁰ Ключев Е. Книга теней. М., 2006. С. 8.

¹¹ Ключев Е. Андерманир штук. М.: Время, 2010. С. 400.

¹² Там же. С. 461.

¹³ Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. С. 152–153.

¹⁴ Все примеры взяты из книги: Ключев Е. Странноведение. М., 2006.

¹⁵ Панов М. В. Указ. соч. С. 158.

¹⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 857.

¹⁷ Панов М. В. Указ. соч. С. 159.

[предлагаем вашему вниманию]

Роголёва Е. И., Никитина Т. Г. Ума палата: детский фразеологический словарь. — М: Издательский Дом Мещерякова, 2014. — 192 с.

Не откладывайте в долгий ящик знакомство с русской фразеологией и культурой. Всем известно: лучше быть семи пядей во лбу, чем без царя в голове. Чтобы не нести околесицу и не глядеть на собеседника, как баран на новые ворота, откройте новый занимательный словарь, и вы узнаете все тайны и особенности фразеологизмов. Вместе с братьями-коробейниками вы окажетесь на средневековой ярмарке, где найдёте разгадку происхождения фразеологизма *с три короба*. Чтобы понять историю оборота *вить верёвки*, посетите музей «Мельница в деревне Бугрово». Побываете в театре, в картинной галерее и поднимитесь на колокольню Ивана Великого. На страницах книги вы найдёте занимательные задания, которые помогут и историю фразеологизма распутать, и смекалку проверить. Научитесь готовить кашу и кисель, узнаете, как смастерить бумажного гуся, как нарисовать на компьютере целую деревню, какие упражнения выполнять, чтобы о вас могли сказать *косая сажень в плечах*. Но и это ещё не всё. О самом интересном вы узнаете, прочитав книгу.

А. В. Родионова

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН В РОМАНЕ Д. РУБИНОЙ «НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ»

ANNA V. RODIONOVA

SPECIAL FEATURES OF WOMEN'S SPEECH BEHAVIOR
IN THE NOVEL "ON THE SUNNY SIDE OF THE STREET" BY D. RUBINA

В статье на материале романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» рассматривается вербальная и невербальная коммуникация женщин в соответствии с их гендерными ролями в обществе.

Ключевые слова: роман Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы», речь, речевое поведение, речевые характеристики.

The article deals with verbal and non-verbal communication of women in accordance with their gender roles in society on the material of the novel by D. Rubina "On the Sunny Side of the Street".

Keywords: the novel by D. Rubina "On the Sunny Side of the Street", speech, speech behavior, speech characteristics.

Проблема изучения особенностей речевого поведения мужчин и женщин привлекает внимание современных зарубежных и отечественных исследователей. Интерес ученых к этому вопросу связан с рядом факторов, в том числе с актуализацией и активизацией различных гендерных разработок как в лингвистике, так и в других областях научного знания.

В данной статье мы предлагаем обратиться к произведениям современной женской прозы, в частности к роману Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы», и на его основе выявить специфические черты речевого поведения женщин. В качестве основополагающего было использовано определение речевого поведения Т. Г. Винокур: «Речевое поведение — это речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве»¹. При анализе материалов учитывалось, что понятие «речевое поведение» содержит не только вербальные, но и невербальные (жесты, мимика) компоненты.

Рассматривая речевое поведение героев, мы базировались на том, что мужчине присущи следующие маскулинные (сила, открытость, решительность, честность, инициативность, желание подчинять), а женщине — феминные (слабость, замкнутость, безволие, стабильность, здоровый консерватизм, стремление подчиниться) гендерные характеристики. В романе «На солнечной стороне улицы» в образах главных героинь, в их поведении и манере вести себя наблюдается смешение мужских и женских качеств.

Анна Викторовна Родионова

Соискатель кафедры
русского языка Липецкого
государственного
педагогического университета
► anna.v.rodionova@yandex.ru

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф.
Е. А. Попова

В произведении Д. Рубиной две сюжетные линии: первая связана с Катей Щегловой, вторая с ее дочерью Верой. Катька, резкая, грубоватая и очень хитрая, в своих отношениях с окружающими отводит себе доминирующее положение: героиня, стремясь подчинить себе других, никогда не подчинится сама. Эти личные качества Щегловой-старшей находят яркое отражение в ее речи. Рассмотрим несколько примеров.

Один из самых важных моментов романа — сцена разговора Кати и Семипалого, когда выясняется, что она беременна.

Катя сидела не шелохнувшись. Она и не ждала от Семипалого другого решения. Да и ей ребенок был совсем не нужен. Но даже гнев, даже раздражение, досада подействовали бы на нее не так страшно. Мразь, подумала она, это же твой ребенок, открой хоть один глаз, хоть клешней пошевели... «Недорого... Договоримся...»

— А если не договоримся? — угрюмо спросила она, чувствуя тиканье бешенства в висках, словно уже сорвали чеку с детонатора и взрыв должен последовать неминуемо, хочет того Катя или нет.

— Договоримся, — оборвал он сухо.

«На!!! — она мысленно выкинула руку в неприличном жесте, — я тебе не курица, чтоб выпотрошить меня, когда тебе вздумается!» (с. 70)².

В данном эпизоде речь героини отличается сильной экспрессией, которая раскрывается не только вербальными (стилистически сниженной частице «на», бранного существительного «мразь»), но и с помощью невербальных средств (неприличный, специфичный, жест героини).

Несколько месяцев спустя практически такой же разговор произошел у Кати с акушером Федей, который, не имея никакого злого умысла, предложил ей оставить новорожденного ребенка ему. Ср.:

Катя смотрела на Федю едва ли не с меньшей ненавистью, чем на Семипалого... И этот... отнять, забрать у нее ее собственное, что в животе ее собственном выросло! И так запросто предлагает... Как кило картошки купить...

— А я деньгами тебе помогу, Катя, — забормотал он потерянно, — ты не думай, я же понимаю, что не за просто так...

— Деньгами? — кротко переспросила она. — И во сколько ты мое нутро оценил?

Федя понурился... Уже понимал, что не так разговор повел, сплеховал... Она аж зубы оскалила, мелкие и белые...

— На!!! — и руку выбросила ему в лицо, с силой перебив ее другою. — Получи!!! (с. 78–79).

На первый взгляд здесь та же экспрессия, что и в предыдущем эпизоде. Но, в отличие от сцены с Семипалым, где действия Кати носят мысленный характер, в разговоре с Федей она произносит те слова, которые не сказала другому мужчине, сопровождая речь непристойным жестом. Такое намеренное использование грубых выражений и вульгарных жестов подчеркивает агрессивное отношение говорящего к собеседнику.

Среди основных особенностей речевого поведения главной героини выделяется стремление избегать всяческого проявления теплоты и сердечности в отношениях с окружающими. Когда Катька возвращается из тюрьмы, ее первая реплика, адресованная дочери Вере, полна иронии: «Ну вот, вернулась к тебе твоя мамочка...» Говоря о себе в 3-м лице, героиня стремится дистанцироваться от происходящего, самоутвердиться. Далее Катька высказывает в адрес собственной дочери целый ряд нелестных определений: *верзила, жердь тощая, акварель чокнутая, помазилка драная*. Использование резко отрицательной оценочной лексики подтверждает вывод о попытке героини уклониться от выражения добрых, нежных чувств.

Будучи уже на смертном одре, Катька признается, что всех ненавидела, а саму себя называет злом. «Я всех ненавидела, всех... не было сил жить как человек... Я сама стала злом...» (с. 230). Существительное *зло* является общим оценочным понятием, обозначающим отрицательный аспект деятельности человека. В предложении оно оформлено как имя нарицательное, но в своей речи героиня употребляет его применительно к себе как имя собственное, что способствует большему ее дистанцированию от окружающего мира.

Таким образом, можно выделить следующие характерные черты, определяющие речевое поведение Щегловой-старшей: наличие стилисти-

чески сниженных слов и выражений, намеренная грубость, проявление агрессии, категоричность и стремление доминировать.

Полной противоположностью Катьки Щегловой является ее дочь Вера. Она, как и мать, независимая и сильная, но для Веры превыше всего не деньги, а любовь, красота и гармония. Поэтому речь героини, с одной стороны, отличается правильностью и образностью, а с другой — мы отмечаем в ней такие специфичные черты, как готовность постоять за себя, что выражается в повышении голоса, иронии на грани сарказма:

— Какая, к дьяволу, лотерея?! — чуть ли не с отворачиванием воскликнул он [Леня Волошин. — А. Р.] — Вы по-прежнему ужасная бестолочь! Минуту назад я предложил вам руку и сердце!

И с силой разбил ребром ножа второе яйцо над сковородой. <...>

— Ну, нет уж! — воскликнула она запальчиво. — Вот этот поворот сюжета просто омерзителен: значит, выяснив, что Он сделал в Штатах успешную карьеру, Она соглашается наконец, спустя сто лет, выйти за него замуж! Очень грамотно с ее стороны, тем более что сама она осталась на бобах... Да за кого вы меня принимаете, господин миллионер?! (с. 170).

О себе и любящем ее человеке, Леониде Волошине, героиня говорит в 3-м лице, пытаясь дистанцироваться от происходящего, но не сдерживается и переходит на личности, с иронией называет Леню *господин миллионер*. Вера произносит это запальчиво, нервно, раздраженно, адресуя все свое недовольство в адрес любимого челове-

ка, а использование противопоставления *он сделал в Штатах успешную карьеру — она осталась на бобах* говорит о том, насколько эта женщина независима и свободолюбива, она не привыкла находиться под чьим-то теплым крылом.

В романе «На солнечной стороне улицы» есть эпизоды, когда в речи Веры появляются слова и выражения, свойственные Щегловой-старшей, например, просторечный глагол *прет* или разговорно-сниженный предикатив *к черту*. Ср.: «Это из нее [матери. — А. Р.] талант прет, понимаешь?» (с. 11). Это придает речи героини особую выразительность и неповторимость, подчеркивая душевное состояние и глубину переживаний Веры.

Таким образом, выявленные специфичные вербальные и невербальные составляющие общения являются, прежде всего, показателем общей культуры, отражают особенности интеллекта и эмоционального состояния главных героинь. Проведенный анализ особенностей речевого поведения дочери и матери Щегловых позволяет сделать вывод о том, что Д. Рубина опровергает стереотип о гендерной закреплённости речевых характеристик, демонстрируя, что некоторые из них, более присущие речи мужчин, могут встречаться и у женщин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993. С. 29.

² Здесь и далее указываются страницы по изданию: Рубина Д. И. На солнечной стороне улицы. М., 2012.

[предлагаем вашему вниманию]

Васильев А. И. Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова. — Т. 1. — Стерлитамак, 2015. — 420 с.

Словарь содержит около 3000 фразеологических единиц из всех произведений великого русского писателя М. А. Шолохова, которые представляют собой яркие и образные устойчивые сочетания слов самого различного характера: идиомы, пословицы и поговорки, составные термины, сравнительные обороты, крылатые выражения, совмещенные фразеологизмы, тавтологические ФЕ, фразеологические аппозитивы и т. п.

Словарь будет полезен школьникам, студентам, преподавателям, переводчикам, журналистам, а также всем, интересующимся русским языком и фразеологией, русской литературой и творчеством великого писателя М. А. Шолохова.

В Год литературы журнал расширил рамки данного раздела и включил статьи, посвященные русским писателям и исследователям литературы

П. Е. Бухаркин, Л. Л. Стречень

ЛИТЕРАТУРОВЕД VERSUS ЛИТЕРАТОР: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ (К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. ЧИЧЕРИНА)

PYOTR E. BUKHARKIN, LIDIA L. STRECHEN
LITERARY CRITIC VERSUS LITERARY ARTIST: OVERCOMING CONTRASTS

В статье рассматриваются литературоведческие работы А. В. Чичерина (1900–1989), помещенные как в контекст его литературных сочинений, так и истории русского литературоведения XX века. Основное внимание уделяется трансформации писательского таланта ученого в его филологическую методологию.

Ключевые слова: литературовед, литератор, художественная литература, литературоведение, философия, герменевтика, риторика, стилизация.

The article considers literary critical papers of Alexey V. Chicherin (1900–1989), placed in the context both of his literary works and of the history of Russian literary criticism. The major attention is paid to the transformation of Chicherin's talent for writing into his philological methodology.

Keywords: literary critic, literary artist, literature, literary criticism, philosophy, rhetoric, hermeneutics, pasticcio.

1

Петр Евгеньевич Бухаркин

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета
► petrbrukharkin@mail.ru

Лидия Леонидовна Стречень

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка экономики и права Санкт-Петербургского государственного университета

Уже в преклонных годах Алексей Владимирович Чичерин опубликовал небольшую статью о Кирилле Васильевиче Пигареве — правнучке Ф. И. Тютчева — литературоведе, искусствоведе и историке культуры, дав ей название «Литературовед — писатель»¹. Совсем не случайно он вынес не лишнее тривиальности словосочетание в заглавие очерка о старинном своем друге. Поставленное между словами «литературовед» и «писатель» тире преследовало, как думается, сразу две цели, имело двойной смысл, возможно, самым автором и не продуманный до логических концов, но, тем не менее, выражающий нечто для него крайне важное, даже принципиальное. С одной стороны, оно объединяло, в чем-то даже и уравнивало ученого и художника, обнаруживало в них нечто существенно общее. «Культурное сокровище — не только язык поэзии и художественной прозы, но и язык науки», — писал Чичерин в предисловии к переизданию своей монографии «Возникновение романа-эпопеи», сразу же выражая ту же мысль другими словами: «Речь филолога, русская речь, наследие не только поэтов и прозаиков, но и автора „Явления Венеры“ и стольких ученых, мастеров чеканного, ясного, целеустремленного слова!»² С другой же стороны, тире сопрягаемые им же самим слова разобщало: литературовед, хотя он и писатель, однако, писатель совершенно особенного рода, остающийся все же в сфере науки, он —

исследователь слов, творящих неповторимый художественный мир, а не их создатель.

С глубоким сочувствием Чичерин воспринял бы (если бы это было возможно) следующие слова С. Г. Бочарова: «Роль литературоведения по отношению к литературе противоречива. Литературоведению подобает скромность: оно литературе служит, литературоведческая речь это косвенная речь по определению <...> В то же время <...> литературоведение это тоже литература и филолог это писатель, он не только имеет дело с исследуемым словом другого писателя, он работает с собственным словом сам, без чего ему не откроется и исследуемое слово»³.

Для А. В. Чичерина литературовед является писателем прежде всего (если не исключительно) благодаря своему отношению к слову, именно здесь ему открывается простор для эстетического творчества. И сам Чичерин с собственным словом неустанно работал, охарактеризовав эту работу предельно выразительно, причем словом не прозаическим, но стихотворным:

Ну что в этих звуках такого!
И спать мне давно уж пора.
Нащупаешь старое слово
И нянчишься с ним до утра.

Старинные переплетенья,
Созвучия древних корней
Выводят меня из терпенья
Мелодией дикой своей.

А зимние ночи просторны.
И сосны угрюмые спят,
И сизые думы упорны,
И сизые галки галдят⁴.

В этом позднем, 1983 года, стихотворении жизнь слова, как его понимал ученый, и жизнь его самого в слове выражена с совершенной отчетливостью.

Надо заметить, что *эстетический* оттенок, присущий филологическому стилю А. В. Чичерина, вполне ясно ощущался его читателями, начиная, во всяком случае, с середины 1950-х годов (когда ученый, как многие другие гуманитарии — и не только гуманитарии — его поколения и исторической судьбы, вновь обрел читательскую

аудиторию). Об этом, в частности, свидетельствует письмо С. Г. Бочарова, написанное в январе 1980 года в связи с чичеринским 80-летним юбилеем: «Двадцать (с лишком) лет назад мое первое слово (печатное) было пробуждено и вызвано Вашей книгой, и мне эта рецензия⁵ до сих пор дорога и вспоминается с лучшим чувством, чем многое, что было потом. Я у Вас учился и без Вас, без Ваших трудов не написал бы того небольшого в общем, что сумел написать. Не мне одному, а нашему поколению Вы помогли смотреть на литературу немного новыми, может быть, глазами и искать, чтобы сказать о ней, новые слова»⁶.

Особо важны заключительные строки — работы Чичерина учили (добавим — и продолжают учить сейчас) тому, как по-новому, незаезженным словом говорить о литературе. По-новому, т. е. творчески, становясь в некотором роде художником. «Дело <...> писателя не говорить то, что никто не говорит, а говорить то, что все говорят, но так, как об этом никто еще не сказал»⁷, — в полном соответствии с этим суждением Л. Я. Гинзбург Чичерин показывал возможности и литературоведа говорить о своем предмете так, «как об этом никто еще не сказал»: не просто *что* сказать должно занимать литературоведа, но — *ничуть* не в меньшей степени — *как*.

Подобная эстетическая установка приносила успех во многом благодаря писательской одаренности ученого. О Чичерине можно сказать — он не просто работал со словом, он обладал редким к нему (слову) даром; черновики не только его научных работ, но и прозаических сочинений или мемуаров свидетельствуют скорее о легкости процесса писания, в них не так уж много поправок и исправлений (хотя, естественно, они встречаются), что никак не объясняется поспешностью: позволим себе одно личное воспоминание — Алексей Владимирович, при очень большой продуктивности, работал совершенно не суетно, не без гордости своей организованностью он говорил, что завершает исследование не позже чем за две недели до поставленного срока. Пожалуй, только поэзия была исключением, к стихотворным текстам он обращался по многу раз, нередко существенно их меняя и создавая все новые варианты.

Настоящее чувство слова, соединенное с умением наделять уже собственные слова «весом, остротой и силой» (так Чичерин назвал свои заметки о стиле М. Горького), и делало его писателем. Что бы он ни писал, все было отмечено стилистическим своеобразием, во всем без особого труда угадывалась единая авторская манера. Она присутствует не в одних чичеринских мемуарно-эссеистических сочинениях или же письмах (а эпистолярный стиль Чичерина даже на фоне его же текстов отмечен совершенно исключительной яркостью, едва ли не выводящей его из общего ряда, позволяющей увидеть в его письмах в чем-то исключительное явление русской словесной культуры); не менее она ощутима и в трудах филологических. И они — *настоящая проза* самого высокого порядка.

2

В филологических трудах писательский облик А. В. Чичерина приобретает совсем особый характер. Ведь — вспомним слова С. Г. Бочарова — «литературоведческая речь это косвенная речь по определению». И литературоведческий стиль Чичерина — также косвенный по своей устремленности: он направлен не на прямое познание объективного мира, а на разъяснение другого стиля, который и является непосредственным его объектом. Именно направлен: слово литературовед не просто учитывает чужое слово, не ограничивается одной реакцией на него, как любое двуголосное слово по М. М. Бахтину. Оно занято этим чужим словом по преимуществу, исключительно через его анализ филолог-литературовед и выражает желаемые дорогие ему смыслы.

Это вовсе не означает, что литературовед не имеет своего лица, что он растворяется в комментируемых им художественных мирах. Литературоведение в филологическом своем развороте как раз и необходимо, чтобы разглядеть писателя в какой-то особенной перспективе, возможной лишь в том случае, когда ученый видит предмет изучения с весьма определенной, индивидуальной точки зрения. Но это не мешает ему оставаться комментатором, а не творцом.

Подобная позиция и определяет тип литературоведческого стиля А. В. Чичерина. С одной

стороны, это стиль предельно индивидуализированный, наделенный лишь ему свойственным тембром и неповторимыми интонациями. С другой же — он как бы отражает речевые манеры анализируемых, посредством его же самого, авторов. Стилистическая тень рассматриваемого писателя накладывается на почерк ученого.

«В романах Тургенева нет такого промежуточного звена — пожилого человека, сознающего свои непоправимые ошибки, видящего, что *все* истинно прекрасное было когда-то и растаяло, оставив в памяти след неизгладимый, манящий и скорбный»⁸. Данный фрагмент — из статьи «Тургенев, его стиль» (1969). И понять это можно без усилий, даже если бы имя Тургенева и не упоминалось в тексте. В особенности последние три эпитета («неизгладимый, манящий и скорбный») сразу же указывают именно и только на Тургенева, на «прямо ясные линии»⁹ художественного его языка, на эмоциональную его аранжировку. Или же разительно непохожий пример — из статьи «Из глубины идущее слово» (1985), причем атмосфера стиля В. Распутина (к которому статья посвящена), так же как и в случае с характеристикой стиля Тургенева, воссоздается прежде всего лексическими средствами: «Выбрать слово — одно, войти в его нутрянную жизнь — это другое. Изнутри бывалого слова увидеть человека и его жизнь — это третье. А потом, не изменяя себе, постоянно оставаться в глубине найденного словесного ряда — в этом истинная поэтическая хватка»¹⁰.

В других случаях ученый, решая ту же задачу воссоздания мелодики анализируемого художественного стиля, задействует в первую очередь синтаксические потенции своих эстетических объектов. Здесь очень показательны работы о Ф. М. Достоевском и Л. Н. Толстом — одних из наиболее и глубинно дорогих А. В. Чичерину русских прозаиков. «Вопиющая нищета, болезненная настороженность и не только характер — идея. У двенадцатилетнего ребенка — „инквизиторская недоверчивость“! Первое, бесшумное, робкое появление — и тотчас бегство Нелли создало ритм ее испуганных, упрямых, затаенно гордых движений»¹¹ — так дана характери-

стика архитектоники образа главной героини, и вообще — прозаического искусства романа «Униженные и оскорбленные». «Судорожно-напряженное движение авторской речи»¹², в высшей степени присущее Достоевскому в целом, отчасти заряжает и стиль филологической прозы его исследователя. Тут (как и в случае с Тургеневым) важны эпитеты, однако совершенно иного рода. Если прилагательные «неизгладимый», «манящий» и «стройный» в своей совокупности передавали внутренний ритм повествователя многих тургеневских повестей, намечая и контуры динамического его портрета, и общее движение сюжета¹³, то эпитеты в статье «Достоевский — искусство прозы» (1972), из которой и был взят только что приведенный отрывок о героине «Униженных и оскорбленных», несут на себе отпечаток уже художественного слова Достоевского, отражают особенности эпитетов его прозы. С одной стороны, они «раскрывают неизменно устойчивые свойства характеров» — «затаенно гордые движения», с другой — показывают их «сложность и текучесть»¹⁴, причем две эти плоскости, отраженные совокупностью эпитетов, во многом противостоят друг другу. Такое противостояние не отменяет близости обозначенных ими душевных качеств и психических состояний. Упрямство и затаенная гордость не исключают друг друга, так же как и испуг. И все же между ними — принципиальные и сущностные отличия, некая неслиянность. Они играют немалую роль в насыщении стиля статьи Чичерина «контрастами сросшихся в одно целое непримиримых противоречий»¹⁵, в высшей степени свойственных Достоевскому.

Центральная роль в отражении авторского стиля здесь отдана литературоведом не лексике, а синтаксису. В первую голову синтаксические формы помогают Чичерину передать то «судорожно-напряженное движение авторской речи», которое «составляет в творчестве Достоевского стилистическую доминанту»¹⁶, в частности проявляющуюся в «ритмической перенапряженности и ускоренном темпе»¹⁷ повествования.

По-другому организован синтаксический строй статей А. В. Чичерина о Льве Толстом.

«И Толстой жил и мыслил так, как писал, думая и чувствуя в духе и силе русской народной речи; она была для него не только образцом, но и поэтическим регулятором», который, говорил он, «не позволит» «сказать лишнее, напыщенное, болезненное», «а наш литературный язык без костей; так набалован, что́ хочешь мели — все похоже на литературу»¹⁸. Возможно, выбранный нами фрагмент статьи «Стиль романов Льва Толстого» (1963) не самый выразительный, но достаточно показательный. Его синтаксическая организация, осложненная сравнением, деепричастным оборотом и двумя деепричастиями, уточняющими движение мысли, объединяющая в одно целое весьма разнородные по смысловой направленности элементы, существенным образом повторяет синтаксический регистр толстовского стиля, о котором сам Чичерин в другой, более ранней своей работе («О языке и стиле романа-эпопеи „Война и мир“, 1956) писал: «Именно такая синтаксическая слаженность речи, во-первых, сочетает анализирующее и синтезирующее развитие мысли и, во-вторых, связывает одновременные и последовательные, друг из друга вытекающие действия. Синтаксические связи постоянно выполняют особые задачи — показать то или другое явление или факт в связи с рядом других явлений и фактов, придающих первым новое значение»¹⁹. Стилистические особенности литературоведческой статьи и тут весьма соответствуют стилю ее объекта — на этот раз другого — прозы Льва Толстого.

Говоря о том, что в одних случаях подобная близость достигается при помощи лексики, в других — синтаксиса, необходимо сделать важную оговорку: речь здесь идет лишь о некоторых преобладающих в той или иной статье тенденциях; в целом же стилистическая атмосфера изучаемого автора воспроизводилась Чичериным едва ли не всей совокупностью стилистических средств. Только что, при разборе отрывка из статьи «Достоевский — искусство прозы», в которой прежде всего синтаксис вводил в дух Достоевского, рассматривались и эпитеты, также имеющие несомненное значение для достижения той же цели. И наоборот, работу «Тургенев, его

стиль» приближает к поэтическому миру писателя не одна лексика, но и, возможно, и не в меньшей степени, синтаксическое строение предложений, своей правильностью и последовательной согласованностью элементов создающее уравновешенную музыкальность тургеневской прозы, которая как раз и выделяется аналитической мыслью исследователя.

3

Подобная направленность авторского (в нашем случае — литературоведческого) слова на слово *чужое*, поэтическое, в определенных пределах возможно квалифицировать как стилизацию. Но — именно и только в определенных пределах: в литературоведческих работах А. В. Чичерина слово приобретает отчетливый оттенок объектности, что, по М. М. Бахтину, и является важнейшим признаком стилизации: «Стилизатор пользуется чужим словом как чужим и этим бросает легкую объективную тень на это слово»²⁰. Однако, во-первых, такие стилизаторские фрагменты не так уж и многочисленны по сравнению с индивидуальной стилистической окраской работы в целом; они представляют собою яркие, но скорее спорадические вкрапления в авторский текст. Обычная стилизация требует большей тотальности собственных принципов: при том, что в ней, естественно, действуют речевые стратегии различного порядка, в том числе, весьма удаленные от стилизованного слова, последнее, тем не менее, ощутимо доминирует. В филологических сочинениях Чичерина дело обстоит иначе.

Во-вторых (и это представляется гораздо более важным), имитация чужого стиля преследует в них принципиально иную цель: не вызвать эстетический эффект, а попытаться особым способом передать атмосферу художественного мира того или другого писателя. Об этом, в частности, свидетельствует то, что стилистически близкие своему объекту (имитирующие его словесный облик) пассажи чичеринских работ отражают как раз те особенности стиля изучаемого автора, которые аналитически выделялись ученым и непосредственно описывались им — прямым

научным словом. В этом можно видеть своего рода конвергенцию, которую И. В. Арнольд, вслед за М. Риффаттером, характеризовала как «схождение в одном месте пучка стилистических приемов в единой стилистической функции»²¹. Это и происходит в статьях и книгах А. В. Чичерина — вербализированная концепция стиля конкретного прозаика или поэта поддерживается воспроизведением его стилистического облика собственным, литературоведческим, словом, т. е. происходит дублирование понятийного уровня смысла другими стилистическими средствами. Приведенные выше примеры из исследований о Фете, Тургеневе, Достоевском, Л. Тостом, Распутине являются этому наглядным подтверждением, недаром при их характеристике мы неоднократно перифрастически использовали чичеринские описания стиля как раз этих писателей.

Зачем же это было нужно ученому? — ответ на данный вопрос, как представляется, расположен в области герменевтики. Выражение исследователем своей интерпретации (а если иметь в виду филологию — то, скорее, *понимания*²²) разворачивающегося перед ним художественного мира является своеобразным переводом с одного (поэтического) на другой (пусть специфически, но все же научный) язык; собственно говоря, герменевтика и есть перевод в широком своем значении: «Если помнить о происхождении понятия герменевтика из этого имени (Гермеса. — П. Б., Л. С.), то становится недвусмысленно ясным, что дело тут идет о языковом явлении, о переводе с одного языка на другой и, значит, об отношении между двумя языками»²³. Этот перевод осложняется немалыми препятствиями, трудности преодоления которых значительно возрастают при осмыслении словесного текста — художественного, философского, богословского. Тут «отношения между двумя языками» — переводимым и переводящим — становятся особо напряженными, что чрезвычайно точно выразил в свое время И.-В. Гете в одном из разговоров с И.-П. Эккерманом:

«— Может быть, стихотворение следовало бы пояснить, как поясняют картину, рассказывая о предшествующих моментах и тем самым как бы вдыхая жизнь в момент, на ней изображенный?

— Я этого не считаю, — ответил он. — Картины — дело другое, стихи же состоят из слов, и одно слово может запросто уничтожить другое!

Гете, подумалось мне, очень точно указал на риф, наткнувшись на который терпят крушение толкователи стихов. Но невольно напрашивается вопрос: неужто нельзя обойти этот риф и, с помощью слов, все же облегчить понимание того или иного стихотворения, без малейшего ущерба для его хрупкой внутренней жизни?»²⁴ Воссоздание стилистики литературного слова стилистикой же, но слова литературоведческого и может быть одним из способов хотя бы отчасти «обойти этот риф». Конечно, подобный герменевтический ход позволит лишь в сильно ограниченной степени передать сложность полисемантической художественной идеи; он решает задачу понимания чужого смысла только отчасти, он направлен скорее на другое — на воспроизведение средствами научного языка эстетически окрашенных языковых доминант анализируемого филологом произведения или индивидуального писательского стиля. Данный прием можно назвать не просто герменевтическим, но в равной степени и риторическим — если понимать риторику в современном ее научном значении: как особый подход к анализу текста, исходящий из его интенций (а не как искусство создавать свои тексты в целях убеждения — как было прежде, в эпоху классической риторики). Действительно, насыщение литературоведческого текста стилистическими особенностями текста художественного делает наглядно ощутимыми языковые параметры последнего, в которых и заключен его динамичный, текучий и не сводимый к уровню понятий художественный смысл. Тем самым проявляются те способы, которыми творец художественного мира (понимаемый как «концентрированное воплощение сути произведения... являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого»²⁵, т. е. другими словами — как сам художественный мир) посредством языка достигает искомого эстетического эффекта. А это и есть риторический подход к словесному творчеству или, что, вероятно, точнее, подход, неразрывно соединяющий в себе герменевтику особого типа (стилистическую герменевтику) с анализом,

риторическим по своей направленности (не на сознание реципиента, а на текст и его собственные интенции)²⁶.

4

Чрезвычайно важно, что художественная составляющая научного стиля А. В. Чичерина, при всем обусловленном ею артистическом протезе, присущем этому стилю, протезе, позволяющему тонко имитировать стилистические манеры писателей, разительно отличающихся друг от друга, служила решению не эстетических, а аналитических задач, во всяком случае, служила в первую голову. Безусловно, литературный блеск чичеринских литературоведческих сочинений был прежде всего следствием поэтической одаренности ученого, однако этот несомненный дар Чичерин использовал не только для придания собственным трудам словесного совершенства (хотя и это, несомненно, имело место) — он сделал писательский свой талант инструментом филолога.

Здесь возникает достаточно отдаленная, преломленная иным художественно-интеллектуальным пространством, и все же вполне заметная параллель к М. М. Бахтину, вынужденно, под воздействием трагических исторических обстоятельств, перешедшего к осмыслению центральных для себя — и философских — вопросов опосредованным способом, сквозь призму литературы. В результате чего ответы на данные вопросы получили существенно другой вид, так как они были добыты не философским умозрением, но филологическим анализом, который глубоко и принципиально трансформировал сам характер интеллектуального труда мыслителя, из прямого философа ставшего филологом²⁷.

Нечто подобное можно сказать и об А. В. Чичерине, с тем лишь уточнением, правда, крайне существенным, что в его случае не философ стал филологом, но писатель; перенаправление творческой энергии прошло у него по другой линии: художник — ученый. Трансформация такого типа оказалась более легкой, перенаправление художественных потенций в литературоведческие области потребовало меньших внутренних уси-

лий по сравнению с переходом от философского мышления к филологическим разборам.

Следует заметить, что движением от философии к филологии был, отчасти, отмечен и путь А. В. Чичерина. В письме к одному из авторов данной статьи — П. Е. Бухаркину — от 9 мая 1979 года, отвечая на вопрос о своих философских взглядах, он писал: «Твой вопрос меня затрудняет. Это странно! Как никак, я по университетскому образованию — философ. С 16 лет я особенно усердно читал Канта, в университете и послеуниверситетские годы — Гегеля. Хочется сказать — дурманил себя Гегелем, специфически — гегельянский немецкий треск стоял в голове. Из сочинений этих двух богатырей, некоторые разделы „Критики чистого разума“ и „Критики способности суждения“ (Urteilkraft) — **классика** (выделено автором. — П. Б., Л. С.). Читал я в свое время и Фихте и Шеллинга. Штудировал Декарта и Гуссерля, все это пошло куда-то, то есть пошло на пользу, но право не знаю, в чем эта польза. Главным образом, в истреблении антифилософского — материалистического понимания мира. Очень сильное впечатление в юности произвела на меня книга Павла Флоренского „Столп и утверждение истины“. В частности, всю свою **филологию** (выделено автором. — П. Б., Л. С.) я извлек оттуда. Философия слова у Флоренского глубже и яснее, чем у Лосева».

Действительно, очень многие базовые понятия Чичерина-филолога, так же как и некоторые важнейшие его филологические концепции, представляют собою претворение построений русской религиозной философии начала XX века²⁸. Причем — именно *претворение*: из философского в филологический дискурс, а не простое перенесение некоего комплекса идей из одной области познаний в другую. Пожалуй, наиболее это заметно даже не в понимании структуры слова и его действительности,²⁹ а в осмыслении Чичериным времени как литературоведческой категории. Он рассматривал ее в своих статьях вроде бы исключительно в литературоведческих границах. Однако ракурсы и приоритеты его анализа данной проблемы вели к философии; они состояли в преимущественном внимании к соотношению времени с Вечностью,

к способности Вечности явить себя в земном, т. е. текучем и ускользающем времени; в наибольшей мере это заметно в статьях «Образ времени в поэзии Тютчева» и «Образ времени в лирике Пушкина», включенных в книгу «Ритм образа» (1973 год). Эти же вопросы привлекали и его непосредственно философскую мысль (впрочем, выливавшуюся в художественно-эссеистическую форму, далекую от философии als strange Wissenschaft), о чем, в частности, свидетельствует его мемуар «О последних русских философах и о трудах одного из них»³⁰. Однако литературоведческие исследования не параллельны философствующим размышлениям. Их смысловые итоги подведены совершенно иначе: поэзия, вчитываясь в которую он стремится ответить на волнующие его вопросы, для него — совсем не безгласный материал. Отнюдь, в пушкинской или тютчевской лирике ученый слышит голоса далеких своих собеседников, которые он стремится понять. И уже через то, как видели проблему времени и Вечности они, попытаться решать ее для себя и своей эпохи. Философская проблематика многократно преломляется литературным материалом и филологическими методами его изучения.

Как у М. М. Бахтина, но... далеко не в такой степени интенсивности: философское напряжение филологической мысли А. В. Чичерина с тем, что находим у Бахтина, совершенно несопоставимо. И проявляются философские корни его литературоведения лишь в отдельных работах. Как уже отмечалось, не солидную философскую образованность (которой обладал), но писательский талант — очевидно, доминанту своего интеллектуально-духовного облика — сделал А. В. Чичерин главным инструментом себя как филолога.

5

Наверное, имеет смысл — для большей ясности — повториться: А. В. Чичерин был не просто литературно одаренным человеком, занимающимся к тому же и наукой, художественное творчество и научные занятия которого во многом не совпадают или, во всяком случае, развиваются отдельно, хотя, естественно, и обогащают друг друга (как это было у Б. А. Грифцова,

С. Н. Дурылина, Ю. Н. Тынянова, Д. Е. Максимова, В. Г. Адмони, Е. А. Маймина и многих других, как, впрочем, и у него самого, если иметь в виду его поэзию, мемуарную прозу, несколько сохранившихся рассказов). Чичерин интересен в первую очередь не этим, а тем, что в его случае мы сталкиваемся с гораздо более редкой ситуацией, когда художественные импульсы перестраиваются в научную парадигму, когда свой литературный талант литератор преобразует в талант ученого. В качестве близкой параллели здесь можно назвать имена В. Б. Шкловского и Л. Я. Гинзбург (стоит заметить, что обоих Чичерин активно не любил, Шкловского — в особенности).

Скорее всего, именно это — переориентация литературного дара в научные области, переключение его с выполнения художественных функций на решение аналитических задач и определило не только доминанту его филологических интересов, но и само научное видение предмета собственных занятий — литературы. Удивительное чувство слова, которым он был одарен, перенесенное в сферу не творения слов, но их исследования, привело к тому, что (в качестве литературоведа, а не литератора) Чичерину было свойственно постоянное понимание литературы прежде всего и преимущественно как искусства слова³¹. Это и сформировало его индивидуальный исследовательский почерк, сделало его в некоторой мере неповторимым.

Бесспорно, своеобразие Чичерина-литературоведа было относительным, в пространстве мировой филологической науки не так уж трудно обнаружить ему параллели типологического характера. Однако в русской филологии второй половины XX века (когда и были созданы основные его труды) он был явственно отмечен «лица необщим выраженьем» (Е. Боратынский). Оно заключалось в изучении литературы в ракурсе поэтического языка; без этого из разговора о литературе пропадет, по мнению Чичерина, самое главное, будет упущено как раз то, что делает тот или другой факт словесного творчества великой литературой, то, что позволяет ему резонировать в сознании и душе все новых поколений. Увидеть это самое главное в произведении (да и в твор-

честве писателя в целом) можно исключительно через анализ стиля. Причем изучение стиля обязательно должно быть разъяснением «коренных особенностей мышления писателя и, в конечном счете, его мировоззрения»³². Не стилистическое своеобразие произведения на фоне общезыковых процессов, но это стилистическое своеобразие как воплощение особенностей художественного сознания автора — вот что его сугубо занимало. Ведь языковая материя текста «не просто среда, сквозь которую удобно пройти идее, нет, она в себе идею вынашивает»³³. Анализ того, как протекает такое «вынашивание» идеи в литературном произведении, и лежит в основе абсолютного большинства чичеринских филологических трудов.

На это указывают названия главных его книг: «Идеи и стиль» (1965, 2-е изд. — 1968), с крайне выразительным подзаголовком — «О природе поэтического слова», «Ритм образа» (1973, 2-е изд. — 1980), также снабженное говорящим подзаголовком — «Стилистические проблемы», «Очерки по истории русского литературного стиля» (1977, 2-е изд. — 1985), «Сила поэтического слова» (1985)³⁴. Несмотря на метафоричность некоторых из них, они вполне точно обозначают направленность аналитической мысли ученого, стремящейся увидеть «тонкие, властительные связи» (В. Брюсов) между поэтическими идеями художника, его образом мира и поэтическим же его словом, являющим читателям неповторимый этот мир.

Подобные установки определяют характер исследования и в работах, казалось бы, существенно выходящих за рамки стилистического изучения художественной литературы, решающих иные литературоведческие проблемы, таких, как его монография «Возникновение романа-эпопеи» (1958) или же статья «Гете у истоков романа нового времени» (ею открывается вторая часть книги «Идеи и стиль»). И в них литература рассматривалась *sub specie* языка, точнее — собственной языковой фактуры; например, в работе «Пушкинские замыслы прозаического романа» (третья глава «Возникновения романа-эпопеи») Чичерин по преимуществу сосредоточивается на том обновлении прозаического языка, кото-

рое требовалось для реализации этих замыслов, обновлении, содержащем в себе стилистические тенденции, позднее развитые Достоевским и Л. Толстым.

Даже в статьях скорее популярного характера, в предисловиях — в «Трилогии тревожных исканий», «Раннем Гоголе — романтике», «Во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины...» (сами названия свидетельствуют об их направленности не на академического читателя) — при характеристике произведения (будь то автобиографическая трилогия Льва Толстого, «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Дым» или «Вешние воды») неизменно учитывается его стиль, те индивидуальные трансформации, которые претерпевает язык именно в данном тексте.

Такое понимание литературы, счастливо сочетающееся с убеждающим умением актуализировать его в своей научной прозе, как мы пытались показать, было следствием передвижения творческого ядра личности А. В. Чичерина из одной сферы в другую: от создания собственного словесного мира к изучению словесных миров, уже созданных — другими и прежде. Подобная перестройка была вынужденной, обусловленной историческими событиями, и крайне болезненной, свидетельством чему — биография ученого — с арестом, сталинскими лагерями, выселением из городов, увольнением с работы. Но ее результат был, думается ныне, все же положительным — не для Чичерина — человека, а для русской культуры: он состоял в появлении культурного феномена совсем особого свойства — литературоведения А. В. Чичерина. В данном феномене (т. е. чичеринском литературоведении) наука и литература органично слились в единое целое: искусство легло в основу научного подхода, научный же анализ предстал как искусство. Тем самым оказалось снятым одно из самых существенных различий между двумя ветвями словесного творчества — рациональной и образной. А это случается крайне редко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чичерин А. В. Литературовед — писатель // Вопросы литературы. 1974. Вып. 1 (23). С. 77–80.

² Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. 2-е изд. М., 1975. С. 10–11.

³ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 12.

⁴ Приводим редакцию стихотворения, датированную 14 декабря 1983 года. Рукопись находится в архиве А. В. Чичерина, хранящемся у авторов статьи. Все приводимые ниже рукописные материалы находятся там же.

⁵ Имеется в виду рецензия на книгу А. В. Чичерина «О языке и стиле романа-эпопеи „Война и мир“»: Бочаров С. Г. Плодотворное наследие // Вопросы литературы. 1957. № 6. С. 213–219.

⁶ Письмо находится в архиве А. В. Чичерина. Стоит заметить, что А. В. Чичерина и С. Г. Бочарова связывала, несмотря на существенную разницу в возрасте (А. В. Чичерин был старше на 29 лет), многолетняя дружба и интенсивное письменное общение, что делает, как представляется, более чем уместным приведенную ранее цитату из книги С. Г. Бочарова «Сюжеты русской литературы».

⁷ Гинзбург Л. Я. Претворение опыта. Рига, 1991. С. 170.

⁸ Чичерин А. В. Тургенев, его стиль // Мастерство русских классиков. М., 1969. С. 124–152.

⁹ Самохарактеристика И. С. Тургенева, данная им в качестве художественной цели в письме от 9 ноября 1852 года. Цит. по: Там же. С. 26.

¹⁰ Чичерин А. В. Сила поэтического слова: Статьи. Воспоминания. М., 1985. С. 4.

¹¹ Чичерин А. В. Ритм образа. 2-е изд. М., 1980. С. 133.

¹² Там же. С. 142.

¹³ Анализируя тургеневский эпитет, А. В. Чичерин определил его следующим образом: «Тургеневский эпитет обладает особенно сюжетообразующей силой. В совокупности эпитетов — внутренний ритм изображаемого лица и черты динамического, постоянно возникающего портрета» (Там же. С. 35). Данные слова вполне применимы и к эпитетам чичеринской статьи; нетрудно заметить, что в качестве их характеристики мы и предложили перифраз чичеринского фрагмента.

¹⁴ Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. 2-е изд., доп. М., 1968. С. 190–191.

¹⁵ Там же. С. 185.

¹⁶ Чичерин А. В. Ритм образа. С. 142.

¹⁷ Чичерин А. В. Идеи и стиль... С. 187.

¹⁸ Там же. С. 253.

¹⁹ Чичерин А. В. О языке и стиле романа-эпопеи «Война и мир». Львов, 1956. С. 29.

²⁰ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 111.

²¹ Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2010. С. 100.

²² Авторы полностью солидаризируются с С. Г. Бочаровым, обратившим внимание на опасности, таящиеся в интерпретации художественного текста, и противопоставившим интерпретации понимание: «Понимание и интерпретация — не то же самое. Интерпретация есть самоутверждающееся понимание, имеющее тенденции в своём самоутверждении более или менее пренебрегать (оставляя как бы позади себя)

предметом понимания» (Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. С. 11).

²³ Гадамер Г.-Г. Эстетика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 259.

²⁴ Эккерман И.-П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981. С. 89.

²⁵ Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 118.

²⁶ См. определение риторического анализа художественного текста, предложенное Е. М. Матвеевым: «Риторический анализ художественного текста в первую очередь подразумевает описание языковых преобразований (риторических приемов или стратегий), относящихся к различным уровням языка — фонетическому, лексическому, грамматическому. Следующая задача риторического анализа — показать, какие функции выполняют выявленные стратегии художественного языка и как они связаны с механизмами смыслообразования и формирования художественного мира произведения в целом» (Матвеев Е. М. Риторический анализ художественного текста. СПб., 2015. С. 7–8).

²⁷ См. так или иначе трактующие как раз эти аспекты творчества М. М. Бахтина работы С. Г. Бочарова: Об одном разговоре и вокруг него; Событие бытия. Бахтин и мы в дни его столетия // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литерату-

ры. С. 472–520.; Бахтин — филолог: книга о Достоевском // Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 459–480.

²⁸ А. В. Чичерин был прямым учеником русских философов начала XX века — И. А. Ильина, С. Л. Франка, Б. А. Фохта, в меньшей степени — Г. Г. Шпета, у которых он учился в Московском университете в самом начале 1920-х годов.

²⁹ Эти проблемы с наибольшей для А. В. Чичерина полнотой были им раскрыты в книге «Идеи и стиль», особенно — в первой ее части. См.: Чичерин А. В. Идеи и стиль. 2-е изд. М., 1968. С. 15–68.

³⁰ См. об этом, очень важном для Чичерина произведении: Бухаркин П. Е. «Человек на всякое время»: А. В. Чичерин и «последние философы» // Мѣра. 1995. № 3. С. 156–161.

³¹ Стоит заметить, что первая непосредственно литературоведческая книга А. В. Чичерина называлась «Литература как искусство слова: Очерки теории литературы» (М., 1927).

³² Чичерин А. В. О языке и стиле романа «Война и мир». Харьков, 1953. С. 3.

³³ Чичерин А. В. Ритм образа. С. 8.

³⁴ См. процитированное выше определение риторического анализа художественного текста (Матвеев Е. М. Указ. соч. С. 7–8).

[хроника]

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА А. А. УХТОМСКОГО

ACADEMICIAN A. A. UKHTOMSKY'S ANNIVERSARY

(Окончание на с. 97)

Величаво несет свои воды мимо «бурлацкой столицы» — Рыбинска — великая Волга. Именно на этих берегах 140 лет назад родился Алексей Ухтомский, ученый, который и сегодня остается во многом загадочным, недооцененным и не до конца прочитанным.

О нем хорошо знают нейрофизиологи: его учение о «доминанте» как объяснительной идее фундаментальных процессов психической деятельности явилось альтернативой теории высшей нервной деятельности И. П. Павлова. Но если учение Павлова стало государственно санкционированным, было официально названо в своей основе материалистическим, а его создатель был удостоен Нобелевской премии, то «доминанта» Ухтомского, не отвергаемая, но при этом и не популяризируемая, долгое время оставалась на периферии научного знания. Между тем его наследие значительно шире естественнонаучного круга проблем.

Он из числа тех ученых, научные поиски которых характеризуются интеграцией знаний и требуют от исследователя сформированного мировоззрения. Сегодня ясно, что Ухтомский — один из крупнейших религиозных философов, социальных мыслителей и ученых XX века. В комплексном подходе в изучении человека он нашел единую методологическую основу, актуальную как для гуманитарного, так и для естественнонаучного знания.

Вот уже четверть века в Рыбинске существует музей великого ученого. Он разместился в мемориальном доме, где прошло детство Ухтомского. Деревянный, небольшой и скромный, — этот дом среди современных построек останавливает не только взгляд, но и время. Он вне суеты, наполнен другими ритмами, неспешно, подобно Волге, смотрит в вечность.

Перед создателями музея стояла сложная проблема — показать не только судьбу ученого,

М. Л. Федоров

«ЛЕГЕНДА» В ТРУДАХ А. А. УХТОМСКОГО И Н. П. АНЦИФЕРОВА: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ

MAXIM L. FYODOROV

“A LEGEND” IN A. A. UKHTOMSKY AND N. P. ANTSEFEROV’S PAPERS:
ON THE MEANING OF THE CONCEPT

В статье рассматривается понятие «легенда» в системе идей академика А. А. Ухтомского и Н. П. Анциферова. Для обоих выдающихся исследователей это важная составляющая учения о доминанте (А. А. Ухтомский) и в локально-историческом методе осмысления культуры (Н. П. Анциферов). Народ санкционирует сохранение «легенды» в истории, она становится своего рода «памятью культуры», передается следующим поколениям и становится одним из основных способов борьбы культуры за вечность.

Ключевые слова: легенда, культура, локально-исторический метод, доминанта, вечность.

The article deals with the concept of “legend” in the conceptual system of academician A. A. Ukhtomsky and N. P. Antseferov. For both outstanding researchers it is an important component of the doctrine of a “dominant” (A. A. Ukhtomsky), decisive for local and historical method of cultural judgment (N. P. Antseferov). The Nation authorizes preservation of “a legend” in history, and it becomes a kind of “cultural memory”, able to transfer to the next generations, becomes one of the main ways of fight of culture for eternity.

Keywords: legend, culture, local and historical method, dominant, eternity.

А. А. Ухтомский и Н. П. Анциферов относятся к ряду блистательных русских ученых первой половины XX века, которые, не поддавшись искушениям и соблазнам Серебряного века, смогли творчески осмыслить и соединить традицию и новаторство, их «охранительный» консерватизм был свидетельством духовной зрелости и человеческой мудрости. Задолго до появления модного сегодня термина «междисциплинарные исследования» они показали пример по-настоящему комплексного научного знания, поскольку мышление их и степень таланта были столь огромны, что вселенную, и прежде всего вселенную духа, они не могли видеть нецелостно. Их «междисциплинарность» определялась не объектом научного поиска, а структурой научного инструмента — целокупностью и в широком смысле целомудрием их мышления.

В 1896 году двадцатидвухлетний А. А. Ухтомский пишет статью «Значение легендарной поэзии в древнерусской литературе и жизни», и в этой ранней работе ученый показывает особый характер своего таланта. Подобно трудам мыслителей Возрождения и блестящей плеяде своих современников: Вернадскому, Циолковскому, Выготскому, Бахтину, — его исследования, будь то сфера естествонаучного или гуманитарного знания, отличает высокая мера таланта и профессионализма. Ухтомский в высшей степени филологически точно определяет в этой статье «легенду», исследовательский взгляд на материале эпической литературы объемлет и функцию, и структуру, и значение этого понятия.

Максим Львович Федоров

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
► maksimfyodorov@yandex.ru

Н. П. Анциферов не создал стройной терминологической базы, но понятие «легенда» встречается в его неоконченной статье «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность». «Легенда» оказывается в одном ряду с принципиальным для его методологической системы понятием «genius loci». В этой работе ученый расширяет понимание легенды и применяет его к локально-историческому методу исследования культуры. Мысль Анциферова не только совпадает с размышлениями Ухтомского, но и движется дальше, развивает то, что в ранней статье Ухтомского лишь предчувствовалось и предугадывалось.

По Ухтомскому, легенда — народно-историческая повесть, противопоставленная, с одной стороны, исторически недостоверному рассказу, а с другой — рассказу с точки зрения исторической науки. Таким образом, жанрообразующими принципами для легенды станут ее теснейшая связь с народом и лежащий в ее основе элемент исторической достоверности. Ученый прямо скажет, что легенда состоит из двух частей — то, что передает историческую обстановку события, — это начало «предания», а второе — народно-поэтическое начало (собственно «легенда»). Своего рода базис и надстройка.

Не выходя за границы народности, оставляя в стороне литературу авторскую, не свойственную древнейшим периодам русской истории, Ухтомский составляет свою типологию смежных с легендой жанров, где главным критерием разграничения станет характер функционирования того или иного жанра. Именно этим определяется, например, отличие легенды от сказки. Легенда приближается к сказке, и в обыденном сознании эти слова почти синонимичны. Ухтомский подчеркивает, что если для ученого это равноценные источники, отражающие культурно-исторические явления, то народ их не спутает. Для него сказка — всегда развлекательна, произвольно сопрягающая события и лица. А в легенде — народ всегда ищет достоверности. «На легенду русский человек любит ссылаться, как на достоверное историческое свидетельство»¹.

По принципу бытования легенда будет отличаться и от летописи. Отличие носит временной

характер, летопись ориентирована на прошлое, с настоящим она не связана, ее интересует только прошедшее. Легенда же всегда служит нуждам и интересам своего времени, она тенденциозна. «Поэтизируя прошедшее, легенда служит настоящему»², — скажет ученый. Таким образом, получается, что летопись ориентирована на книжную культуру, она зафиксирована в тексте и оттого кажется мертвой.

Похожим образом время разделило легенду и былинку. С одной стороны, былина приближается к сказке, в ней усилено поэтическое начало, но с другой — в ней приглушена развлекательность за счет отчетливой назидательности. «В былинке интерес народа более идеален: он требует от сказителя прежде всего выражения нравственно-эстетического смысла старины; в былинке русский человек ждет не освещения собственных, практических нужд и тенденций, напротив, он хочет уйти от обыденных интересов и погрузиться вместе со сказителем „в высоту ли высоту поднебесную, глуботу-глуботу Океан-море“ — в глубину пережитых веков. Притом, требуя уяснения общего нравственно-эстетического характера события, народ прощает сказителю неполноту и беспорядочность в изложении исторических частностей; видимо, сказитель предоставляет дорисовать историческую картину события или восплаемого периода самим слушателям; она предполагается известной им в общих чертах»³.

Но, даже отвечая двум принципиальным требованиям — народности и исторической достоверности, легенда в восприятии Ухтомского остается неоднородной, он, например, отказывается во вневременном характере легендам, возникшим в Новое время: «Ходящие в народе рассказы о временах, более близких к нам, об екатерининской эпохе, о нашествии французов и т. п., по своей заурядности не заслуживают быть поставленными рядом со старинными образцами легенды из русской истории»⁴. Единственный вид легенд, преодолевающих время и ориентирующихся на настоящее и даже будущее человечества, — это легенда духовная. «Духовная легенда живет в народе до сих пор»⁵. И именно она, по Ухтомскому, соединяет прошлое и настоящее. И будущее —

«Легенда является самой близкой для народа выразительницей его чаяний, стремлений, протеста и т. п. Она, так сказать, закрепляет и санкционирует народные тенденции и тем полагает семя будущих событий»⁶.

Таким образом, основываясь на достоверном историческом событии, осмысленная народом, актуальная в настоящем, лишенная развлекательности и отчетливой назидательности, легенда ориентируется в будущее и участвует в его формировании. Легенда участвует в создании тех доминант человечества, которые оказываются нужными, закрепляются и передаются последующим поколениям. Эта мысль позже будет повторена во множестве работ Ухтомского, посвященных доминанте: «Сердце, интуиция и совесть — самое дальнзоркое, что есть у нас, это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесенный до нас, *во-первых, соматической наследственностью* от наших предков и, *во-вторых, преданием слова и быта*, передававшимися из веков в века как копящийся опыт жизни, художества и слова народа и общества, в котором мы родились, живем и умрем. <...> Ведь каждый из нас — только всплеск волны в великом океане, несущем воды из великого прошлого в великое будущее!»⁷

Эта мысль станет важной и для Н. П. Анциферова: «память культуры» не только генетически связана с прошлым, определяет настоящее, но и формирует будущее. Не случайно, именно историческому знанию ученый отводил ключевую роль в борьбе за вечность.

В поздних, зрелых работах Ухтомский, говоря о факторах формирования доминанты, выходит за рамки только преданий слова, выходит из мира литературы и фольклора в сферу преданий быта, где появляется столь существенная для Анциферова локально-географическая семантика — «человек и окружающий его мир», «человек и *genius loci*».

«Лучшие доминанты человечества передаются не соматическим унаследованием, а преданием слова и быта. Каждому отдельному человеку приходится завоевывать свои доминанты, они не даются ему даром, и оттого они тем дороже для него, тем дороже и то общество, и тот быт,

которые сообщили и поддержали в нем трудные и обязывающие доминанты, облегчив их внесение в жизнь»⁸.

Н. П. Анциферов утверждал, что в духовно-нравственном становлении личности большое значение приобретает изучение сокровенной связи человека со средой его обитания, с той местностью, которая, обладая своего рода «идеями», «миссией», неся замысел Творца о себе, формирует характер человека. В отечественной науке он одним из первых методологически осмыслил суть этого явления. В представлении Н. П. Анциферова «миссия местности» вырастает до хронотопа, в полной мере не постигаемого и не познаваемого, но воздействие которого ощущает на себе каждый. Именно эта «идея местности» вбирает в себя все достижения культуры — выступает ее «памятью», хранящей жизненные, экзистенциальные, религиозные ценности; культура в таком понимании таинственным образом соединяет духовное и материальное. И макрокосм всемирной истории и культуры, в свою очередь, превращается в микрокосм — достояние души отдельного человека.

Принципиально важным представляется, что оптика подобного изучения «*genius loci*» оказывается построенной на изучении местной локальной истории, которая затем, в свою очередь, ляжет в основу истории национальной. Из кусочков мозаики складывается масштабное историческое полотно. «Специально большую важность имеет и разработка местной истории в историографии целой страны. Об этом сильно говорят лучшие мастера нашей исторической науки. В. О. Ключевский прекрасно доказывает в своем знаменитом „Курсе русской истории“ значение „национальных“ историй для построения „всеобщей“ и „областных“ историй для построения национальной. То же самое отчетливо высказывает И. Е. Забелин: „Пока областные истории с их памятниками не будут раскрыты и подробно рассмотрены, до тех пор общие наши заключения о существе нашей народности и ее различных исторических и бытовых проявлениях будут голословны, шатки, даже легкомысленны“»⁹.

Научную школу, к которой относятся Н. П. Анциферов, а также И. М. Гревс, С. С. Безо-

бразов (еп. Кассиан), Л. П. Карсавин, Г. П. Федотов и др., отличает понимание религии как предельно важного и первостепенного историко-культурного явления. Из объекта изучения религия становится фактом собственной жизни. Нравственное начало привело И. М. Гревса к особому пониманию краеведа: «Это подвижники: в старину спасали душу в монастырях, а теперь поддерживают живую душу краеведением»¹⁰.

Анциферов подчеркивает, что характер взаимоотношения места и человека взаимообусловлен: место воздействует на душу человека, но при этом и само оно формируется душами людей, населявших его и определявших его лик. Причем здесь важным оказывается, что и живые, и умершие объединяются посредством «памяти культуры» в непрекращающийся диалог. («Воскрешенные и сохраненные исторической наукой образы наших предков участвуют в нашей жизни, мало того, они действуют в нас. И в великие исторические годы их тени призываются на помощь, мобилизуются для защиты нас в смертельной борьбе»¹¹.) И не здесь ли путь к вполне реальной, может быть единственной доступной для культуры возможности воплотить евангельскую максиму «у Бога все живы». Это своего рода вертикаль научного краеведения.

Но есть у него и горизонталь. Анциферов не соглашается с позитивизмом, захватившим историческую науку. По его мнению, позитивизм исторического знания, начиная с XVIII века, пристрастился к «изобличению легенд». «Идея местности», по мысли ученого, включает в себя не только реально бывшее, но и те события, «которые восприняты сознанием человеческих обществ, уверовавших в них и которые в этом сознании обрели бытие и стали фактами, влиявшими так или иначе на ход истории»¹² — это путь формирования «легенды местности». И в этом случае историк-краевед не может не учитывать литературные и шире — культурные феномены, вошедшие и в топографию местности, и в историческое бытование: например, Орел сегодня невозможно понять, не держа в голове, что именно в этот город поселил И. С. Тургенев свою героиню Лизу Калитину, или набережная Костромы, свя-

занная в художественном мире А. Н. Островского с драмой Катерины Кабановой, или Лизин пруд у Симонова монастыря в Москве. А разве возможно понять «идею» Петербурга без маршрутов Родиона Раскольникова? Анциферов ссылается и на феномен Рима, который в духовной и культурной памяти человечества навсегда связан с личностью Св.Петра, который, по мнению ряда историков, в нем никогда не бывал. Как видно, понятие достоверности, которое, как мы помним, имело структурообразующее значение для легенды в восприятии Ухтомского, у Анциферова имеет расширительное значение. То, что народная память и предание воспринимает как истинно бывшее, то таковым и является. Народ санкционировал историческую достоверность этого события. Исследователь научного наследия ученого Д. С. Московская отмечает: «Погружение в литературные свидетельства вело Анциферова-историка к важному теоретическому выводу: *поэтический миф обусловлен былью*. Литературное «мифотворчество» он не признавал формой мысли, принадлежащей к невозвратному прошлому. В литературных сюжетах — «мифах» нового времени — оно продуктивно и полнокровно продолжает свое существование: воображению художника все подсказано самой историей. Литературный миф черпает сюжеты в жизни: для того, чтобы они зародились, должны произойти чрезвычайные события, которые бы потрясли душу народа»¹³.

И в отличие от своего старшего современника Анциферов не выстраивает хронологическую иерархию легенд, сохраненных народной памятью. И легенды Нового времени, и «предания старины глубокой» обладают одинаковой ценностью, когда речь идет о «памяти культуры», о «борьбе за вечность».

Но при этом Анциферов в одной из своих работ «Беллетристы и краеведы» подчеркивает, что фантазия и воображение как краеведа, так и беллетриста должны быть ограничены научным знанием. Слово должно всегда оставаться ответственным. «Характеризуя определенный край, описывая его жителей, часто приводя их имена, автор, хотя бы и беллетрист, должен взять на себя

определенные обязательства: подчинить свое творчество научной правдивости»¹⁴.

Несомненно, здесь голос Анциферова совпадает с голосом Ухтомского о двучастной структуре легенды, сочетающей в себе историческую достоверность и поэтическую вольность. Ухтомский в большей мере, чем Анциферов, опасается науки, которая способна своим беспощадным анализом препарировать и убить легенду, столь бережно из века в век собираемую и передаваемую народом. «Дело сводится, таким образом, к следующей задаче: даны два исторических явления — поэтическое произведение и событие из народной жизни — требуется связать их наиболее вероятною генетическою связью. Работа интересная для художника, но рискованная для прозаика исследователя»¹⁵.

Анциферов настаивал, что изучение места в свете постижения его «идеи» — важный путь к подлинному патриотизму, это, по мысли ученого, одна из важнейших составляющих Родиноведения. Рассуждения Анциферова направлены в сторону практического использования такого рода краеведческих знаний. Он, безусловно, настаивал на том, что эту методологию необходимо интегрировать в систему школьного и вузовского образования.

И главное — поле совпадения Ухтомского и Анциферова определяется принципиальной значимостью и ценностью для обоих вопросов этики. Нравственное чувство становится и исходной точкой их научного мышления, и тем фокусом, который собирает воедино пространственно-временной поток, взаимообуславливает прошлое, настоящее и будущее. И хотя сфера исследовательских поисков Ухтомского и Анциферова различна (первый — прежде всего всемирно известный нейрофизиолог, второй — яркий ученый-историк, краевед), их работы отличает то, что в целом было присуще русской культуре — «беспокойство совести», необходимость во всем увидеть онтологическую заданность, сопрячь микрокосм и макрокосм, восстановить утраченное человечеством единство Творца и Творения. И в этом — утверждение истины, воплощение того, что должно быть.

«И всякая человеческая истина, наравне с тем, *что есть*, содержит утверждение и того, *что должно быть*. Она есть *преобразование того, что есть, в то, что должно быть*. „Этика“, нравственное суждение, есть частный случай перехода от того, *что есть*, к тому, что *должно быть*! Но поскольку то, „что должно быть“, мыслится как обязательное постоянство, оно мыслится и как то, что в вещах *есть* и пребывает по преимуществу»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ухтомский А. А. Доминанта души. Рыбинск, 2000. С. 19.

² Там же. С. 18.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996. С. 268.

⁸ Ухтомский А. А. Доминанта души... С. 105.

⁹ Гревс И. М. История в краеведении // Краеведение. 1926. Т. 3. № 4. С. 490.

¹⁰ Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1992. С. 402.

¹¹ Анциферов Н. П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 151.

¹² Там же. С. 147.

¹³ Московская Д. С. Литературное краеведение и экскурсионистика по Николаю Павловичу Анциферову // Капля в море российской истории: город Истра и окрестности. М., 2014. С. 24.

¹⁴ Анциферов Н. П. Беллетристы-краеведы (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой) // М. И. Смирнов и М. М. Пришвин в Переславле-Залесском (1925–1926). Сергиев Посад, 2013. С. 91.

¹⁵ Ухтомский А. А. Доминанта души... С. 19.

¹⁶ С.-Петербург. Отд. Арх. РАН. Ф. 749. Оп. 1, № 148, § 13.

Б. В. Аверин

ДВА КАМЕРТОНА К «КОРМЧИМ ЗВЕЗДАМ» ВЯЧ. ИВАНОВА

BORIS V. AVERIN

TWO TONE-GIVING DEVICES

FOR THE "LODESTARS" POETIC COLLECTION BY VYACHESLAV IVANOV

Эпиграф к книге стихов Вяч. Иванова «Кормчие звезды» и стихотворение, открывающее сборник, рассмотрены в статье как два камертона, позволяющие настроить читательское восприятие книги. Эпиграф, взятый из «Чистилища» Данте, задает идею восхождения, предвосхищая позднейшее учение Иванова о восхождении и нисхождении. Стихотворение подтверждает верность Иванова идее Вл. Соловьева о необходимой и продуктивной связи хтонического и небесного.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Кормчие звезды, Данте.

The author considers the epigraph and the first poem of the "Lodestars" poetic collection by Vyacheslav Ivanov as two tone-giving devices, tuning the reader's perception of the whole book. The epigraph, taken from Dante's "Purgatory", offers the idea of ascending, which anticipates the later Ivanov's doctrine of ascent and descent. The poem affirms Ivanov's allegiance to the idea of Vladimir Solovyov about the necessary and productive connection between chthonic and celestial.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, "Lodestars", Dante.

Борис Валентинович Аверин

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета
► virolainen@mail.ru

Первая книга стихов Вячеслава Иванова — «Кормчие звезды» — вышла в 1902 году. Четыре года спустя он записал в дневнике: «Перелистывал „Кормчие звезды“, и мне казалось, что равной им книги лирики, быть может, никогда мне не написать»¹. В названии книги ярко проявилось отношение Иванова к слову: умение извлечь из него сразу многие смыслы и любовь к архаике, к устаревшим значениям. Кормчий — тот, кто правит ходом судна. Но в этом значении слово является существительным. Как прилагательное оно использовано в заглавии «Кормчая книга» — свод церковных правил, который, как и корабельный кормчий, служил своего рода вожатым — вожатым христианина по жизни. Иванов переадресует это определение звездам — не только потому, что путь можно прокладывать по звездам, но и потому, что сами звезды, символ небесного, божественного начала мира, могут служить кормчими для того, кто желает прокладывать свой путь, ориентируясь на божественные смыслы и законы. Это законы, которые нужно прозревать и угадывать, ибо писаны они не буквами, а звездами на небе. Между двумя словами заглавия сборника возникает такое многозначное отношение, что это образует вокруг них целое семантическое поле, в котором тоже можно прокладывать путь от значения к значению, и в этом смысле читатель стихов Иванова должен быть постоянно инициативен. Проявляя такую инициативу, можно в заглавии книги увидеть и еще один смысл. Если слово *кормчие* отсылает нас к христианской, и даже более конкретно — к православной культуре, то слово *звезды* резко расширяет контекст. Оно отсылает к космосу, единому на все времена, на-

чаяя со времен архаики. А сопряжение русского, православного, христианского начала с древними мифами действительно легло в основу смыслопорождения ивановских стихов, вошедших в эту книгу, — как и тема космоса, понимаемого в самом широком смысле.

Космическая тема, тема метафизического устройства вселенной стала центральной в «Кормчих звездах». Старшие символисты усвоили идею Артура Шопенгауэра о непроходимой пропасти, разделяющей мир: по одну сторону — его подлинное начало, единая воля, по другую — мнимая множественность мира-представления. Иванов, как и другие младшие символисты, вслед за Владимиром Соловьевым исповедовал единство мира. По Иванову, миру равно необходимы Дионис и Аполлон, хаос и космос, разрушение и созидание, нет и да. Это начала взаимодополнительные, оба полюса необходимо участвуют в космогоническом процессе — то есть в процессе порождения мира.

Следуя как древним, так и некоторым христианским учениям, Иванов считал, что этот процесс представляет собой не единичный акт, не многократное событие, не творческий акт Бога-Отца, каким оно описано в Библии. Акт творения мира, по Иванову, непрерывен, мир постоянно создается заново, и в его сотворении участвуют самые разные мировые стихии. Средневековый мистик Майстер Экхарт в проповеди «О вечном рождении» говорил след за Августином, что рождение мира, сотворение мира словом совершается всегда. По Иванову, подобную же природу может иметь слово поэта-теурга. Но в равной мере, на тех же правах в перманентном процессе творения мира участвуют те космические стихии, к которым обращены архаические мифы. Это стихии земных и подземных сил, стихии мрака и хаоса — и стихии небесные. У них есть множество имен, и эти имена постоянно звучат в стихах Иванова.

Эпиграф к «Кормчим звездам», взятый из «Чистилища» Данте, в переводе гласит: «Немного извне (пещеры) доступно было взору; но чрез то звезды я видел ясными и крупными необычно»². Это взгляд из пещеры, из каменной теснины, из чрева земли — на небо, к звездам.

Но в «Чистилище» герои совершают восхождение, ущелье, откуда устремлен взгляд на небо, расположено на пути ввысь. Более того: в XXVII песни, из которой Иванов взял строки эпиграфа, они уже почти достигли Рая, — и все-таки еще не вступили в него. Учение Иванова о восхождении и нисхождении возникнет лишь десятилетие спустя, но уже здесь, в «Кормчих звездах», оно предчувствуется. В статье «О границах искусства» (1913) Иванов подчеркивал различие между человеком и художником. Человек, совершающий духовный путь, движется путем восхождения к высшей реальности, то есть приумножения, накопления духовных и душевных сил. Художник же совершает обратное движение. Он должен пройти путем нисхождения, на котором будет отдано то, что добывалось при восхождении. Путь вниз — это расточение, излучение, жертва, отдача силы. И существует лишь один вид творчества, для которого творческий акт, совершенный в момент восхождения, является законным. Это — лирика, которая по своей природе есть не что иное, как свидетельство непосредственного духовного переживания. Эпиграф — первая отправная точка книги лирики Иванова — указывает, что поэт совершает восхождение.

Но как бы само по себе ни было важно движение ввысь, еще, может быть, важнее, что это движение, — *связующее* нижний мир и мир вышних. Если эпиграф служит первым камертоном для восприятия книги, то вторым камертоном служит вводное стихотворение, предвещающее объединенные в книге циклы. Оно начинается так:

Вчера во мгле неслись титаны
На приступ молнийных бойниц,
И широко сшибались станы
Раскатом громких колесниц...³

Титаны — боги первого поколения, архаические божества, низринутые олимпийскими богами в тартар, туда, где залегают корни земли и моря. Первая строфа — о борьбе олимпийцев с титанами. Во второй строфе небо уже спокойно, титаны повержены, заключены в тартар, и взгляд поэта продолжает движение ввысь, к небесам:

А ныне, сил избыток знойный
Пролив на тризне летних бурь,

Улыбкой Осени спокойной
Яснеет холодная лазурь.

Как поясняют комментаторы⁴, «Сил избыток знойный» — цитата из Тютчева («Некий жизни преизбыток / В знойном воздухе разлит!»⁵), который, в свою очередь, перефразирует слова Христа из Евангелия от Иоанна (10: 10): «Я пришел для того, чтобы имели жизнь, и имели с избытком». Избыток жизни и жизненных сил — он божественного, небесного происхождения. Это то, что противоположно титанам, тартару, хтонике. Но кроме того, в платоновско-плотинской космогонии есть представление об избытке и недостатке как мужском и женском началах мира, от которых рождается Эрос. Эрос же, по Платону, соединяет земное и небесное. И это представление тоже очень важно для Иванова.

Осень — пора собирания плодов:
Она пришла с своей кошницей,
Пора свершительных отрад,
И златотканой багрянницей
Наш убирает виноград.

«Кормчие звезды» — первый сборник стихов Иванова, это первые собранные плоды. Виноградом они названы не случайно. Христос, Бог-Слово говорит о себе: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — Виноградарь» (Ин. 15: 1). Мандельштам в стихотворении «Батюшков» скажет позже от имени своего любимого поэта: «Только стихов виноградное мясо / Мне освежило случайно язык...»⁶ Далее в стихотворении Иванова речь идет о той прекрасной поре, когда зима, старость еще далеко, а пламень юности еще не растрочен:

И долго Север снежной тучей
Благих небес не омрачит,
И пламень юности летучей
Земля, сокрыв, не расточит.

Здесь снова открываются Небеса, которым соположен подземный, хтонический мир — тот, что скрывается в Земле. И далее — благословение зрелости:

И дней незрелых цвет увядший
На пире пурпурном забвен;
И первый лист любезен падший,
И первый плод благословен.

Благословенно все: и смерть (падший лист), и рождение (первый плод).

Первое стихотворение «Кормчих звезд» откликается Владимиру Соловьеву — так же, как откликается ему вся философская эстетика Вячеслава Иванова. Сопряжение подземного и небесного — тема знаменитых стихов Соловьева:

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их⁷.

Это заключительная строфа стихотворения, в котором лирический герой пробивается к возлюбленной сквозь пожар, сквозь «пламенные муки», сквозь «бездну мрака огневую»⁸. Но так же пробивается к Беатриче герой Данте в той самой XXVII песни «Чистилища», откуда взят эпиграф к книге стихов Иванова: он должен пройти сквозь стену огня, и это последнее препятствие, которое отделяет его от возлюбленной.

Дважды вслушавшийся в звучание камертона читатель может настроить свой слух на восприятие не только описанных, но и иных смыслов — Иванов ждет от него инициативы, необходимой для странствия по кормчим звездам. Переходя от одного стихотворного текста к другому, читатель станет и свидетелем, и соучастником того, как мир каждый раз заново творится поэтическим словом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Вяч. Собр. соч. Bruxelles, 1974. Т. 2. С. 747.

² Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Кн. 1. С. 63 (Серия «Новая Библиотека поэта»).

³ Там же. С. 65. — Далее стихотворение «Вчера во мгле неслись титаны...» цитируется по этому изданию.

⁴ См.: Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 2. С. 270; примеч. Р. Е. Помирного.

⁵ Тютчев Ф. И. «В душном воздуха молчанье...» // Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. 3-е изд. Л., 1987. С. 124. («Библиотека поэта». Большая сер.).

⁶ Мандельштам О. Э. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997. С. 218. (Серия «Новая Библиотека поэта»).

⁷ Соловьев В. С. «Мы сошлись с тобой даром...» // Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. 2-е изд. Л., 1974. С. 92 («Библиотека поэта». Большая сер.).

⁸ Там же.

С. С. Гусева

СРЕДСТВА ПЕРВИЧНОЙ И ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ А. П. ЧЕХОВА)

SOFYA S. GUSEVA

MEANS OF FIRST AND REPEATED CHARACTER'S NOMINATIONS
(ON THE BASIS OF THE A. CHEKHOV'S STORIES)

В статье на основе анализа примеров из рассказов А. П. Чехова и с учетом исследований номинаций определяются различные средства, с помощью которых в нарративе именуются персонажи. Данный анализ подтверждает, что выбор средства повторной номинации представляет собой важный текстообразующий механизм: позволяет избежать монотонности, обеспечивает кореферентность. Автор приходит к выводу, что средствами повторной номинации рассказчик может полемизировать с точкой зрения субъекта этой номинации, организовывать многофокусную характеристику персонажа и маркировать смену регистра.

Ключевые слова: нарративная парадигма имен лиц, первичная номинация лица, повторная номинация лица, кореферентность, регистр.

The author explores different means of characters' nominations in A. Chekhov's stories, and argues that the choice of repeated nomination is an important text-generating mechanism, helping to avoid monotony and ensure coreference. The author comes to the conclusion that by means of repeated nomination Chekhov's narrator can polemicize with the subject of nomination's point of view, provide a multifoci description of a character and mark a change of register.

Keywords: narrative paradigm of persons' nominations, first persons' nomination, repeated persons' nomination, coreference, register.

Софья Сергеевна Гусева

Аспирант кафедры русского
языка Московского
государственного университета
имени М. В. Ломоносова
► guseva.sofja@yandex.ru

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф.
О. В. Кукушкина

В рассказе об одном и том же персонаже обычно используются разные номинации. Это текстовое явление может быть описано с помощью понятия «нарративная парадигма имен лица». В такую парадигму можно свести набор связанных отношениями кореферентности позиционно распределенных лексических средств. В этой парадигме основное позиционное противопоставление связано с понятием «первичная и повторная номинация». В данной статье на материале рассказов А. П. Чехова рассматриваются особенности устройства нарративных парадигм и закономерности выбора используемых в них единиц. Выбор материала связан с тем, что чеховские рассказы дают большой и разнообразный материал в интересующем нас отношении¹.

Приведём примеры номинативных парадигм, представленных в рассказах А. П. Чехова (в скобках указано количество употребленных подряд одинаковых номинаций; позиции первичной и повторной номинации разделены знаком «/»).

- (1) один начинающий адвокат / этот адвокат — он (4) — мой адвокат — он — адвокат — приятель — адвокат — он — адвокат — он — адвокат — он (4) — адвокат — он (4) — расхитившийся адвокат — приятель — он (5) — адвокат — он — адвокат — он (2) — адвокат («Сильные ощущения»)
- (2) Иван Дмитрич, человек средний / Иван Дмитрич — Иван Дмитрич — он (4) — Иван Дмитрич — он (2) — Иван Дмитрич (2) — он (8) — Иван Дмитрич (2) — он (4) — Иван Дмитрич — он (4) — Иван Дмитрич (2) — он (4) — ее муж — муж — он (2) — Иван Дмитрич (2) («Выигрышный билет»)
- (3) Жмухин, Иван Абрамыч, отставной казачий офицер / он (3) — Иван Абрамыч — Жмухин — Иван Абрамыч — он — Жмухин — Иван Абрамыч — Жмухин (3) — он — старик Жмухин — Жмухин (3) — он — Жмухин (2) — он — Жмухин — он — Жмухин (3) — он (8) — старик — он (4) — Жмухин — он — Жмухин — Жмухин (2) — он — Жмухин — старик — он (2) — Жмухин — он — ее муж — старик — Жмухин — он — старик — он («Печенег»)
- (4) Петр Кузмич / Петр Кузмич — этот человек с сильным носом — он (4) («Пережитое (Психологический этюд)»)
- (5) Гвоздилов / он — Гвоздилов (5) — он (6) — Гвоздилов — он (3) — Гвоздилов — он (3) — Гвоздилов — Гвоздилов — он (3) — Гвоздилов — он — Гвоздилов (2) — он (2) — Гвоздилов — Жорж (2) — он (5) — Гвоздилов (4) («Свидание хотя и состоялось, но...»)
- (6) она / она — Паша — певица — Паша (2) — она — Паша (3) — она (2) — Паша (3) — она (5) — Паша (2) — она (2) — Паша (4) — певица — Паша — она — Паша (2) — она — Паша — она (2) — хористка — Паша (7) — она — Паша (2) — она (4) («Хористка»)
- (7) Муж / муж — он — муж — супруг — Васичка — он («Длинный язык»)
- (8) девушка лет шестнадцати / она (2) — девушка — красавица — Маша — Маша — красавица — армяночка — Маша — армяночка — Маша (4) — она — красивая девушка — Маша — армяночка — Маша — Маша — она — Маша — армяночка — она (8) — эта девочка — она — Маша — Маша («Красавицы»)
- (9) Николай Евграфыч / доктор — Николай Евграфыч — он (5) — доктор — он (6) — доктор — он (5) — муж — он (8) — сын деревенского попа, бурсак по воспитанию, прямой, грубый человек, по профессии хирург — он (12) — Николай Евграфыч — доктор — муж — он (3) — муж — доктор (2) — Николай Евграфыч — он (6) — доктор — он — Николай Евграфыч — доктор — он — Николай Евграфыч — он (4) — сын деревенского попа, по воспитанию — бурсак, простой, грубый и прямой человек — он (2) («Супруга»)
- (10) Смирнов / Смирнов — второй² — Смирнов (3) — он — Смирнов — он (3) — Смирнов — он — Смирнов — он — Смирнов — он («Говорить или молчать?»)

Первичная номинация вводит персонажа в повествование. Для этого рассказчик осуществляет его характеристику с помощью отнесения к определенным классам. Сообщаются также индивидуализирующие признаки. Выбор средств номинации информационно обусловлен, т. е. связан с необходимостью сообщить читателю нужную информацию о новом предмете речи. В позиции первичной номинации у А. П. Чехова чаще всего указываются имя, возраст и пол, социальные характеристики, сфера деятельности, профессия. Например, в рассказе «Спать хочется» главная героиня вводится так: «Нянька Варька, девочка лет тринадцати»; в рассказе «Печенег» герой при первом упоминании характеризуется как «Жмухин, Иван Абрамыч, отставной казачий офицер»; в рассказе «Тссс!...» — «Иван Егорович Краснухин, газетный сотрудник средней руки»; в рассказе «Mari d'elle» — «Опереточная певица Наталья Андреевна Бронина». Эти характеристики, как отмечает В. Г. Гак, входят в представление автора о пресуппозиции читателя³. Такие характеристики ожидаемы в начале текста, так как знакомство с человеком в бытовой ситуации начинается с подобной информации. Примерное количество номинаций при первом упоминании персонажа составляет у А. П. Чехова в среднем два наименования. Наибольшее число номинаций при вводе персонажа в текст произведения составляет три единицы: «Помещик отставной штаб-ротмистр Докукин» («Последняя могижанша»), «Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка» («Студент»).

Имя собственное может занимать при первичной номинации первую и последнюю позиции. По мнению В. Г. Гака, употребление имени собственного в абсолютном зачатке позволяет ввести читателя непосредственно в гущу событий⁴. В текстах А. П. Чехова этот прием часто используется. Ср., например, начало рассказов «Душечка» («Оленька, дочь отставного коллежского асессора Племянникова, сидела у себя во дворе

на крылечке, задумавшись»), «Студент» («Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращаясь с тяги домой, шёл всё время заливым лугом по тропинке»); «Попрыгунья» («На свадьбе у Ольги Ивановны были все её друзья и добрые знакомые»); «Володя» («В одно из летних воскресений, часов в пять вечера, Володя, семнадцатилетний юноша, некрасивый, болезненный и робкий, сидел в беседке на даче у Шумихиных и скучал»). В рассказах А. П. Чехова преобладает препозиция имени собственного при первичной номинации объекта речи (часто главного героя произведения). Вероятно, это связано с малой формой рассказа, при которой необходимо подобное включение читателя в ситуацию.

Для первичной номинации персонажа, неизвестного герою (или рассказчику), используются **именные группы, состоящие из общего именования и показателя неопределенности какой-то, некий** и пр. Ср., например: «К ее великому удивлению, на пороге стоял не почтальон и не подруга, а какая-то незнакомая женщина, молодая, красивая, благородно одетая и, по всей видимости, из порядочных» («Хористка»); «Через час он, поборов робость, подсел к какому-то господину в синем костюме и стал с ним бойко разговаривать» («Говорить или молчать?»). Если для субъекта номинации неважно выделение объекта из группы, наделение его какими-либо индивидуальными качествами, в составе наименования может использоваться актуализатор *один*: «Между приятелями был у меня тогда один начинающий адвокат» («Сильные ощущения»); «Однажды оба они ехали в вагоне железной дороги и старались победить одну девицу» («Говорить или молчать?»). В этих примерах слово *один* имеет значение «один из элементов класса, обозначенного существительным»⁵. Слово *один* относит предмет к классу однородных предметов и при этом сохраняет количественный компонент значения, то есть у него возникает функция неопределенного артикля⁶. Кроме того, как пишет Е. В. Падучева, слово *один* входит в состав группы слабо определенных референтных местоимений, выражающих «известность объекта для говорящего, который не предполагает его известным слушающему»⁷.

Абсолютным нарушением норм первичной номинации является использование **местоимения 3-го лица**, поскольку оно должно иметь антецедент в предшествующем тексте и является специализированным средством повторной номинации. Такое нарушение выступает в качестве особого художественного приема. Ср. начало рассказа «Хористка»: «Однажды, когда она еще была моложе, красивее и голосистее, у нее на даче, в антресолях, сидел Николай Петрович Колпаков, ее обожатель». Этот прием организует «начало с середины», при котором читатель оказывается сразу внедренным в ситуацию, описываемую в тексте. Создается впечатление о наличии предшествующего опыта, общего для читателя и писателя. В некоторых работах⁸ такое «начало с середины», когда образ и характер персонажа открываются читателю не сразу, а постепенно, когда рассказчик намеренно отодвигает его представление, называют «импликацией предшествования». Это, по мнению исследователей, создает напряженность текста. В рассказе «Хористка» данный прием использован для того, чтобы погрузить читателя во внутренний мир героини, чьи воспоминания, переживания показаны в тексте и с чьей точки зрения подаются события.

При **повторной номинации**, то есть наименовании «уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества»⁹, могут использоваться следующие основные типы языковых средств: 1) местоимение 3-го лица; 2) существительное, именуемое персонаж по уже известному его свойству, сообщенному при первичной номинации (*адвокат, брат, красавица, Саша* и пр.); 3) общее именование (*молодой человек, девушка* и пр.) — как с указательным словом, так и без; 4) именование, использованное ранее в речи не рассказчика, а другого персонажа; 5) номинация, сообщающая новую информацию, ранее не встречающаяся в тексте. Эти средства позволяют уточнить, о ком идет речь. Выбор того или иного варианта наименования обусловлен различными факторами и выполняет определенные текстовые функции. Некоторые особенности и закономерности этого выбора анализировались в ряде работ¹⁰. Выбор единицы для повторной но-

минации зависит от уровня активации референта в сознании говорящего, от расстояния от первичного наименования до вторичного, от наличия/отсутствия референциального конфликта (имеется ли другой референт, претендующий на данную повторную номинацию), синтаксических и семантических свойств номинаций, жанра текста¹¹.

Местоименная номинация, являясь крайним случаем обобщения наименования¹², служит для отсылки к вышеназванному объекту и позволяет избежать лишних повторов именных средств в тексте. Местоименные замены могут повторяться значительное число раз, если номинативный ряд персонажа не прерывается наименованиями других героев. Максимальное число не прерывающихся другими средствами повторов местоимения было обнаружено нами в рассказе «Без заглавия» — 21 единица. Во фрагменте, где использован этот ряд, передаются впечатления и мысли одного персонажа, чем и обусловлена возможность использования местоименного повтора. Обычно его длина ограничивается у А. П. Чехова 4–6 единицами.

При наличии условий для референционного конфликта местоимение в норме должно заменяться на именную группу. В противном случае у читателя могут возникать трудности в интерпретации событий и действий персонажей, и ему приходится проделывать дополнительную работу для определения того, о каком именно персонаже идет речь. Например, в конце рассказа А. П. Чехова «Печенег» (курсивом выделены номинации, относящиеся к частному поверенному; подчеркнуты номинации, относящиеся к Жмухину):

«*Частный поверенный* оглянулся на Жмухина с каким-то особенным выражением; было похоже, что *ему*, как когда-то землемеру, захотелось обозвать его печенегом или как-нибудь иначе, но кротость пересилила, он удержался и ничего не сказал».

Три личных местоимения *он* следуют одно за другим и обозначают разных персонажей. Это можно понять, зная, что Жмухин и землемер — разные персонажи, что *печенегом* называли ранее Жмухина.

Местоименная номинация нежелательна и при отсутствии условий для референционного конфликта. Когда происходит **смена точек зрения**,

то есть когда сначала передаются мысли и чувства одного персонажа, затем другого (либо интерпретация событий с точки зрения одного, затем другого), при возврате к первому вместо местоимения обычно употребляется более конкретный идентификатор. Так, в рассказе «Выигрышный билет» сначала представлены мечты Ивана Дмитрича, герой получает местоименные номинации, его мечты прерываются мыслями жены, затем повествование возвращается к мечтам Ивана Дмитрича (курсивом выделены номинации главного героя Ивана Дмитрича; подчеркиванием — его жены):

«И в его воображении затолпились картины, одна другой ласковей, поэтичней, и во всех этих картинах *он* видел себя самого сытым, спокойным, здоровым, *ему* тепло, даже жарко! Вот *он*...

— Да, хорошо бы купить имение, — говорит жена, тоже мечтая, и по лицу ее видно, что она очарована своими мыслями.

Иван Дмитрич рисует себе осень с дождями, с холодными вечерами и с бабьим летом...»

Чаще всего местоименный повтор «перебивается» именем собственным. По замечанию В. Г. Гака, «перебой местоименных форм именем собственным... не только <...¹³> вносит разнообразие в способы обозначения, но и семантически мотивирован» и появление имени собственного в номинативном ряду связано с тем, что соседние фразы значительно расходятся в плане информации, которую они содержат¹⁴. Оно также выполняет текстовую функцию: «нередко переход от местоименного повтора к повтору имени собственного или другого существительного является формальным признаком абзаца или границ сложного синтаксического целого»¹⁵. Примером может послужить отрывок «Тряпка», где *он* в новом абзаце сменяет номинация *секретарь*.

«Клавдия Васильевна поглядит на него с благоговением, снизу вверх, как глядят на монументы. <...> Тогда он поднимет глаза к потолку, таинственно промычит и скажет: „М-да“... Пусть думает она, что это он написал!

У освещенного подъезда Блудыхинского дома секретарь увидел два ряда экипажей...»

Вторым по степени обобщенности средством повторной номинации являются **именные**

группы с существительными общими именованиями типа *человек, девушка* и пр. Они могут употребляться как с *этот*, так и без. В работе Е. В. Падучевой¹⁶ отмечается, что одним из главных факторов появления в составе номинации актуализатора *этот* является характер стыка между предложениями, содержащими две разные номинации одного объекта. Этот стык может быть жестким и свободным. Жесткий стык — стык между предложениями, «описывающими одновременные или смежные во времени действия или состояния одного и того же объекта». Свободный стык — это «стык, сбивающий повествование переходом к прошлому, к будущему... или обращением к фактам, не имеющим временной локализации». Свободный стык, по мнению Е. В. Падучевой, требует указательной именной группы, в состав которой входит *этот*, а жесткий стык допускает скрытоопределенную группу, то есть именную группу с нулевым актуализатором¹⁷.

Данное явление может быть уточнено с опорой на понятие «регистр», разработанное в работах Г. А. Золотовой. Появление при повторной номинации группы с *этот* часто маркирует переход от одного регистра повествования к другому. Это средство регулярно появляется, когда репродуктивный регистр речи сменяет информативный или наоборот. Рассмотрим примеры 1–3 (курсивом выделены интересующие нас номинации; подчеркиванием — глаголы, маркирующие смену регистра).

- (1) «Защищал же знаменитейший и популярнейший адвокат. Этого адвоката знает весь свет» («Случай из судебной практики»).
- (2) «Мне было жаль и себя, и *ее*, и хохла, грустно провожавшего *ее* взглядом всякий раз, когда она сквозь облако половы бегала к арбам. Была ли это у меня зависть к ее красоте, или я жалел, что *эта девочка не моя и никогда не будет моею...*» («Красавицы»).
- (3) «У ворот встретила его хозяйка дачи, молодая дамочка. Сынка этой дамочки он обучал арифметике...» («Свидание хотя и состоялось, но...»).

По наблюдениям некоторых исследователей, значимой оказывается и позиция *этот* относительно существительного. Так, Г. Фонтанский

связывает употребление постпозитивного местоимения *этот* в составе единицы повторной номинации со сменой регистра: «Высказывание с субъектной именной группой типа *x этот* выступает после фрагмента, в котором излагаются конкретные факты, и отличается своим характером от предыдущего блока текста. Оно содержит сообщение описательно-характеризующего и очень часто оценочного характера. В художественной прозе или в публицистике это чаще всего авторское сообщение. После высказывания с группой типа *x этот* наступает текстовый блок, функция которого заключается в обосновании этого утверждения... Регистровая характеристика фрагмента текста до предложения (или его части), включающего именную группу типа *x этот*, может быть различной... регистровая характеристика оказывается существенной именно для высказываний с субъектной группой типа *x этот*, которые чаще всего представляют собой информативноописательный регистр оценочно-характеризующего типа»¹⁸. Из рассказа А. П. Чехова «Драма на охоте»:

- (4) «Ольга, отделившись от компании, гуляла в лесу. Замечтавшись или поддавшись печальным мыслям (читатель помнит ее настроение в тот злополучный вечер), она забрела далеко в чащу. Тут ей встретился убийца. Когда она стояла под деревом и думала свои думы, к ней подошел человек и заговорил с ней... Человек этот не был подозрителен, иначе бы она крикнула на помощь...»

В данном фрагменте перед предложением с группой типа *x этот* даны конкретные факты («Ольга... гуляла в лесу... забрела далеко в чащу... ей встретился убийца... к ней подошел человек и заговорил с ней...»), предложение с *x этот* — оценочное, а после него следует обоснование — один из частных случаев, когда «в функции обоснования могут приводиться примерные факты»¹⁹.

Именная группа с актуализатором *этот* встречается, однако, и при регистровой однородности.

- (5) «Каково же поэтому было удивление монахов, когда однажды ночью в их ворота постучался человек, который оказался горожанином и са-

мым обыкновенным грешником, любящим жизнь. Прежде чем попросить у настоятеля благословения и помолиться, этот человек потребовал вина и есть» («Без заглавия»).

- (6) «Однажды оба они ехали в вагоне железной дороги и старались победить одну девицу. Крюгер сидел около этой девицы и рассыпался перед ней мелким бесом...» («Говорить или молчать?»).

В примерах 5 и 6 нет жесткого стыка и смены регистра речи. Но, тем не менее, в составе повторной номинации имеется актуализатор *этот*. Очевидно, данный актуализатор выполняет здесь артиклевую функцию и ведет себя как определенный артикль, для которого свойственно содержать «анафорическую отсылку к предшествующему высказыванию, обозначая тот предмет, который уже был ранее назван в тексте. При этом сам артикль не указывает никаких признаков, выделяющих предмет из класса, а сообщает лишь о том, что некий отличительный признак был уже приписан предмету ранее»²⁰.

Особую группу случаев составляет использование при повторной номинации **конкретных имен, соотносимых с первичной номинацией**. Чаще всего кореферентность обеспечивается простым повтором признака, сообщенного при первичной характеристике героя²¹. Например, в рассказе «Тряпка» главный герой вводится как «Секретарь провинциальной газеты „Гусиный вестник“ Пантелей Диомидыч Кокин». Далее для обозначения персонажа используются единицы: *секретарь, он, Кокин*. Идентичная повторная номинация обеспечивает не только кореферентность, но и тематическую связность. Как отмечал В. Г. Гак, повторные номинации выполняют и текстообразующую функцию: они тематически связывают предложения в тексте²². Использование идентичной повторной номинации, отсутствие ввода новых единиц наименования на протяжении всего текста обычно указывает на однофокусность характеристики, однородность восприятия персонажа.

Не все упомянутые в начале произведения номинации могут быть использованы дальше. Так, в первичных номинациях героев рассказов

«Печенег» («Жмухин, Иван Абрамыч, отставной казачий офицер») и «Тссс!..» («Иван Егорович Краснухин, газетный сотрудник средней руки») указывается профессия, которая затем не используется. В рассказе «Последняя могиканша» один из героев при первом упоминании назван «Помещик отставной штабротмистр Докукин». Далее для его именования используются единицы *Докукин, он, брат*. Вероятно, это связано с тем, что действие в рассказах происходит у героев дома, где неактуально называть лицо по профессии, более ожидаемы и стандартны наименования по имени, родству, личным отношениям. Номинации по профессии даны, вероятно, для обоснования каких-то черт характера персонажей, особенностей их поведения, т. е. используются А. П. Чеховым для социальной типизации героев, для знакомства читателя с условиями их жизни, кругом интересов.

Отсутствие новых признаков не исключает, однако, отсутствие варьирования лексических средств при номинации персонажа. Такое варьирование здесь возможно, но только при наличии определенных отношений между единицами. Эти отношения должны поддерживать **кореферентность**. В. Г. Гак выделяет три типа таких отношений: отношения тождества (или равнозначности), включения, пересечения.

При **отношениях тождества** понятия, обозначаемые первичной и вторичной номинациями, совпадают, то есть используются синонимические слова. Например, в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» Старцев назван *врачом* и *доктором*; в «Случае из судебной практики» используется ряд *знаменитейший и популярнейший адвокат, адвокат, этот адвокат, он, защитник*.

При **отношении включения** первичная и вторичная номинации обозначают понятия, различающиеся по объему: одно из них является родовым, другое — видовым. Так в рассказе «Смерть чиновника» Червяков назван *чиновником* (заголовок) и *экзекутором* («В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на „Корневильские колокола“»).

При **отношении пересечения** понятий в основе двух наименований лежат разные признаки одного и того же предмета. Такие отношения проявляются при метонимических обозначениях, разноаспектных наименованиях и пр. Фрагмент из рассказа «На реке (весенние картинки)»:

- «— Нонешние времена, это которое... сущая беда! — лепечет козлиная бородка в шапке с ушами <...>
— Народу много расплодилось... — хрипит борода лопатой...»

В позиции повторной номинации могут появляться и **новые признаки, отсутствовавшие при первичной номинации**. Такие номинации выполняют важные дополнительные функции. Персонаж может знать об объекте номинации больше, чем рассказчик, может находиться с ним в определенных отношениях, позволяющих дать то или иное новое наименование. В рассказе А. П. Чехова «Выигрышный билет» новая реляционная номинация главного героя, прежде именовавшегося как *Иван Дмитрич, человек средний* и *он*, возникает, когда передаются чувства и мысли его жены: «И он уже не с улыбкою, а с ненавистью глядел на жену. Она тоже взглянула на него, и тоже с ненавистью и со злобой. У нее были свои радужные мечты, свои планы, свои соображения; она отлично понимала, о чем мечтает ее муж».

Появление новой номинации может быть связано с тем, что именуемый оказывается в новой ситуации. Главный герой рассказа «Ионыч», помеченный как *Ионыч, доктор Старцев, Дмитрий Ионыч, Старцев, он, доктор*, получает новую номинацию, когда приходит в гости к Туркиным, с точки зрения которых он *гость*: «— Садитесь здесь, — говорила Вера Иосифовна, сажая гостя возле себя. — Вы можете ухаживать за мной...» В рассказе «Печенег» герой, названный *белокурый господин, он и частный поверенный*, в доме Жмухина, с которым познакомился в поезде, получает «ситуативную» номинацию *гость*. Причем, когда частный поверенный находится в гостях, эта номинация (*гость*) количественно преобладает по сравнению с другими наименованиями. По словам В. Г. Гака, такое варьирование повторной номинации для введения объекта в действие или ситуацию при наличии разных номинаций может

выступать как «костяк сюжета, как схема повествования, касающегося определенного объекта»²³.

Новая повторная номинация может возникать, когда в нарративе, стандартно отражающем точку зрения автора/рассказчика, проявляется **точка зрения на именуемого какого-то персонажа**. Например, в рассказе «Ионыч» для номинации героини используется следующий номинативный ряд:

дочь, Екатерина Ивановна, молодая девушка — член семьи — Екатерина Ивановна, восемнадцатилетняя девушка — она — дочь — Екатерина Ивановна — она (3) — Екатерина Ивановна — молодое, изящное и, вероятно, чистое существо — дочь — она (3) — Екатерина Ивановна (2) — Котик — Екатерина Ивановна (2) — она (3) — Екатерина Ивановна — она (10) — Котик — она (2) — Котик — Екатерина Ивановна — она — Екатерина Ивановна — она (2) — дочь — Екатерина Ивановна — она — Екатерина Ивановна — она (4) — Екатерина Ивановна (2) — она (3) — Екатерина Ивановна (3) — она — Котик — она — Екатерина Ивановна — Котик — она (8) — Екатерина Ивановна — она (6) — Екатерина Ивановна (4) — она (2) — Котик — Екатерина Ивановна — она — Котик (2) — она.

Описательная номинация *молодое, изящное и, вероятно, чистое существо* отражает, скорее всего, восприятие главного героя, на что указывает показатель предположения *вероятно*. Сам рассказчик обычно знает о персонажах больше героя. В рассказе «Драма на охоте» персонаж именуется рассказчиком *убийца*, то есть получает конкретную характеристику, а в следующем предложении получает общую номинацию — *человек*: «Тут ей встретился убийца. Когда она стояла под деревом и думала свои думы, к ней подошел человек и заговорил с ней...» Вторая номинация (*человек*) принадлежит области восприятия героини, которая видит персонажа впервые и не знает, что он окажется убийцей, чем и обусловлено использование общего наименования. Такой выбор повторной номинации, когда единицы наименования «формально включены в речь автора, но семантически... отражают мысли восприятие персонажа», по словам В. Г. Гака, является важным признаком несобственно-прямой речи²⁴.

Вариативная повторная номинация может быть использована для того, чтобы пере-

дать отношение субъекта номинации к объекту. Появление новой повторной номинации может свидетельствовать о том, что между персонажами изменились отношения, поменялись их взгляды на что-то и т. п. Так, в рассказе «Mari d'elle» повествование ведется с точки зрения главной героини, наряду с нейтральными номинациями *муж, mari d'elle, Денис Петрович Никиткин, он*, возникает наименование *прихвостень*, содержащее компонент оценки и передающее негативное отношение субъекта наименования к объекту. В рассказе «Супруга» главный герой, чье восприятие событий отражено в повествовании, обнаруживает измену своей жены, в связи с чем жена получает номинации *это слабое, ничтожное, продажное, низкое создание и это ничтожное, лживое, пошлое, мелкое, по натуре совершенно чуждое ему существо*.

Итак, новые номинации регулярно маркируют позицию не самого рассказчика, а другого персонажа. Этой цели служит буквальное дублирование рассказчиком номинации, данной другим персонажем, часто используемое в иронических целях. Например, в рассказе «Длинный язык»:

«— ...Я этого не понимаю, *Васичка*...

Васичка крикнул, нахмурился и заходил по комнате.

— Весело вам там жилось, нечего сказать! — проворчал он, брезгливо улыбаясь».

На основании этого можно говорить о том, что «подхват» или использование рассказчиком «чужой» номинации выполняет функцию авторизации субъекта восприятия, источника информации²⁵ и маркирует смену авторизатора.

Проведенный анализ подтверждает взгляд на выбор средства повторной номинации как на важный текстообразующий механизм. Разнообразие повторных номинаций персонажа в тексте позволяет не только избежать монотонности и обеспечить кореферентность. Оставаясь в рамках повторной номинации, рассказчик, путем выбора способа этой номинации, может полемизировать с точкой зрения субъекта этой номинации, организовывать многофокусную характеристику персонажа и маркировать смену регистра.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При исследовании использовался электронный корпус текстов А. П. Чехова, созданный в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического ф-та МГУ. В создании этого корпуса автор статьи принимал непосредственное участие.

² См. контекст: «Крюгер обладал блестящими умственными способностями, Смирнов же был не столько умен, сколько кроток, смирен и слабохарактерен. Первый был разговорчив и красноречив, второй же — молчалив».

³ Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 539.

⁴ Там же. С. 538.

⁵ Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2003. С. 17.

⁶ Там же. С. 12–13.

⁷ Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985. С. 90.

⁸ См., напр.: Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л., 1979.

⁹ Гак В. Г. Указ. соч. С. 524.

¹⁰ См.: Гак В. Г. Указ. соч.; Падучева Е. В. Указ. соч.; Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004; Фонтаньский Г. Текстовая роль постпозитивного местоимения этот в русском языке. Катовице, 2001; и др.

¹¹ Кобозева И. М. Референциальный выбор при переводе с французского языка на русский: в чем причина отличий перевода от оригинала? // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т, 18–21 марта 2014 г.): Тр. и матер. / Сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. М., 2014. С. 667.

¹² Гак В. Г. Указ. соч. С. 525.

¹³ Буквально сказано «не только не вносит... но и семантически мотивирован». Но исходя из смысла сказанного, здесь нужно видеть опечатку.

¹⁴ Гак В. Г. Указ. соч. С. 540.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Падучева Е. В. Указ. соч.

¹⁷ Там же. С. 163.

¹⁸ Фонтаньский Г. Указ. соч. С. 213–215, 226.

¹⁹ Там же. С. 219.

²⁰ Гуревич В. В. Указ. соч. С. 13.

²¹ См. понятие «идентичная повторная номинация» в: Гак В. Г. Указ. соч. С. 524.

²² Там же. С. 539.

²³ Там же. С. 541.

²⁴ Там же. С. 542.

²⁵ Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Указ. соч. С. 288.

О. В. Овчарская

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПЕРСОНАЖА В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

OLGA V. OVCHARSKAYA
ON EVOLUTION OF CHARACTER IN CHEKHOV'S PROSE

В статье рассматриваются рассказы А. П. Чехова, описывающие определенный человеческий тип. В поздних рассказах этой группы связь с ранним периодом творчества и работой в «малой прессе» наиболее заметна: автор использует художественные приемы и композиционные принципы юмористической журналистики, но они выполняют новые функции.

Ключевые слова: русская литература, А. П. Чехов, «малая пресса», юмористическая журналистика, поэтика.

The article studies Chekhov's stories describing a particular human type. The influence of writer's work in humorous magazines is very noticeable in late stories of this kind: Chekhov uses old literary devices and composition principles but they perform new aesthetic functions.

Keywords: Russian literature, Chekhov, "petty press", humorous magazines, poetics.

В статье «О Чехове» Б. М. Эйхенбаум указывал на новаторство Чехова в русской литературе:

Россию надо было показывать не только вглубь, но и вширь, со всеми особенностями ее национальной жизни, ее быта и природы. Надо было не только решать вопросы, но и собирать материал для правильной их постановки; надо было изучать Россию всесторонне, во всем ее своеобразии, во всех вариантах ее сословного, профессионального и умственного бытия. <...> Чехов пришел в литературу со стороны – не из рядов большой интеллигенции, не из той среды, откуда современники ждали появления нового писателя¹.

Это описание «вширь» началось с работы в «малой прессе», той особой области литературы и публицистики, которая, с одной стороны, была рассчитана на самые низкие слои населения (грамотные рабочие, мелкие чиновники, купцы), а с другой — наследовала традициям сатирической журналистики, адресующейся к либерально настроенным кругам образованного общества. Подобный литературный контекст отразился на расширении социальных, профессиональных и личных характеристик персонажей. Как сказал В. В. Маяковский: «В спокойную жизнь усадеб ворвалась разноголосая чеховская толпа адвокатов, акцизных, приказчиков, дам с собачками»².

В раннем творчестве Чехов выделялся разнообразием персонажей даже на фоне своих коллег писателей-юмористов. Большинство из них тя-

**Ольга Владимировна
Овчарская**

Аспирант кафедры
истории русской литературы
Санкт-Петербургского
государственного университета
► Ov4arskayaolga@mail.ru

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф.
А. Д. Степанов

готели к описанию определенной сословной группы: Н. А. Лейкин и И. И. Барышев-Мясницкий в основном описывали купечество, так как сами были выходцами из этой среды, Л. Г. Рахманов, сотрудничавший в «Осколках» в 1880-е, в сценах чаще всего обращался к крестьянскому быту, героями рассказов В. В. Билибина обычно становились чиновники и аристократы. Многообразие персонажей перешло из «осколочного» периода в зрелое творчество Чехова.

В этой статье мы хотели бы рассмотреть некоторые особенности чеховских рассказов, озаглавленных именами, прозвищами, названиями профессий или другими характеристиками человека. Количество таких произведений огромно, что во многом обусловлено традициями повлиявшего на «малую прессу» жанра физиологического очерка, который описывал типы людей, исходя из их профессиональных, сословных, бытовых характеристик, среды обитания, нравов и т. д. Е. М. Мелетинский писал:

Выходу Чехова-новелиста на литературную арену, кроме продолжавшейся линии традиционной новеллы (например, у И. С. Тургенева), предшествовал длительный период расцвета массовой очерковой литературы, начиная от «физиологических» очерков в духе натуральной школы и кончая юмористикой «лейкинского» типа, к которой молодой Чехов был очень близок³.

А. П. Чудаков описал эволюцию жанра физиологического очерка, который, постепенно редуцируясь в содержательном плане, в «малой прессе» преобразовался в юмористическую физиологию, где «в облегченно-комической или пародийной форме излагается история какой-либо профессии, обычая, института, привычки, моды»⁴.

Классифицировать эти рассказы можно по разным параметрам: в одних название указывает на имя главного героя, за которым закреплена пространственно-временная точка зрения («Корреспондент», «Папаша»), в других — на имя персонажа, которого описывает рассказчик или главный герой («Размазня», «Дочь Альбиона»); названия могут стоять в единственном и во множественном числе, то есть описывать одного человека или целую группу лиц («Жены арти-

стов», «Ряженные», «Гадальщики и гадальщицы»). Это могут быть обозначения степени родства («Братец», «Дочь коммерции советника»), профессии («Трагик», «Учитель», «Хористка»), национальности («Глупый француз», «Добрый немец», «Признательный немец») и т. д.

Мы бы хотели рассмотреть рассказы-наименования с точки зрения того, что становится в них главным предметом описания. Здесь можно выделить две группы. В первой главным предметом описания является забавный случай, анекдот («Благодарный», «Хитрец»). Например, в короткой юмореске «Филантроп», опубликованной в «Зрителе» в 1883 г., главный герой, доктор, жалеет пациентку, которая в него влюбилась, и выписывает следующий рецепт: «Быть сегодня в восемь часов вечера на углу Кузнецкого и Неглинной, около Дациаро. Буду ждать»⁵. Очевидно, что название рассказа не описывает характер героя в целом, а скорее дает ироничную характеристику его поступку. Пуант юморески состоит в смешении двух жанров рецепта и любовной записки, «и оба жанра оставляют следы в получившемся гибридном образовании: от рецепта остается императивное „быть“, от любовной записки — финальное „буду ждать“»⁶. Большинство героев подобных рассказов оказываются обычными людьми, знакомыми и близкими читателю «малой прессы», как об этом пишет И. Н. Сухих: «...повествователь, герой и читатель находятся в одном мире, служат в соседних департаментах, сидят рядом в театре, поблизости нанимают дачи и т. д.»⁷. Часто эти жизненные анекдоты тесно связаны с широким диапазоном профессий чеховских героев («Корреспондент», «Трагик», «Репетитор»). Персонажи самых разных социальных статусов попадают в нелепые ситуации, но их реакция и поведение чаще всего понятны читателю, они не выходят за рамки «нормы», которую интуитивно ощущает каждый. «Последователи» этих героев в позднем творчестве — чеховские обыватели: учителя, врачи, юристы — станут создателями той «ненормальной нормы», о которой писал Г. А. Бялый⁸.

Анри Бергсон в книге «Смех» замечал, что «названием драмы может быть почти исклю-

чительно имя собственное»⁹, а комедии часто озаглавлены нарицательным существительным. Задача комедии — описать порок, который, как маска, надет на живого человека и диктует ему правила поведения. Это суждение философа представляется применимым ко второй группе рассказов, где акцент смещается на описание характера человека, хоть и поданное через конкретную ситуацию («Циник», «Беззащитное существо»). С одной стороны, таких текстов меньше, но с другой — рассказы-анекдоты часто стремятся выйти за рамки курьезного случая и дают более полное описание характеров. Один из ярких примеров — рассказ «Неосторожность», анализ которого дал в своей работе В. Б. Катаев¹⁰. На первом плане остается смешной случай: герой выпил вместо водки керосин, но свое выздоровление он объясняет тем, что «ведет правильную и регулярную жизнь» (6, 68), то есть автор показывает нам определенную систему взглядов героя, и эта система взглядов часто оказывается необычной, комичной. В рассказах этой группы появляются персонажи, описанные гротескно, явно выходящие за рамки даже «ненормальной нормы». Таков знаменитый рассказ «Унтер Пришибеев». Чехов использует традиционный для «малой прессы» прием говорящей фамилии, что помогает читателю не только ожидать от героя определенной манеры поведения, но и увидеть в нем сложившийся общественный тип. Фамилия героя говорит одновременно и о его ограниченности, узости («пришибленный»), и о его постоянном стремлении наводить везде порядок, командовать («пришибает»).

Эти два типа рассказов соотносятся с двумя основными, отчасти противонаправленными, тенденциями в «малой прессе», выделенными Е. М. Мелетинским: анекдотичностью и описанием бытовых сценок¹¹. С одной стороны, многие рассказы строились на основе анекдотов, водеvilных сюжетов, с другой — сценки, описывающие разные типы купцов, приказчиков, чиновников, постоянно появляются в юмористике.

В зрелом творчестве писателя можно обнаружить не так много рассказов, посвященных описанию какого-то одного человеческого типа,

но все же они встречаются, и их легко выделить уже по заглавиям. Чехов заменяет говорящие фамилии на прозвища — «Человек в футляре», «Душечка», «Попрыгунья», «Печенег», в названии рассказа «Княгиня» титул приобретает дополнительное символическое значение. На наш взгляд, в этих рассказах связь с ранним периодом творчества и работой в «малой прессе» наиболее заметна: автор использует приемы юмористической журналистики для создания яркого человеческого типа, иногда эти приемы даже производят тот же комический эффект, но сам тип уже не вызывает у читателя смех.

Беликов, «человек в футляре», своим гротескным описанием явно выделяется на фоне поэтики позднего Чехова. Очевидна его связь с образом унтера Пришибеева: оба активно борются с тем, что не разрешено циркулярно. В. Д. Седегов справедливо замечал, что если бы «Беликов просто прятался от жизни в футляр, он был бы однолинеен — жалок и смешон; такие образы у Чехова были. Если бы он был откровенно агрессивен, бросался бы в открытую на все, что считал вредным, то был бы опять-таки прямолинеен — были и такие образы у Чехова. Сочетание несовместимого рождает образ многозначный, психологически глубокий, характер поистине трагедийный. Причем трагедия рождается двуплановая: с одной стороны, гибнет сам Беликов, с другой — и это главное — он держит в руках весь город целых пятнадцать лет»¹². Исследователь рассматривает образ Беликова как слияние двух персонажей из раннего творчества: унтера Пришибеева и запуганного экзекутора Червякова («Смерть чиновника»). Это соединение дало сложный, неоднозначный образ Беликова, но гротескность описания перешла в рассказ вместе с «прототипами» героя.

Рассказы «Попрыгунья» (1892) и «Душечка» (1899) описывают довольно длительный период жизни героинь и дают определенный женский тип. Отношения Оленьки Племянниковой с мужчинами описаны по определенной схеме: героиня знакомится с персонажем, влюбляется, начинает повторять за ним все его слова, затем он умирает или они расстаются. Этот схематизм напоминает раннюю юмореску «Мои жены (Письмо в редак-

цию — Рауля Синей Бороды)» (1885), в которой герой описывает отношения со своими женами очень четко: ее внешность и характер, их совместная жизнь, за что и как он ее убил.

В рассказе «Попрыгунья» повествователь не скрывает своего ироничного отношения к главной героине, описание друзей Ольги Ивановны в начале рассказа тоже напоминает юморески своей четкостью (в какой области искусства отличился персонаж — чем именно — как он хвалит героиню):

Артист из драматического театра, большой, давно признанный талант, изящный, умный и скромный человек и отличный чтец, учивший Ольгу Ивановну читать; певец из оперы, добродушный толстяк, со вздохом уверявший Ольгу Ивановну, что она губит себя: если бы она не ленилась и взяла себя в руки, то из нее вышла бы замечательная певица; затем несколько художников и во главе их жанрист, анималист и пейзажист Рябовский очень красивый белокурый молодой человек, лет 25, имевший успех на выставках и продавший свою последнюю картину за пятьсот рублей; он поправлял Ольге Ивановне ее этюды и говорил, что из нее, быть может, выйдет толк; затем виолончелист, у которого инструмент плакал и который откровенно сознавался, что из всех знакомых ему женщин умеет аккомпанировать одна только Ольга Ивановна; затем литератор, молодой, но уже известный, писавший повести, пьесы и рассказы (8, 7–8).

Отдельные эпизоды из рассказа перекликаются с календарной прозой «малой прессы», например, приезд Дымова, нагруженного покупками, на дачу, а затем его возвращение в город с новым поручением от жены отсылает к образам «дачных мужей», которые постоянно появлялись на страницах юмористических изданий в летние месяцы.

Бергсон указывал, что «комический персонаж смешон обыкновенно ровно настолько, насколько он не осознает себя таковым. Комическое бессознательно»¹³. Эта характеристика отлично подходит к персонажам ранних произведений Чехова. С. Евдокимова противопоставляет анекдот пушкинской эпохи, где рассказчик смеется вместе с персонажем анекдота, чеховскому: «Герои чеховского анекдота, как правило, совершенно не способны видеть юмористический ас-

пект сказанных ими слов или ситуации, в которую они попадают. Комическая ситуация создается помимо их воли, и видит ее только слушатель»¹⁴. Повествование может вестись от первого лица, но строиться таким образом, что читатель легко дистанцируется от рассказчика и вместе с автором смеется над его словами или поступками, этот принцип мы видим в самом первом опубликованном чеховском произведении — юмореске «Письмо к ученому соседу» (1880).

Рассказ «Из записок вспыльчивого человека» (1887) оформлен в виде дневника героя. Николай Андреич, финансист, объявляет, что у него «в высшей мере вспыльчивый характер», но все повествование говорит об обратном: он терпеливо проводит время с соседками по даче, хотя мечтает только об одном — продолжить работу над диссертацией «Прошедшее и будущее собачьего налога». В итоге одна из девиц, имя которой он с трудом может припомнить, женит его на себе. Самохарактеристика героя, его представление о себе и заглавие рассказа составляют резкий контраст с описываемыми событиями, что порождает комический эффект. В позднем творчестве Чехова также есть несколько текстов, написанных от первого лица или организованных в основном через точку зрения одного персонажа, мнение которого о себе контрастирует с мнением окружающих, но читателю это уже не кажется смешным. Так, «печенег» Жмухин не может понять сердитого крика гостя «Вы мне надоели!» (8, 334), но герой изначально описан со стороны, и читатель видит все его недостатки: косность, жестокость по отношению к близким, назойливость, глупость — и не удивляется такой реакции.

Повесть «Жена» (1892) отдаленно напоминает рассказ «Из записок вспыльчивого человека»: повторяется начальная ситуация — женщина отвлекает героя от научной работы. В позднем произведении повествование ведется от лица бывшего служащего Министерства путей сообщения, который вышел в отставку и поселился в деревне, чтоб «жить в покое и заниматься литературой и общественными вопросами» (7, 457). Герой считает себя порядочным и принципиальным человеком, который единственный во всем уезде способен по-

мочь голодающим мужикам. Он тоже занимается сочинительством — пишет «Историю железных дорог» — но от работы его отвлекает беспокойство, которое он объясняет волнениями из-за голода и эпидемии тифа среди крестьян. Читатель готов сопереживать герою, его суждения кажутся правильными, хоть иногда и высокомерными, поэтому сначала читатель вместе с героем не может понять враждебного отношения жены, которую Павел Андреич все еще любит, не может понять слов друга семьи: «Павел Андреич, скажу я вам по-дружески: перемените ваш характер! Тяжело с вами! Голубчик, тяжело!» (7, 468). Постепенно по ходу рассказа мнение героя о себе компрометируется фактами и отношением к нему других людей, но это несовпадение уже не вызывает смех, а заставляет задуматься о трагической ограниченности человеческого сознания, а тот факт, что читатель изначально солидаризировался с рассказчиком, заставляет его глубже прочувствовать переживания Павла Андреича. Зачатки этого трагического недоумения были слышны уже в рассказе «Унтер Пришибеев», герой которого не понимал за что приговорен к месяцу ареста: «И для него ясно, что мир изменился и что жить на свете уже никак невозможно. Мрачные, унылые мысли овладевают им» (4, 125), но в финале привычка наводить порядок подсказывает, как жить дальше.

Княгине из одноименного рассказа (1889) после обвинительной речи доктора тоже кажется, что никто ее не понимает, что она «обиженная, оскорбленная, непонятая людьми» (7, 245) страдалница. Перед читателем опять контраст внутренней и внешней точек зрения, но он уже не порождает комического эффекта, а приносит страдания (или по крайней мере недоумение и расстройство) герою и окружающим его людям. С помощью старого приема Чехов поднимает проблему непонимания человеком самого себя, непреодолимой ограниченности человеческого представления о мире.

Схожая эволюция — переход от смешного случая к психологическому парадоксу — происходит в рассказах-дублетах, описанных И. Н. Сухих, где «сходная тема, сюжет, мотив „оркеструются“, развиваются в разных социальных, психологиче-

ских, а главное — эмоциональных аспектах»¹⁵: так происходит, например, в рассказах «Злой мальчик» (1883) и «Зиночка» (1887).

Л. Е. Кройчик, рассматривая развитие комического в творчестве Чехова, выделяет группу сатирических рассказов¹⁶, в которую входит большинство поздних рассказов-наименований, описывающих тип человека. Исследователь пишет о психологическом комизме, свойственном этим произведениям, о создании «комического характера», сложного и неоднозначного. Эта сложность создается за счет совмещения двух точек зрения: «Взгляд на героя со стороны — взгляд иронический, саркастический, юмористический, сатирический. Здесь возможны гипербола и экспрессивная деталь. <...> Взгляд изнутри — это акцент на несобственно-прямую речь <...> несобственно-прямая речь позволяет передать разнообразный мир чувствований героя, его оценку происходящего, помогает лучше понять авторский взгляд на героя»¹⁷. Это замечание особенно важно при анализе рассказов «Ионыч» и «Анна на шее».

Если перечисленные выше зрелые рассказы можно сопоставить с ранними рассказами-характеристиками, то рассказы «Ионыч» (1898) и «Анна на шее» (1895) можно рассматривать как соединение рассказа-анекдота и рассказа-характеристики. В начале главные герои этих произведений кажутся обычными для прозы Чехова персонажами — земский врач и дочка учителя — читатель даже скорее склонен сочувствовать им, но в финале они превращаются в те человеческие типы, названия которых и вынесены в заглавие, они живут только для себя и не интересуются ничем другим.

С постепенной моральной деградацией доктора Старцева коррелируют три исключительно внешние характеристики — его полнота, объем врачебной практики и средство передвижения:

Он шел пешком, не спеша (своих лошадей у него еще не было) (10, 25); в больнице было очень много работы (10, 28).

«Ох, не надо бы полнеть!» (10, 32); У него уже была своя пара лошадей и кучер Пантелеймон в бархатной жилетке (10, 30).

В городе у Старцева была уже большая практика. Каждое утро он спешно принимал больных

у себя в Дялиже, потом уезжал к городским больным, уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками, и возвращался домой поздно ночью. Он пополнил, раздобыл и неохотно ходил пешком, так как страдал одышкой. И Пантелеймон тоже пополнил, и чем он больше рос в ширину, тем печальнее вздыхал и жаловался на свою горькую участь: езда одолела! (10, 36).

Старцев еще больше пополнил, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову. Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками и Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах, протянув вперед прямые, точно деревянные руки, и кричит встречным «Прррава держи!», то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог. У него в городе громадная практика, некогда вздохнуть (10, 40).

Характеристика человека, основанная на исключительно внешних факторах (например, женского характера по фасону шляпки), и сопоставление двух несвязанных рядов (например, возраста или статуса женщины и типов алкогольных напитков¹⁸) — излюбленный прием юмористической журналистики. Каламбур, сказанный его сиятельством в рассказе «Анна на шее», появлялся на страницах «малой прессы» в юмореске В. В. Билибина «Идеалист и реалист (легоньякая параллель)»: «Оба иногда мечтают об Анне. Только идеалист хочет ее „носить на руках“, а реалист — „на шее“»¹⁹. Л. Е. Кройчик указывает на сходство рассказа «Анна на шее» и ранней новеллы «Загадочная натура»²⁰. Таким образом, в этих рассказах живой человек редуцируется до старого каламбура из юмористического журнала, что не может не звучать трагично. В финале оба персонажа описаны исключительно с внешней точки зрения, как герои ранних чеховских юморесок.

Из раннего «осколочного» периода Чехов переносит в «большую» литературу широкое многообразие персонажей. Это и «обычные» люди, которые раньше попадали в комичные ситуации, а в поздних рассказах уже вполне серьезно страдают от повседневных жизненных забот. Это и странные, яркие человеческие типы, которые в ранней юмористике вызывали смех, а позже стали страшны и трагичны одновременно. Меняя

точку зрения, Чехов то смеется вместе с читателем над ограниченностью героя, то заставляет читателя самого пережить и преодолеть этот узкий взгляд на мир. В поздних рассказах, описывающих необычный тип личности, наиболее ярко прослеживается связь Чехонте и Чехова, «малая пресса» становится источником приемов комического описания персонажа, способов организации повествования. Чехов как будто возвращается к хорошо знакомым героям юмористических изданий и показывает сложность того, что казалось простым и смешным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эйхенбаум Б. М. О Чехове // Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969. С. 359.

² Маяковский В. В. Два Чехова // Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 973.

³ Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 239.

⁴ Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М., 1986. С. 76.

⁵ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 2. М., 1975. С. 85. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте работы с указанием в скобках тома и страницы; при ссылке на серию писем перед номером тома ставится буква П.

⁶ Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 47.

⁷ Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. СПб., 2007. С. 73.

⁸ См.: Бялый Г. А. Чехов и русский реализм: Очерки. Л., 1981.

⁹ Бергсон А. Смех. М., 1992. С. 18.

¹⁰ См.: Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М., 1989. С. 24–25.

¹¹ См.: Мелетинский Е. М. Указ. соч.

¹² Седегов В. Д. А. П. Чехов в восьмидесятые годы. Ростов-на-Дону, 1991. С. 70–71.

¹³ Бергсон А. Указ. соч. С. 19.

¹⁴ Евдокимова С. Обманчивое сходство. Анекдот у Пушкина и Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 86.

¹⁵ Сухих И. Н. Указ. соч. С. 68.

¹⁶ «Анна на шее», «Печенег», «Ионыч», «Крыжовник», «Человек в футляре», «Душечка», «На святках».

¹⁷ Кройчик Л. Е. Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова. Воронеж. 1986. С. 167–168.

¹⁸ Ср. юмореска Чехова «Женщина с точки зрения пьяницы» (1885).

¹⁹ И-к. <Билибин В. В. >Идеалист и реалист (легоньякая параллель) // Осколки. № 50. 1883. С. 5.

²⁰ Кройчик Л. Е. Указ. соч. С. 85.

В. И. Шульженко

СЮЖЕТНАЯ ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО «КАВКАЗСКОГО» РАССКАЗА

VYACHESLAV I. SHULZHENKO

THE PLOT TYPOLOGY OF MODERN "CAUCASIAN" STORY

Жанру рассказа в «кавказском тексте» русской литературы двести лет. В статье показано, что здесь в последние десятилетия активно формируется — отличная от традиционной — новая сюжетная типология, включающая как минимум три модели. В ее основу положен феномен смерти, но не в онтологическом или религиозном смысле, а с точки зрения фабульной природы художественного произведения. Столь очевидная деконструкция традиционного сюжета рассматривается как пример актуализации описанного сто лет назад русскими формалистами приема остранения, оказавшегося весьма созвучным новому историческому контексту.

Ключевые слова: «кавказский текст», рассказ, сюжет, остранение, функция жанра.

The article shows how modern stories transform the plots taken from "the Caucasian text" of Russian literature. A special attention is paid to the relationships between these texts and the heritage of Russian Formalists.

Keywords: «the Caucasian text», story, plot, distancing, function of a genre.

**Вячеслав Иванович
Шульженко**

Доктор филологических наук,
профессор, руководитель
отделения литературного
творчества Пятигорского
государственного
лингвистического университета
► slawick.shulzhenko@yandex.ru

В конце XX — начале XXI века «кавказский текст» русской литературы не только обогатился примерами оригинального и плодотворного синтеза, казалось бы, самых разнородных явлений — от народной архаики до сюрреализма, но и заметно эволюционировался, прежде всего, в жанре рассказа, о чем свидетельствует творчество «новых реалистов», заявивших о себе в нулевые года: Захара Прилепина, С. Шаргунова, А. Бабченко, Г. Садулаева, А. Козловцева, А. Цветкова, Р. Беккина. Жанр рассказа в эти годы в немалой степени подвергается воздействию разного рода трансформаций и «пересозданий» (М. В. Панов)¹, о чем убедительно свидетельствуют те же «чегемские саги» Ф. Искандера (едва ли не собственный жанр писателя), в которых смешано эпическое начало с кавказским анекдотом и лирическое переплетается с гротеском. Все это дает основания считать одной из наиболее значимых теоретических проблем в изучении «кавказского текста» проблему типологии сюжета в жанре рассказа, который мы, учитывая тематическую привязку, условно назвали кавказским.

Анализируя этот жанр в творчестве современных писателей, нетрудно сделать вывод о том, что почти всем им присущ перенос акцента с прежней ориентации на общелитературную традицию с ее апологе-

тикой жанра, на игру с известными литературными приемами, которым А. Компаньон, ссылаясь на «многообещающую» работу Ю. Тынянова «Литературная эволюция», отводит роль «деавтоматизации», выходящей не только за рамки самого произведения, но и далеко за его пределы. Автор «Демона теории» вообще склонен деавтоматизированную («ощутимую») литературную форму считать реализацией главного принципа русских формалистов — острания (то есть отклонения от традиции), становящегося сутью исторического отношения, позволяющего увидеть взаимоотношения приема и литературной системы, текста и литературы. «Основой исторической эволюции литературы становится уже не преемственность (традиция), а прерывность (остранение)»², динамика разрыва, вдохновившая столь сильно формалистов в эстетике модернизма.

В свое время мы уже говорили об особенностях историко-литературной эволюции «кавказского текста»³, отмечая его изменение в последние десятилетия с точки зрения жанровых приоритетов. Действительно, место характерной для XIX столетия романтической поэмы и «кавказской повести» в конце XX века по праву занял рассказ, что вызывает невольные ассоциации с опубликованным в 1872 году «Кавказским пленником» Толстого. Несмотря на очевидную смену социального контекста, подобную оценку заслуживает и современный русский рассказ о Кавказе, который мы сочли возможным сюжетно дифференцировать, понимая некоторую условность такого деления, на три типа. Первый — это «предчувствие смерти» («Выше уровня земли и неба» Н. Климонтовича, «Баран» и «Кутум» Б. Евсеева, «Рай под тенью сабель» М. Шараповой, «И будет лето...» А. Черчесова, «Три горсточка риса» А. Теппеева, «Сестры и кандидат» В. Пьецуха, «Орленок» Л. Шорохова). Второй — «ситуация смерти» («Потомок князей» А. Кима, «Беспокоящий огонь» П. Вайля, «Поход эпигонов» А. Асрияна, «7,62» В. Дегтева, «Кормление дракона» В. Пискунова). Третий — «воспоминание о смерти» («Лета» Ю. Буйды, «Мальчик и война» Ф. Искандера, «Казак Давлет» А. Кима).

Рассказ Н. Климонтовича «Выше уровня земли и неба» начинается с приезда в Сухум мо-

сковского журналиста, посланного сюда с заданием взять интервью у всемирно известного ученого, пожилого человека. Сухум уже явно раздражает грузино-абхазские противоречия, хотя внешне в этом «мандариново-мимозном раю» — всегдашней мечте «озябшего жителя северной метрополии», вроде бы все по-прежнему: «чайки, колыхающиеся в струях воздуха, идущих от студеной морской воды; женщины, как одна, в черных чулках и с опущенными долу глазами; кучки бездельников, прохаживающихся по набережной или галдящих на гортанном наречии, сгрудившихся в одном месте; старики на скамейках вдоль променада»⁴. Но о грядущем Апокалипсисе, когда навсегда неслышно уснет забытый всеми крупнейший ученый, интервью с которым приезжал сделать для своего журнала герой рассказа, когда благословенный Сухум вспыхнет сотнями пожаров, когда разбегутся по горам из знаменитого питомника никому не нужные теперь обезьяны, вот об этой неизбежной трагедии вдруг напомнят орды прожорливых крыс, уже почуявших свою скорую власть над ничего еще не подозревающим городом.

Предчувствие смерти не должно, тем не менее, однозначно восприниматься как ее непременная реализация, как единственно возможный исход судьбы. В рассказе А. Теппеева «Три горсточка риса» умирающий от голода балкарский мальчик Сафар, оказавшийся в объятной межнациональной рознью чужой стороне, будет все-таки спасен, но не своим родным дядей, а стариком-иноверцем. Готов к самому худшему и другой мальчик-осетин, безымянный герой рассказа А. Черчесова «И будет лето...». Он готов принять смерть как справедливое возмездие за преступление, совершенное мужчинами его семьи, но ни за что не оставит землю, где похоронены его мать и отец. Даже враги поражаются недетской твердости и упорству мальчика и дают ему шанс начать свою собственную жизнь.

Вполне благополучным следует считать и финал рассказа Б. Евсеева «Баран». В нем воплощенным (в материальном смысле) ожиданием смерти выступает жертвенный баран. Но очевидный парадокс: чем быстрее наемники, вернувшиеся из кавказской «командировки» в Москву,

хотят зарезать и съесть барана, тем стремительнее приближается их смертный час, их — не барана! Евсеев выстраивает сюжет рассказа по канонам составленной еще Гегелем трехчленной конструкции, включающей три основных компонента: а) исходный порядок (красавцу барану ничего не угрожает, он в некоем равновесии с миром большого города); б) его нарушение (барана пытаются крайне неумело и небрежно заколоть); в) его восстановление и даже упрочение (жизнь барана вне опасности, он вновь на воле). Подобное упорядочивание событийных рядов глубоко содержательно и «воплощает представление о мире как организованном и гармоничном, свободном от устойчиво-конфликтных положений, отнюдь не нуждающемся в существенных изменениях, и свидетельствует в конечном счете о том, что всем свершающимся, как бы прихотливо изменчиво оно ни было, руководят позитивные силы порядка»⁵.

Совсем не случайно, что к такой трехчленной сюжетной схеме обратился именно Евсеев — известный христианский поэт, отмеченный похвалой и напутствием покойного отца Александра Меня. Автор в силу своих религиозно-эстетических представлений вряд ли мог поступить иначе, ибо данная конструкция имеет так хорошо знакомые ему глубокие культурно-исторические корни, отличается той, так недостающей современному русскому искусству, консервативностью, которая утверждает, защищает, освещает существующий порядок вещей. Спасая барана и поражая насмерть (сверху!) покусившихся на него профессиональных «человекоубийц», автор не только апеллирует к известному еще со средневековья литературному приему, но и наглядно демонстрирует полное и нерелефированное доверие к мироустройству как неоспоримой и универсальной норме.

Тотальную полемику с существующей сюжетной традицией, заключающуюся в отказе от преемственности и словно намеренной демонстрации динамики этого разрыва, показывает М. Шарапов в рассказе «Рай под тенью сабель». В нем символы неотвратимой гибели представлены в каком-то пародийно-комедийном виде, словно подтверждая представления формалистов

о пародии как наиболее убедительном показателе динамики разрыва. Главный из этих символов — сцена встречи героини рассказа — ассистентки известного столичного кинорежиссера, разъезжающей в сопровождении фотографа по неспокойному Кавказу с целью отыскать «фактурного» актера на роль знаменитого имама Шамиля. И вот в точном соответствии с принципами классического сюжета «кавказского плена» в чеченских предгорьях начала 90-х годов XX века происходит встреча ломающей комедию экзальтированной женщины с исторически конкретным (как того и требует фарс) Джохаром Дудаевым, который после устроенного ею циркового представления вдруг «тихо, будто самому себе», признается: «Я тоже клоун».

Трагическое здесь, не трудно заметить, в отличие от традиции отечественной классики, изображается в системе оппозиции в отношении к комическому, снижающему его до обыденного и даже низкого, отчего рассказ явно претендует на звание первого буффонадного в «кавказской» прозе. К концу XX века, по мнению П. Топера, «шутовство и гротеск, иррациональная (сюрреалистическая) буффонада в большей мере становятся не дополнением к трагическому действию, а его неотъемлемой частью»⁶, когда «фарсовая стихия служит не смягчению, а контрастному усилению трагического звучания»⁷. В то же время в подобном синтезе трагического и смеховой культуры мы склонны видеть не только безжалостное отрицание — пусть и бессильное, но и неистребимое, уходящее в глубь народного сознания чувство вечно возрождающейся жизни.

В «Рассказах об испорченных сердцах» Д. Добродеева тенденция пародийного восприятия традиции настолько очевидна, что заставляет говорить о возрождении эстетики гротеска. Когда в рассказе «Ведено» простой русский мужик с бородой и в картузе, везущий на телеге ничего не подозревающих людей в заложники к Дудаеву, вдруг перевоплощается в привлекательного тридцатилетнего приказчика уже без бороды и картуза, а затем в «героя народов Кавказа» Шамиля Басаева («оскаленные белые зубы с золотыми фиксами, бритая башка, черная борода и свер-

кающие разбойничьи глаза»), то логично говорить о том, что в гротеске Добродеев «не просто изображает, а преображает действительность, смещая пропорции, в определенной степени деформируя ее черты с тем, чтобы вскрыть безумную суть мира»⁸.

Что касается второго типа сюжета, с положенной в его основу «ситуацией смерти», то он заставляет обратиться к истории литературных форм, куда современные последователи формальной школы относят и коды, и приемы, и конвенции.

После публикации рассказа В. Дегтева «7,62» в 1994 году кавказская междоусобица окончательно утратила ореол справедливой борьбы народов за свои попранные права. 7,62 — калибр снайперской винтовки Дергунова (СВД), и рассказ — едва ли не классический пример того самого случая, когда заглавие есть не только принадлежность авторской речи, но и семантики текста. 7,62 становится в рассказе метафорой смерти сначала армянина Аршака, воюющего на стороне абхазов, затем и его убийцы, русской женщины-снайпера, явно не от хорошей жизни подрядившейся на кровавую работу к противникам абхазов — грузинам.

Архетипический характер сюжета не вызывает сомнения, ибо здесь, в полном соответствии с К. Юнгом, символическая формула архетипа с самой первой сцены, ввиду отсутствия «сознательно-го понятия», которое нигде и никак в тексте не просматривается, начинает весьма активно функционировать. Когда-то во времена спортивной молодости пережившие недолгий любовный роман Инга и Алексей встречаются по пути в Абхазию, между вспышками страсти ведут разговор о премудростях стрельбы из ружья, затем после бурно проведенной ночи расстаются, договорившись через месяц встретиться вновь. Причем, в отличие от него, едущего навестить друга, она — известная в прошлом биатлонистка — направляется именно на войну, где вскоре не без некоторой профессиональной изощренности этого самого друга и убьет. В свою очередь и Ингу настигнет смерть от руки своего ничего не ведающего возлюбленного, мстящего за товарища.

Автору «7,62» хорошо даются двух- и даже трехплановые рассказы. Их можно сравнить с постановочными фотографиями, в которых много подогнано под строй мыслей снимающего. Но одновременно на таких снимках интересные люди, резкие светопейзажи, неожиданные повороты фабул и судеб составляют единое целое, завершенное и в эстетическом, и духовно-нравственном смысле.

В связи с вышесказанным представляет интерес мнение Б. Евсеева о Дегтеве. Евсеев, ссылаясь на одно известное изречение Ю. Тынянова, считает, что его коллега по перу «хочет сменить функцию жанра, поменять функцию рассказа на какую-то другую. Это ему иногда удается, и рассказ предстает у него не просто историей жизни, любви или смерти, а как бы сам становится современной расширенной заповедью. Этим писатель старается придать жанру большую высоту, увести рассказ от отчаянного бытовизма и паразитической подлости постмодерна. Учительная функция такого жанра — налицо. Однако здесь же присутствует и художественность. От их сдвоения и рождается новизна. Она — именно в притчеватости, „заповеданности“ рассказа»⁹.

В конце 90-х годов появилось еще одно произведение, подтвердившее со всей очевидностью, что именно такой ракурс художественного исследования кавказской действительности остается наиболее предпочтительным у писателей, — «Поход эпигонов» Армена Асрияна. Это не автобиография и не чистая беллетристика; это скорее образец документально-художественной публицистики, некая история болезни и кризиса личности во времена, когда дети вынуждены довоевывать войну, «начатую семь поколений назад полузабытыми предками, из загадочных побуждений и с потерявшейся в веках целью»¹⁰. Отсюда совершенная очевидность ответа на вопрос, почему в журнальной публикации «Похода...», занявшей не более пяти страниц, под заголовком стоит глобально-масштабное — «Хроника». Хроника, в которой, как того требуют каноны жанра, «организующей силой сюжета предстает сам ход времени»¹¹, управляющий действиями и судьбами персонажей. Присущая хронике экстенсивность сюжета дости-

гается в данном случае замысловатым чередованием восьми фрагментов, которые объединяются в одно целое единственным — образом бесконечно длящегося смертельного «сафари», возникающим у одного из персонажей «Похода эпигонов»¹².

«Поход...», так же как и французские абсурдистские «первоисточники», на которые он явно ориентирован, подтверждает, что вообще экзистенциализм не столько система понятий, сколько выражение определенного настроения, переживания бытия в мире и выбор соответствующего поведения, когда человек «не хочет стать не собой» (Вл. Новиков). Не случайно одному из фрагментов предпослан заголовок «Война как воля и представление», содержащий вполне прозрачный намек на знаменитую книгу А. Шопенгауэра, когда замена начального слова ничего в принципе не меняет, лишь конкретизирует понятие «война» в качестве одного из состояний «мира». Восприятие войны полностью зависит от воли человека, ибо все объекты в соответствии с их внутренней сущностью должны быть тем, что мы называем волей в нас.

Последнее обстоятельство, видимо, и предопределило название произведения, которое одновременно отражает и авторское отношение к описываемым событиям, и их оценку человеком, умудренным знаниями и трагическим опытом. И еще, возможно, «Поход эпигонов» — искусно закамуфлированный спор с классически-традиционным «Путешествием дилетантов» Б. Окуджавы, скрытая полемика (горькая ирония!) с не только окуджавским идейно-эмоциональным восприятием войны, с его трагическим пафосом и романтическим самопожертвованием.

Такой вывод напрашивается, если сюжет рассказа представить как некую герметическую конструкцию со стереотипно повторяющимися элементами, в которых без труда прочитываются известные мотивы или архетипы. Такой вывод подкрепляется и следованием сюжетному минимализму, порой до абсурда доведенному, и прямыми указателями на стилистическую узнаваемость — из смеси Ф. Кафки и Э. По — с их непрерывной прозрачностью аллегорий и коллективной бессознательностью.

Если обратиться к последнему типу сюжета, условно обозначенному нами как «воспоминание о смерти», то в качестве своеобразного продолжения дегтевского рассказа можно рассматривать «Казака Давлета» А. Кима, в котором также ведется довольно замысловатая комбинационная игра с архетипом. В то же время автор «Белки» и «Отца-леса» в нем легко узнаваем: тот же натурфилософский подтекст, та же прерогатива внутреннего сюжета над внешним, то же стремление к трансформации мифа и современному толкованию вечных символов и аллегорий. Но самое примечательное для нас в данном случае — кимовский прием перевоплощения человека, мгновенное изменение форм жизни в формы смерти и наоборот, калейдоскопическое сплетение пространственно-временных координат и этнографических параметров. Повествование как бы ведется от имени двух душ, когда-то конфликтовавших друг с другом, но слившихся после физической смерти в едином андрогиноподобном образовании. Этому вполне соответствует и композиция, смонтированная по законам классического клипа.

Смерть — главная тема разговоров приехавших в Москву абхазских друзей отца двенадцатилетнего героя рассказа Ф. Искандера «Мальчик и война». Усилением лирического и драматического начал Искандер усложняет структуру рассказа, реализуя, думается, романную концепцию связей личности с миром, в основе которой лежит понятие диалектической незавершенности окружающего мира и самого человека. К сожалению, найденный автором сюжетный ход, который по идее должен поддержать чувство детской надежды, не кажется нам убедительным. Изображение в финале нищей старухи, кормящей голодных собак найденными в мусорных ящиках остатками пищи, — несколько наивное, почти плакатное утверждение неистребимости добра, его превосходства над злом. Да и навязчивые апелляции отца мальчика к толстовскому «Хаджи-Мурату» очень напоминает то, что в поэтике принято называть «общие места», с их непрерывной, сопровождающей едва ли не каждую кульминационную сцену сеткой вопросов.

Таким образом, предпринятая выше попытка на основе сюжета выстроить типологию современного «кавказского» рассказа предполагала безусловное наличие определенной литературной традиции, отталкивание от которой и обеспечивает компаративный, сравнительный характер исследований, равно как и их синхронный срез. Новый исторический контекст изменяет литературу, мы эти различия хотели показать на материале сюжетики самого распространенного ныне жанра, наиболее восприимчиво реагирующего на окружающую действительность, что и обеспечило в конечном счете столь необходимую именно для типологических парадигм апелляцию к диахронии. Собственно критерием сюжетного анализа стало «отношение к смерти», столь зримо представленное практически во всех произведениях русской литературы, связанных с Кавказом в конце XX — начале XXI века. Темпоральная обусловленность дифференциального признака имеет очевидную архетипическую природу, а сама деконструкция традиционного сюжета есть по сути актуализация провозглашенного формалистами остранения. В целом ряде произведений динамика разрыва, отражающая обозначившийся наглядно приоритет у современных авторов прерывистости над преемственностью, происходит благодаря манипулированию пародией в ее самых разнообразных проявлениях: от комических имитаций до имитаций языковых и стилистических, подразумевающих, согласно Ю. Тынянову, пародию не на какое-то конкретное произведение, а на жанр в целом, нередко на все творчество автора, даже на «то или иное литературное направление»¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь представляется уместным напомнить о мысли великого лингвиста М. В. Панова, до конца жизни остававшимся преданным опоязовским принципам отношения к искусству и считавшим пародию полноценным творчеством. «Трансформированность — общий закон самодвижения художества», — утверждал ученый. И тут же в свойственной ему научно-разговорной манере продолжал: «Что-то передвинули — глядь, а весь текст перевернулся и запел по другому!!!» Он немало размышлял об интересовавшем еще формалистов отношении этой линии пересозданий и транс-

формаций к общей эволюции литературы. См.: Новиков Вл. По ту сторону успеха // Новый мир. 2015. № 7. С. 63–64.

² Компаньон А. Демон теории. М., 2001. С. 243.

³ Сумская М. Ю., Шульженко В. И. Ранний Бурлаков в парадигматике «кавказского текста» русской литературы // Михаил Бурлаков, его время и мы: Коллект. монография / Под ред. Гжегоша Пшебинды и Януша Свежего. Кракow, 2012. С. 255–268.

⁴ Климонтович Н. Выше уровня земли и неба // Золотой векъ. 1996. № 8. С. 58.

⁵ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 131.

⁶ Топер Н. Трагическое в искусстве XX века // Вопросы литературы. 2000. Март–Апр. С. 44.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Гречнев В. Русский рассказ конца XIX–XX века. Л., 1979. С. 665.

⁹ Дубин Е. Испытание на состоятельность: к социологической поэтике русского романа-боевика // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 8.

¹⁰ Асриян А. Поход эпигонов // Новый мир. 1998. № 8. С. 147.

¹¹ Эпштейн М. О значении детали в структуре образа // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 487.

¹² Сумская М. Ю., Головченко И. Ф. «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя как источник медийных и геокультурных проектов // Вестн. Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2013. № 4. С. 169.

¹³ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 286.

М. А. Дрога

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ НА УРОКАХ РКИ (НА ПРИМЕРЕ ИГРЫ-ВИКТОРИНЫ)

MARINA A. DROGA

LINGUOCULTUROLOGICAL COMPONENT ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
(ON THE EXAMPLE OF QUIZ GAMES)

Статья посвящена изучению страноведческого компонента в преподавании русского языка как иностранного. В частности, исследуется формирование представления о стране изучаемого языка в сознании студентов-иностранцев. В статье дается обзор основных точек зрения на роль лингвокультурологической составляющей в изучении иностранного языка в рамках методического концепта. Предлагается использование страноведческой викторины как игровой формы проведения урока.

Ключевые слова: лингвострановедение, русский язык как иностранный, культурологический компонент, Россия, коммуникативная компетенция, мотивация, игра.

The paper is devoted to the Area Studies component in teaching Russian as a foreign language with the emphasis on the mental image formation of the country of the language to be studied, and provides an overview of the main points of view on the role of linguocultural studies in foreign language studying in the framework of the methodological concept. The author proposes using of regional geographic quiz as a lesson game form.

Keywords: Area Studies, intercultural communication, Russian as a foreign language, cultural component, Russia, communicative competence, motivation, game.

Марина Анатольевна Дрога

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета
► droga84@rambler.ru

При изучении русского языка как иностранного учащийся испытывает ряд проблем, имеющих отношение не к собственно языку, а к сферам социальной, бытовой или исторической деятельности носителей языка. Правильное употребление или понимание некоторых слов или фраз часто предполагает знание их происхождения, ситуаций, в которых их можно использовать, или элементарных сведений из истории, географии, политической реальности страны. Комплекс сведений о географии России, её традициях, экономике, политике и т. п. содержит курс «Страноведение», который входит в программу обучения не на всех подготовительных факультетах российских вузов. В задачи же основной дисциплины «Русский язык» входит обязательный пункт: «способствовать ознакомлению с русской национальной культурой и искусством».

Информация лингвострановедческого характера является неотъемлемой частью процесса обучения русскому языку как иностранному. **Культурологический компонент** включает два аспекта знаний: 1) знание основ иноязычной культуры; 2) знакомство с представителями национальной культуры иноязычной страны. Наличие лингвострановедческих знаний является основной предпосылкой для овладения навыками общения, особенно, когда обучающиеся принадлежат к разным этническим группам. «Лингвострановедение реализует практику отбора и презентации в учебном процессе сведений о национально-культурной специфике речевого общения носителя языка с целью обеспечения ком-

муникативной компетенции иностранцев, изучающих русский язык»¹.

Оказавшись в новом месте, студент начинает узнавать о стране, в которой живет и учиться. Такое знакомство должно происходить не только через информацию, которую он получает на уроках русского языка. В этом случае важную роль играет также внеаудиторная работа преподавателя и студента. Бесспорным является тот факт, что необходимо проводить дополнительные беседы, лекции, включающие информацию краеведческого характера, готовить конкурсы, вечера, а также организовывать специальные учебные экскурсии. Немаловажными факторами усвоения учебного материала являются *интерес* и *мотивация*. *Страноведение* — вспомогательное средство, повышающее интерес учащегося к России, к ее культуре и традициям, что, в свою очередь, помогает ему преодолеть межкультурный барьер при изучении русского языка.

Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Необходимо попытаться преодолеть барьер культурный. К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести как минимум следующие:

- а) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культур обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к соответствующей в данной системе нормативных требований);
- б) бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего её нередко называют традиционно-бытовой культурой;
- в) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения);
- г) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;
- д) художественную культуру, отражающую культурные традиции этноса².

Страноведческий материал способствует становлению коммуникативных умений в раз-

ных сферах общения. Усвоение разнообразной информации о нашей стране помогает адекватному восприятию окружающей действительности. Курс русского языка (первого сертификационного уровня (B1) включает изучение темы «Россия». Сюда входят общие сведения о стране, её истории, географическом положении, населении, языках, природных условиях. В течение учебного года преподаватели рассказывают о богатых культурных традициях России, проводят тематические уроки в соответствии с праздниками (Новый год, Международный женский день, Пасха и др.). Таким образом, происходит постепенное становление образа России, её представителей, а также понимание русских ценностей.

Преподаватель русского языка призван не только обучить коммуникативным навыкам, но и приобщить студента к пониманию элементарной информации: о русском населении, религии, географических масштабах страны, её культурных обычаях. Чтобы подобное занятие носило и соревновательный характер, урок целесообразно проводить в форме викторины. Практика доказывает, что методически обоснованное, планомерное использование познавательных упражнений делает уроки запоминающимися, интересными, более динамичными, позволяет активизировать процесс преподавания РКИ, содействует совершенствованию умений в различных видах речевой деятельности. Викторина — это рациональный способ повышения эффективности обучения.

Практика доказывает, что уроки в форме занимательного состязания благоприятствуют более качественному усвоению информации, позволяют контролировать процесс усвоения лингвокультурологической информации, способствуют увеличению объема монологического высказывания, а также развитию творческого мышления и навыков эрудиции.

«Показателем владения лингвострановедческой компетенцией является правильность речи не только с точки зрения норм изучаемого языка, но и с точки зрения культурного контекста на основе учета разных культур»³. Таким образом, культурно-историческая осведомленность иностранца — необходимое условие адекватного владения

русским языком. Информация этнического, социального, культурного характера, удовлетворяющая коммуникативные, познавательные, эстетические потребности учащихся, обеспечивает устойчивый интерес к изучению языка, поддерживает мотивы — стимулы к совершению речевой деятельности. «Преподавателю необходимо учитывать, прежде всего, интересы обучаемых, чтобы повысить их мотивацию и подбирать те видеоматериалы, которые максимально отвечают ... уровню лингвистической подготовки студентов»⁴.

Плодотворность использования такой формы работы, как викторина, неоднократно доказывалась и подтверждалась на практике. Система лингвистических задач контролирующего характера, включающая видео- и аудиоматериалы, считается одним из перспективных видов ТСО при обучении языку. Большая информативность зрительно-слухового ряда, а также динамизм и ситуативность изображения делают этот вид наглядности особенно эффективным средством обучения речевому общению. Благодаря соревновательной составляющей создается эффект соучастия, у студентов-иностранцев возникает желание выполнить задание лучше и быстрее, проявить себя в нестандартных учебных условиях.

Урок-викторина — особо организованное занятие в игровой форме, требующее напряжения эмоциональных и умственных сил. Вопросы викторины сгруппированы по следующим разделам: «Презентация», «Разминка», «Фонетический конкурс», «Творческий этап». «Игра также предполагает принятие решения, индивидуального или совместного, ответы на вопросы: „Что делать?“, „Как поступить?“, „Почему именно так?“ и др.»⁵. Желание выиграть или просто найти ответ обостряют мыслительную деятельность участников, что позволяет раскрыть богатые обучающие возможности игры.

Результаты проведения игры-викторины на занятии по лингвострановедению позволяют говорить об эффективности подобной методики. Игровые технологии как элемент занимательности на уроке способствуют развитию интереса к изучаемому предмету, мотивации к обучению в целом, стремления к взаимодействию в процес-

се обучения. Состязание с давних времен остается очень действенным методом для развития и совершенствования познавательных, умственных и творческих способностей человека. Игра открывает студенту-иностранцу незнакомые грани в изучении русского языка, помогает по-новому взглянуть на привычный урок, способствует возникновению интереса к стране изучаемого языка, а значит, процесс обучения становится более эффективным. Целью обращения к игровым технологиям на уроках РКИ является приобретение учащимися конкретных практических навыков, закрепление этих навыков, раскрытие творческого потенциала студентов.

Викторина как игровая форма проведения урока, на наш взгляд, необоснованно забыта. К инновационным методам её отнести нельзя, но «реанимировать» в современных условиях, дать ей новую жизнь вполне возможно. Практика реализации урока-викторины на материале сведений о России способствует обогащению словарного запаса иностранных обучающихся, расширяет их кругозор. Она несёт в себе огромный эмоциональный заряд, решает не только общеучебные и развивающие задачи, но и воспитывает качества личности: инициативу, настойчивость, целеустремлённость, умение находить решение в нестандартной ситуации, лидерство и умение работать в команде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прохоров Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному. М., 1995. С. 26.

² Харитонова С. В. Педагогическое содействие развитию культурологической компетенции студентов университета на занятиях по иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2006. 149 с.

³ Новикова А. К. Использование видеоматериалов в процессе формирования лингвострановедческой компетенции иностранцев, изучающих русский язык // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2008. № 2. С. 35–41.

⁴ Дудина М. Г. Использование видеоматериалов на уроке английского языка // Современные тенденции в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации: матер. межд. конф. Электросталь, 2011. С. 46–48.

⁵ Резниченко Е. А. Обучение с увлечением, или Поиграем на уроке (использование игровых технологий на уроках литературы) // На путях к новой школе. 2014. Т. 1. С. 132–136.

Ю. Н. Здорикова

КНИГИ О ВОЙНЕ В КОНТЕКСТЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

YULIYA N. ZDORIKOVA

BOOKS ON WAR IN THE CONTEXT OF STUDENTS' PATRIOTIC EDUCATION

В центре внимания автора — проблема чтения книг о Великой Отечественной войне современными студентами. Автор обосновывает необходимость чтения произведений о войне как одного из факторов формирования патриотизма у современной молодежи. В статье приводятся результаты анкетирования студентов 18–20 лет, выявляющего отношение современной молодежи к одной из важных страниц нашей истории — Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: книги о войне, патриотизм, проблема чтения, современные студенты, система ценностей.

The article is devoted to the problem of modern students' reading of books on Great Patriotic War. The author proves the necessity of reading books about the war as one of the factors in the formation of patriotism among modern youth. The article presents the results of the monitoring of 18–20 years students, exposing attitude of today's youth to one of the most important pages of our history, the Great Patriotic War.

Keywords: books on war, patriotism, problem reading, modern students, system of values..

Юлия Николаевна Здорикова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Ивановского государственного
химико-технологического
университета
► Ulia_zdor@mail.ru

Патриотическое воспитание студентов сегодня занимает немало-важное место в системе воспитательной работы в вузе. Осознание молодого человека себя как личности, принадлежащей к определенному этносу, культуре, имеющим свои традиции, составляет неотъемлемую часть патриотизма. Патриотизм — это, пожалуй, высшая, важнейшая категория, связанная с ценностями социума. Патриотизм «интегрирует в своем содержании социальные, исторические, духовные, культурные, этнические и другие компоненты...» [1: 136], истинный патриотизм «является действенной побудительной силой и реализуется в ее деятельности на благо Отечества» [Там же].

Патриотизм формируется, воспитывается на протяжении всей жизни человека, связан с отношением к своему народу, родине, культурным ценностям, историческим традициям. На наш взгляд, патриотизм связан также и с отношением к родному языку как носителю и выразителю менталитета народа, нравственных, духовных ценностей общества. Патриотизм входит в систему ценностных установок любого гражданина, и поэтому представляет интерес определение его места и роли в системе ценностей молодого поколения, с которым связано будущее страны и государства. Не случайно в современных исследованиях об-

основано значение формирования ценностных ориентаций у будущих специалистов. По мнению Т. М. Кононовой, «завтрашний день России во многом определяется уровнем образования и профессиональной подготовки молодого поколения, его мировоззренческой позицией, желанием и способностью активно участвовать в жизни страны» [3: 48]. Значительная роль в формировании ценностного мира молодежи отводится высшим учебным заведениям. Как отмечают М. Г. Бодяк, Н. Г. Степанова, «одной из функций учебных заведений становится формирование ценностных ориентаций и развитие нравственных качеств личности, являющихся основой гражданского самоопределения и самореализации молодого человека» [1: 137].

Немаловажную роль в воспитании патриотизма играет художественная литература. О формировании индивида как социально и культурно адекватной личности через осмысление художественных образов и нравственных идеалов, нашедших отражение в произведениях литературы и искусства, пишут, в частности, В. Н. Вострикова, Т. Н. Ермилова. Ученые подчеркивают роль чтения, знакомства с произведениями искусства в воспитании патриота и гражданина: «Знакомство с историческими личностями и величайшими событиями, освоение культурного наследия прошлого, постижение общечеловеческих ценностей, изучение национальных традиций — именно это позволяет молодым людям осознать связь времен, свое место в истории» [2: 86].

В данном исследовании¹ мы хотели бы определить, что знают современные студенты о Великой Отечественной войне через чтение книг. Обращение к лучшим образцам литературного наследия позволяет определить уровень чтения современного студенчества. Чтение книг о войне, особенно сегодня, в год 70-летия Великой Победы, позволяет коснуться страниц нашей истории, понять причины возникновения конфликтов, реальную сторону войны, извлечь необходимый опыт и избежать ошибок.

Исследование проводилось путем анкетирования студентов 18–20 лет, обучающихся в вузах города Иваново, в основном ИГХТУ.

Результаты анкетирования показали широкий диапазон чтения современными студентами произведений о Великой Отечественной войне. Респонденты знают многие произведения о войне и читали их. Чаще всего назывались: повесть М. Шолохова «Судьба человека», Б. Васильева «А зори здесь тихие...», Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», В. Быкова «Сотников», поэма А. Твардовского «Василий Теркин», роман Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны», роман Ю. Бондарева «Горячий снег». Среди названных произведений также — повести Б. Васильева «В списках не значился», «Завтра была война», повести В. Быкова «Обелиск», «Дожить до рассвета», повесть С. Алексиевич «У войны не женское лицо», В. Катаева «Сын полка», В. Астафьева «Прокляты и убиты», Г. Бакланова «Навеки девятнадцатилетние», В. Некрасова «В окопах Сталинграда», роман М. Шолохова «Они сражались за Родину», В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Среди книг, которые понравились более всего, — «Повесть о настоящем человеке», поскольку «в ней говорится о мужестве и силе духа главного героя, что есть не у многих людей»², роман «Семнадцать мгновений весны», в основу которого положены реальные события, поэма А. Твардовского «Василий Теркин» — «произведение привлекает главным героем, его качествами — добротой, мужеством, жизнелюбием». Респонденты отмечают, что любая книга о войне дает бесценный материал: «Любая книга о войне учит нас ценить жизнь, защищать самое дорогое, верить, надеяться. Мы узнаем о таких качествах, как доброта, самопожертвование, умение дружить»; «Не бывает плохой книги о войне. В каждой говорится страшная правда о 1941–1945 годах. Каждый уважающий себя человек обязан прочитать хотя бы одну книгу об Отечественной войне!»

Какие герои, события, связанные с войной и военным временем, произвели большое впечатление на студентов? Среди героев это Алексей Мересьев: респондентов восхищает подвиг летчика, который с поврежденными ногами, преодолевая препятствия, нашел в себе силы добраться до своих, а спустя некоторое время, после операции, он снова сел за штурвал самолета и уничто-

жил немало врагов, для многих это пример для подражания; это неунывающий Василий Теркин; партизанка Лара Михеенко, которая, будучи совсем юной, участвовала в боевых операциях, переодевшись в лохмотья, узнавала расположение орудий, то, как расставлены часовые, тем самым оказала большую помощь военным; отважные девушки Соня, Галя, Лиза, Женья и Рита — героини повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...». Сильное впечатление на респондентов произвели сцены форсирования Днепра (В. Астафьев. «Прокляты и убиты») — «самое натуралистичное, жестокое и честное описание войны», описание тяжелой жизни и судьбы Марии (В. Закруткин. «Матерь человеческая»), подвиги детей в военное время.

Чтение книг о войне связано с проблемой исторической памяти. Без осознания причин страшных событий, понимания цены победы невозможна передача опыта поколений, невозможна их тесная взаимосвязь и преемственность. Что же думает современное молодое поколение о том, нужно ли читать книги о войне и почему? По мнению респондентов, чтение необходимо, и в первую очередь потому, что каждый человек должен знать историю своей страны, знать, какой ценой был оплачен мир, в котором мы живем, чтобы помнить о героях, об их подвигах. Литература — одно из средств передачи опыта от поколения к поколению. Респонденты отмечают, что книги о войне воспитывают патриотизм и заставляют задуматься о нашей жизни и жизни в те времена, провести сравнения и сделать выводы. Книги — ключ к сапознанию, и поэтому «интересно ставить себя на место героев и думать, а смог бы я поступить так же». Но, пожалуй, очень важно то, что чтение книг о Великой Отечественной войне, по мнению современных студентов, воспитывает чувство национальной гордости и патриотизма: «Чтение произведений о войне развивает чувство патриотизма, любви к Родине, заставляет гордиться своей страной и народом, который живет на ее территории, учит быть человечным даже в самой трудной и страшной ситуации, учит придерживаться своих принципов до конца, даже тогда, когда умирают твои друзья, учит любить,

верить, надеяться, учит объединению тысяч сердец ради одной великой цели — Победы»; «в наши дни необходимо читать книги о войне, особенно о Великой Отечественной, чтобы воспитывать дух патриотизма, гордость за свою страну, а главное, чтобы нынешнее поколение не забывало, благодаря кому оно живет на этой земле и имеет мирное небо над головой». Кроме того, респонденты отмечают, что читать книги о войне интересно, познавательно, чтение развивает внутренний мир, эрудицию. Интересно также узнавать взгляд автора, его видение войны.

Среди книг о войне, которые студенты рекомендовали бы прочитать своим современникам, — не только художественные произведения, романы, повести, стихи, но и документальная литература, чтение которой, по мнению респондентов, позволяет выработать свою точку зрения на происходящие события.

Итак, знакомство с произведениями о Великой Отечественной войне дает современным студентам бесценный опыт, учит ставить себя в подобные ситуации, воспитывает такие качества, как смелость, отзывчивость, готовность помочь в трудной ситуации. Современные студенты имеют возможность сравнить себя с такими же молодыми ребятами, оказавшимися в условиях войны. В этом плане показательна повесть К. Воробьева «Убиты под Москвой». В центре внимания автора — рота молодых кремлевских курсантов, которые попадают на войну, все лучшие, отобранные, рост 180 см. На протяжении повести автор показывает, как меняется их поведение на войне, как происходит взросление, становление личности: из неопытных юнцов они становятся бойцами, постепенно привыкают к ужасам войны. К. Воробьев на примере молодого командира Алексея Ястребова показывает, через какие перипетии приходится пройти неопытному молодому командиру, как происходит ломка его характера от осознания происходящего, как война меняет людей.

Опыт Великой Отечественной войны нельзя забывать, фрагменты произведений нужно обязательно использовать на занятиях в вузах, в частности, в рамках курса «Русский язык и куль-

тура речи», тем самым приобщая молодое поколение к одной из важных страниц нашей истории. Молодежь читающая, знающая традиции, историю и культуру своей страны, безусловно, будет представлять собой высокий потенциал для будущего России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при участии студентки 3-го курса Ивановского государственного химико-технологического университета Алены Алексеевны Колотиловой.

² Здесь и далее приводятся выдержки из анкет студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодяк М. Г., Степанова Н. Г. Патриотическое воспитание студентов ИРГСХА: проблемы и перспективы // Вестн. Иркутской гос. сельскохозяйственной акад. 2014. № 62. С. 136–141.

2. Востриков В. Н., Ермилова Т. Н. Патриотическое воспитание — составная часть духовно-нравственной культуры студентов // Вестн. Сибирского ун-та потребительской кооперации. 2014. № 3(10). С. 80–88.

3. Кононова Т. М. Формирование ценностных ориентаций молодежи на этапе высшего образования // Академический вестн. 2009. № 3. С. 46–50.

[хроника]

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА А. А. УХТОМСКОГО

(Окончание. Начало на с. 62)

но и доступно рассказать о его учении. А жизнь академика удивительна и разнообразна: князь из рода Рюриковичей, за плечами которого учеба в Московской духовной академии, где он стал кандидатом богословия, Восточный факультет Санкт-Петербургского университета и, наконец, физико-математический факультет этого же университета. Отдельного рассказа заслуживает его брат, оказавший огромное влияние на духовное становление ученого, — личность тоже незаурядная — епископ, один из основателей и лидеров катакомбной церкви. Особая, во многом прикровенная страница биографии ученого, — его духовная связь с русским старообрядчеством. Об истории рода и семьи Ухтомских рассказывает значительная часть экспозиции, в центре которой икона Алексея Человека Божия, написанная самим Алексеем Ухтомским. Отдельный зал рассказывает о естественнонаучных опытах ученого и о его полемике с Павловым. И словно бы обрамляют рассказ два зала бытовой экспозиции — комната из детства ученого с иконами, книгами, старинной мебелью и воссозданный кабинет академика из Ленинграда — начало и конец его пути.

Музей в тихом провинциальном Рыбинске стал средоточием научной жизни города: здесь регулярно проводятся конференции, посвященные Ухтомскому, он активно взаимодействует с вузами и школами Ярославщины. И живет будущим. Есть план его развития и реконструкции: сначала —

в доме, купленном дедом будущего ученого кн. Н. В. Ухтомским в 1867 году, воссоздать ту обстановку, какая здесь была в XIX веке, т. е. сделать музей по-настоящему мемориальным, а современную экспозицию, рассказывающую об А. А. Ухтомском и его открытиях, разместить во вновь построенном на «музейной» земле доме, который, используя важное для ученого понятие, будет назван «Домом Заслуженного Собеседника». Здесь же должна разместиться библиотека А. А. Ухтомского: в настоящее время в ней более 900 книг. И как завершение реконструкции — установить на охранной территории музея памятник академику, чья верность Истине — образец великой науки прошлого и будущего.

М. Л. Федоров, ИМЛИ РАН

ЛЕКСИКОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ: О «СЛОВАРЕ ГОВОРОВ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ»

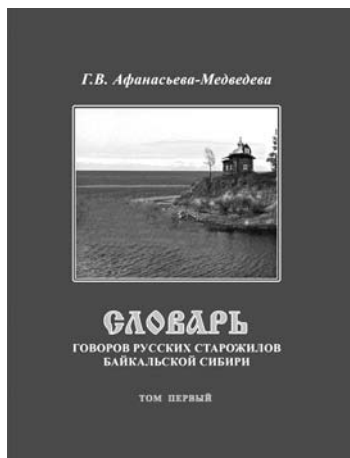
TATIANA D. ROMANTSOVA

LEXICOGRAPHY OF PEASANT LIFE: ON "THE DICTIONARY OF RUSSIAN OLD-TIME RESIDENTS OF BAIKAL SIBERIA"

Задуманный первоначально как 20-томное издание, но постепенно выросший в 40 томов «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» предоставляет исследователю уникальные материалы для разработки собственно лингвистических, лингвокультурологических, этнолингвистических, лингвогеографических и других проблем.

Сбором материалов для словаря уже более тридцати лет занимается доктор филологических наук, профессор Галина Витальевна Афанасьева-Медведева. И в одиночку, и с преподавателями и студентами Иркутской государственной академии образования, а с июня 2012 года с сотрудниками Регионального центра русского языка, фольклора и этнографии Иркутской области Галина Витальевна предпринимает полевые исследования, находит и изучает образцы вербальной культуры русского старожилого населения (обряды, обычаи, верования, сказки, песни, мифы, легенды, бытовые рассказы и т. д.). Более чем в полутора тысячах сел и деревень Иркутской и Читинской областей, Красноярского края, республик Бурятии и Саха (Якутии) ею зафиксированы культурно-исторические объекты, говорящие о самобытности народов региона и представляющие интерес для будущих поколений сибиряков. Более чем 200 000 памятников вербальной культуры составляют фонд аудиозаписей Центра русского языка, сделанных в условиях естественного бытования земледельцев, скотоводов, рыбаков, охотников, ремесленников. Параллельно с этим фондом создается электронная картотека нескольких тысяч талантливых рассказчиков-носителей фольклора, фотоархив памятников материального быта и предметов народного искусства, видеоарсенал производственных процессов Прибайкалья и Забайкалья.

Все эти документальные данные и составили «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой, который начал свой путь в 2006 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Наука», а сегодня выходит в свет в Иркутске, сохраняя научный патронат Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Института лингвисти-

ческий исследований РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Доктор филологических наук, ответственный редактор первого тома, научный редактор и рецензент второго тома издания Федор Павлович Сороколетов назвал словарь «выдающимся памятником духовной народной культуры Сибири второй половины XX — начала XXI столетия», «поистине самоотверженным подвигом», «титаническим трудом», который по богатству и ценности материалов «сопоставим со Словарем В. И. Даля».

Валентин Григорьевич Распутин именовал труд Г. В. Афанасьевой-Медведевой «новой редакцией „Повести временных лет“». В предисловии к словарю он написал: «До чего же звучно и красиво здесь слово, как радужно оно переливается, приобнимается с другими, чтобы сказать тепло и живо, трепещет крылышками, взлетая в замысловатых формах с каких-то таинственных гнездовий, почти песенно выговаривая душу...»

По типу определения значений диалектных слов «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» — переводно-толковый. Основными способами семантизации являются: развернутое толкование (включая описательное толкование с элементами энциклопедизма), синонимическая подстановка, развернутое толкование и синонимическая подстановка, толковательные формулы «То же, что», «Ласк. к...» и т. п.

Общие сведения о старожилах XVII–XVIII вв. (состав переселенцев, места заселения и внутреннего распространения, период формирования диалектов), гипотеза о сходстве говоров соседствуют в словаре со всеобъемлющим описанием уровневых особенностей речи русских старожилов Байкальской Сибири: фонетики (ударного вокализма, консонантизма), морфологии (существительного, местоимения, прилагательного, глагола, наречия, частицы), синтаксиса (частотных и нечастотных словосочетаний и предлогов, состава сказуемого, особенностей координации главных членов предложения, продуктивных типов связи в однородных конструкциях, т. д.). В результате анализа материалов словаря, сравнения этих данных с дан-

ными других письменных источников и архивных документов первой половины XVIII в., говоры русского старожилого населения Байкальской Сибири названы группой сибирских говоров, сложившихся на севернорусской основе.

Научная ценность источника состоит в том, что значение каждого слова иллюстрирует связный текст — произведение устной народной прозы (народный рассказ, предание, легенда, быличка, бывальщина и др.). Тексты собраны по принципу художественных достоинств и информационной насыщенности (культурно-исторической, фольклорно-этнографической). Тексты приведены без точной фонетической транскрипции, но с передачей основных диалектных особенностей (ударные гласные, долгие твердые шипящие, ассимилятивные и диссимилятивные процессы между согласными, упрощение групп согласных, стяжения). Внутри каждой статьи курсивом выделены типичные фонетические явления говоров и диалектные слова, которые являются заголовочными в данном словаре.

Все рассказы старожилов о местных нравах и обычаях, о психологии русских крестьян Сибири введены в науку впервые, равно как и уникальный видеоряд, сопровождающий предания, легенды, былички. На цветных фотографиях издания — мастера народного слова, предметы быта, фрагменты традиционной архитектуры, виды селений, домов, интерьера, местного ландшафта.

Чтобы сохранить для потомков образцы живой речи, некоторые тома словаря снабжены компакт-дисками с видеоматериалами. На электронные приложения записаны фрагменты устных новелл в момент их естественного бытования. Видеозаписи дают представление о характере исполнения, голосе рассказчика, его интонации, тембре, ритме и других особенностях звучащей речи старожилов.

В словаре использован известный в лексикографии принцип описания иллюстративного аппарата: комментарии, содержащие точные паспортные данные каждой текстовой единицы. К словарю присоединены приложения с указанием биографических данных информантов, мест записи текстов (отмечены все районы, области, края или республики, где бытует данное слово), мотивов и сюжетов.

Таким образом, «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» имеет непреходящую собственно лингвистическую и лингвокультурологическую ценность. Он, несомненно, расширяет представления о прагматическом разнообразии и эстетическом богатстве нелитературного пласта русского национального языка.

Перечислим основные позиции, демонстрирующие уникальность словаря как источника сведений о родном языке.

1. В словарь дифференциального типа вошла диалектная лексика и фразеология на темы природы, охоты, рыболовства, земледелия, скотоводства, пчеловодства, огородничества, строительства, традиционных ремесел, обрядов и верований. Словарь включает названия домашней утвари, орудий труда, одежды, обуви; топонимику, антропонимику. Все это — тематические разряды лексики, собранной методом «сосуществования», длительного пребывания у русских сибиряков-старожилов, которые убеждены, что их деды и прадеды — местные («здешние», «коренные») жители.

Например, в с. Бедея Кежемского района Красноярского края от Леонида Александровича Брюханова (1934 года рождения) в 1988 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, легший в иллюстративную часть словарной статьи:

«ВЗДЫМКА. *НА ВЗДЫМКЕ РАБОТАТЬ. Собира́ть живицу. Ср.: *НА ВЗДЫМКАХ РАБОТАТЬ.

На вздымке работал в химлесхозе. Ну, *вздымщик* на подсочке, добывал живицу, *корил* лес, подсачивал.

[— А что такое корить лес? — Соби́р.].

Это кору подготавливать к резке. Летом. А зимой *око-ряли* [221 (7). Бедея Кежемск. Красноярск.]»¹.

2. Словарь дает представление о лексическом разнообразии байкальских говоров русского населения, четко структурирует диалектные лексемы благодаря выделению структурных классов лексических (слов с корнями, отсутствующими или отличающимися словообразовательными аффиксами от литературных единиц; сложных слов, обе или одна часть которых известна в литературном языке), фонетических, семантических диалектизмов (слов, совпадающих с литературными по составу и звучанию, но расходящихся по значению); диалектных словосочетаний; фразеологических диалектизмов.

Например, в с. Седаново Усть-Илимского района Иркутской области от Марии Егоровны Шаманской (1933 года рождения) в 1986 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, составивший иллюстрацию к лексеме «вить»:

«ВИТЬ. *ВИТЬ ХОРОВОД. Водить хоровод, двигаться по кругу с пением и пляской.

Если *дождж* хороший, сильный шёл, когда вот урожай, вот когда надо было поливать, дак девки все выскакали на улицу, говорит... Но надо было *хоровод вить*. Обязательно. Но *токо* девкам восемнадцати лет, *гыт*, бегать кругом. За руки брались и как хоровод водили под дождём. Говорели, что пшеница наливается...И если

дождь пошёл такой сильный, и вот бабушка говорила всё время, что надо восемнадцати лет девкам хоровод *вить* обязательно под этим дождём. Это *баушка* рассказывала, баба Даша [340 (7). Седаново Усть-Илимск. Ирк. (Баргузинск., Кабанск., Кяхтинск. Бурятии; Балаганск., Баяндаевск., Боханск., Братск., Казачинско-Ленск., Катангск., Качугск., Ольхонск., Осинск., Слюдянск., Усть-Илимск. Ирк.; Тасеевск. Красноярск.; Сретенск., Шилкинск. Читинск.)]»².

3. Лексикографический источник систематизирует краевую ономастику (топонимы: ойконимы, гидронимы, оронимы, микротопонимы; антропонимы: личные имена, имена-прозвища; зоонимы, мифонимы, космо-нимы, агонимы, экклезионимы, народные названия праздников, этнонимы).

Например, в с. Ярки Богучанского района Красноярского края от Галины Федоровны Лушниковой (1929 года рождения) в 1986 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, составивший иллюстрацию к гидрониму:

«ВИНОКУРНЫЙ РУЧЕЙ. Гидроним. Название реки, протекающей на территории Качугского района Иркутской области.

У нас аппарат был самогонный раньше. В бочки за-таривам брагу, муки туда, и вот она стоит киснет-киснет, потом всё, уже надо варить. Мы на коня эту бочку и вон в ту... Варить-то, это там в лесу не видно, у этой, у *Винокурного ручья*. И туда увезут <...>. А там вдвоём и посиживашь, поваривашь. Пробеушь. Которы потом и выползти не могут *оттуль*. А который раз она *пригорь* получится! Вот мы с этого, какой вот у нас был, как... сабантуй-то назывался, после жнитва, допустим, в клубе соберёмся. А этот самогончишко бывает *пригорь*! Жрём! Ничего!

[— А делали-то из зерна? — Собира.]

Из зерна и из *аржаной* муки. Туда положишь дрожжей наберёшь, и в тепле [318 (7). Ярки Богучанск. Красноярск.]»³.

4. Словарный материал, расположенный в алфавитном порядке, снабжен сетью перекрестных отсылок к фонематическим и акцентным вариантам слова, что, в свою очередь, дает представление о вариантности как о важнейшей черте байкальских говоров.

Например, в с. Зюльзя Нерчинского района Читинской области от Ульяны Андреевны Анциферовой (1894 года рождения) в 1981 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, составивший иллюстрацию к наречию «вкрадкой»:

«ВКРАДКОЙ, нареч. Тайком, украдкой. Ср.: ВКРАД, ВКРАДКОМ, ВКРАДОЧКУ, ВКРАДУЧИ, ВКРАДУЧИСЬ, ВКРАДЧЕ, ВКРАДЧИМ, ВКРАДЧУ.

А *ичиги* шили из кожи. Скотину заколят, её выделают. В войну-то у нас отбирали же эту кожу, носить нечего, *обуток* не было. Дак *вкрадкой* делали эту, кожу-то. Вот сделаешь, вечером делаешь, а на день-то в подполье забрасывали. Ой, жили-то *всяко-разно*! А *счас* в народе и *браво* стало, жизнь, — уже смерть подходит [389 (7). Зюльзя Нерчинск. Читинск.]»⁴.

5. Словарь может служить прекрасным подспорьем для изучения стилистических регистров речи русского старожилородного населения Прибайкалья и Забайкалья. В источнике очерчен эмоционально-экспрессивный и оценочный фон говоров: используются пометы, указывающие на оценочную, экспрессивную, эмоциональную характеристику единиц; сделан акцент на отнесенность лексики к промысловой или ремесленной зоне: *охотн.*, *рыбол.*, *ткац.*; маркирована обрядовая лексика. Пометами, связанными с частотностью употребления, выделена архаичная лексика, связанная с утратой обозначаемых реалий или заменой наименования предметов.

Например, в с. Обор Петровск-Забайкальского района Читинской области от Нины Васильевны Кузнецовой (1935 года рождения) в 2008 году Г. В. Афанасьевой-Медведевой записан следующий текст, составивший иллюстрацию к экспрессиву:

«ВИСЛОБРОВЫЙ, -ая, -ое. Экспр. Хмурый, недоброжелательный, глядящий исподлобья.

Мама моя тоже *Стишку* в вид *видела*, бандита, он убивал богатых... И *Стишку* встретила. *Вислобровый* такой, говорит, взгляд-то такой страшный (...). Оне же жили-то на *станке*, мама-то.

А сюда-то переехали, в *Обор-то*, ну а дорога-то была, может, она *со станку* шли или где ли, и он её встретил. Встретил на *станке*, там где-то дорогой, да и спрашивает:

— Ты почему, бабушка, одна ходишь-то?

А она говорит:

— А чё?

— А *Стишку-то* не боишься?

Она говорит:

— Да не, не боюсь. Я чё его буду бояться,

Стишку-то?! — говорит.

А он и говорит:

— А вот я *Стишка*.

Ага. Прямо сказал:

— А я вот *Стишка* [328 (7). Обор Петровск-Забайкальск. Читинск. (повсем.)]»⁵.

6. В словаре выстроены синонимичные связи лексем внутри говоров — разнокорневые и однокорневые синонимы перечисляются в первой по алфавиту словарной статье после сопоставительной пометы «Ср.».

Например:

«ДВЕРЕДИТЬ, -жу, -дишь; несов., перех. *Ткац. Ссучивать; свивать, скручивать две нити (пряди) в одну. Ср.: ДВОЕРЯДИТЬ, ДВУРЕДИТЬ, ДВУРЯЖИТЬ.*

Сеяли конопль. Вырастет. Потом её начинают дергать. Выдержат таким горстям, завяжут в кучу, кучам большим ставят. Потом, когда подсохнет, молотить его надо, молотилом молотили. Измолотят, зерно там провеют, соберут в кучу, а это, значит, мочат, корни-то, неделю, две ли мочат. Вымочат его, потом *женски-то* вытаскуют и на мялке мнут. Изомнёшь. *Шшоткам* чесали и верёвки делали. Потом на *прядее* пряли. То лето пряли, потом *двередили*, ссучивали, чтоб толще были. На *задники* верёвки, на изовёртка вожжи. Кули пряли, трусы, полотенца шили, рубашки шили, юбки, платье. Я носила трусы: тонко мама нарядёт. Покрасят чистотелом: напаришь корни и в отвар и туда платье. Оно прямо *жарко-жарко*, красиво. К Пасхе, к празднику одеёшь [155 (13). Толмачёво Качутск. Ирк. (повсем.)]»⁶.

7. Словарь дает возможность по последовательности расположения значений многозначных слов определить логические или генетические связи между семантикой или частотой употребления слов (по убыванию).

Например:

«БРЮХО, -а, ср. 1. Живот.

А вот в *Зун-Мурине* тоже жил *Магай*. Наша тётка Фиса, дак он свёкор ей был. Он потом ходил, *баушка-то* отправит всего, хлеба наладёт, гостинца, а он заблядовал с тёткой этой, Аглей, с соседкой-то. Придёт по огороду и к тётке Агле зайдёт, и всё отдаст. А потом свекровка-то пришла к ей да говорит:

— Чё, понравилось?

Она говорит:

— А чё?

— А я тебе гостинца-то отправляла?

Она говорит:

— Нет, я никакого гостинца, — *грит*, — не видала, мне не приносит никогда.

Вот его разоблачили. А он потом знашь чё тётке Фисе заделал? У неё всю дорогу *брюхо* ревело. Вот эдак: «И-и-и!». Ой! Потом *брюхо* совсем утянулося у ней, пуп-то совсем туды утянулся. Она, бедна, так ходила. И потом всё давило-давило-давило её, всё ревело-ревело! Ой! Она говорит:

— У меня солитёр.

Папе, папка поедет в *Слюдянку*, она закажет:

— Купи-ка мне омуль. Я буду выводить, это солитёр.

И всё вот это, омуль ела. Он ей прямо привезёт вот такого омуля! Ой, чё здоровый омуль! Ага. Ой-ой, я удивлялась! Вот не поверишь: вот таки толстые и вот таки! Вот чё! Омуль. Он привезёт, она ест (...). Я часто к ей всё время ночевать бегала. И вот это:

— И-и-и! — закричит *в брюхе-то*.

И она потом так, слюна у ей вожжей шла-шла-шла, так умерла. Ничё они, это, не могли. Надо было к ламе, а он, *грит*, знал и, видно, сильно знал, какой-то *Магай* тоже, *грит*, жил. Вон дядя Яша-то, отец, видно, был. И вот ей заделал, вот свёкор-то. Она бедна, ой, чё мучилась-то! (...).

Тётка Фиса. Она жила на *Харшелоте*. Они две соседки, *врядом* жили.

А он обойдёт да и к тётке Агле зайдёт, всё ей отдаст [482 (4). Еловка Тункинск. Бурятии (повсем.)].

2. Живот беременной женщины.

Я одна. Трое детей у нас родилось. Старший сын с сорок восьмого года, самый голод. Я ходила в положении. Картошек нет, один турнепс, а турнепс рожался как ступля, полно подполье. Я вот этот турнепс или напеку его, или сырым ломтям нарезаваю: мне чем-то *брюхо-то* надо набить, он у меня там *становит*, ребёнок-то. Ну, вот *всяко-разно* растила его тоже *в брюхе*. Родила, мучилась — закусить даже вот с *родин*, даже капельки крошки хлеба. А он как раз, дед-то, был в городе, уехал за семьям на паре коней. Это было тринадцатого вот апреля. Вот он, это... Я как раз мучаюсь, рожаю ребёнка этого, первого, ну и молода ещё, это, девятнадцать лет, и трое суток мучаюсь. Уже без сознания, а сюда ехать двадцать пять километров, тут врач-то как была в *Ляпуновой*, двадцать пять километров верхом. А апрель, распутица, земля, *проступня*. А вон и сейчас *проступни*, ну, дорога-то, снег-то, проваливаются. Когда мягко идёшь, они проваливаются. Ну, даже по дороге, у меня вот Ольга, *Кольчинова* мать, Ольга со мной была, вела меня по деревне, по дороге, и мы падали. *Проступни. Проступимся* и падам. И едва поднимет меня, а у меня роды. И вот кое-как, это... Ну и водила. Он приехал вярхом, бросил коней, семена эти, горох. Приезжат. Ладно, что он, как... Ну, вот стояли меня тут. *Поисти* нечего, с *родин*. Господи! Чё, кого. Ну, кого-то, Бог его знает, *баланду* каку-то там принесли кто. Бабушки, четыре бабушки было, *баушничали*. Ну, родился, чё, некогда водиться было. Надо работать, зарабатывать, надо было в минимум вырабатывать двести сорок трудодней, *душа вином* [483 (4). Усть-Киренга Киренск. Ирк. (повсем.)].

3. Беременность.

У меня свекровка рассказывала. Мама, говорит, только приляжет... Невестка она, значит, его, дедушки невестка, мама-то её-то, свекровка-то. Она, говорит, всё делает: моет-моет (некрашено же было всё), белит, моет, скребёт. Только мама, говорит, приляжет, а он подойдёт, дед-то, и говорит:

— Солоня! — Соломонида она. — Солоня, вставать надо! Там налаживать на стол (Великий же пост, не ели же никого). — Солоня, вставать надо!

А я ей, свекровке-то, говорю:

— А чё Варварушку-то свою не будил, жену? Сильно уважал?

А она ничё делать не умела! Ничё, *гыт*, делать не умела, а любил! Пока, говорит, она, говорит, бегат-бегат-бегат — на столе всё ничего нет. Пока, говорит, нас мать чаем напоит, в зала дорогу проторит. И вязать начнёт — раньше же всё *самодельно*: вязали, ткали, пряли. Она ничего делать не умела, говорит <...>. Но прожила за ним.

Ну а вторая невестка, та — чистота, дети там — двадцать пять *брюх* было, девять в живых было. Всё делала как *метелёк*. Дак каждый день её бил. Он бил и приговаривал:

— Сама будешь сороковая.

Тридцать девять детей, а она будет сорокова. Ну, их было, правда, двадцать пять всего. Девять выросло.

— Сама, — говорит, — будешь сорокова.

Рябёнок, рябёнок, рябёнок — она *простая* не ходила. Идёт свадьба — уже сына женит. Ага, а моя бабушка рассказывает. Евдокия вышла, стоит, говорит, — *брюхо* большое! И *ещио* двоих родила. Невестка рожат, и она рожат. Вот так прожила. А ту — не шевелил. Варвара. Я говорю:

— Варварушку-то эту свою чё не будил?

А он:

— Вот не будил.

Это на Паску. А он сидит всю ночь молится, дедушка-то этот, Иван Иванович, всю ночь сидит молится, и она где-то во второй половине ночи-то уже должна стол накрыть, невестка-то. Вот она уже тут всё-всё на стол поставит, и мясное — тут всё ломится от мясного, от молочного [484 (4). *Чекан Жигаловск. Ирк.*]⁷.

Таким образом, материалы словаря дают довольно полное представление о той обширной лексической нише в пространстве русского национального языка, которая до сих пор была недостаточно хорошо известна специалистам и широкому кругу любителей языка.

Известный писатель, публицист Владимир Крупин сказал о словаре в интервью журналисту Иркутского областного радио Татьяне Сазоновой: «Для меня он то, что называют „насто́льная книга“... Это не столько Словарь, сколько портрет эпохи, памятник нравственности и силе русского народа, в данном случае — сибирского... Это судьбы людские, это величайшая тяжесть пробивания к жизни, сохранения семьи, деточек, стариков. Это свидетельство мощной выживательной силы нашего народа».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / Научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Т. 7. Иркутск, 2011. С. 177.

² Там же. С. 267.

³ Там же. С. 251.

⁴ Там же. С. 295.

⁵ Там же. С. 258.

⁶ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / Научн. ред. Л. Л. Касаткин, С. А. Мызников. Т. 13. Иркутск, 2014. С. 144.

⁷ Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: В 20 т. / Научн. ред. В. М. Гацак, Ф. П. Сороколетов. Т. 4. Иркутск, 2009. С. 375–378.

Т. Д. Романцова,

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник

Регионального центра русского языка, фольклора и этнографии Иркутской области, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента Иркутского государственного университета

О НОВОМ ПЕРЕИЗДАНИИ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ В. Е. АДОДУРОВА (1731 г.)

SERGUEY V. VLASOV, LEONID V. MOSKOVKIN

ON THE NEW REPUBLICATION OF V. E. ADODUROV'S RUSSIAN GRAMMAR (1731)

Рецензия на книгу:

ВАСИЛИЙ ЕВДОКИМОВИЧ АДОДУРОВ. «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» или «Первые основания русского языка» / А. А. Ветушко-Калевич, С. С. Волков, Л. Н. Григорьева и др.; отв. секр. Н. В. Карева. — СПб.: Нестор-История, 2014. — 256 с. — (Формирование русской академической грамматической традиции).

Рецензируемое издание впервые вводит в широкий научный оборот русскую грамматику В. Е. Адодурова — «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (далее — «Anfangs-Gründe»). Это небольшое (всего 48 страниц) произведение, написанное на немецком языке или переведенное на немецкий язык и опубликованное в 1731 году в качестве приложения к немецко-латинско-русскому словарю, так называемому

«Вейсманнову лексикону»¹, является первой печатной академической грамматикой русского языка.

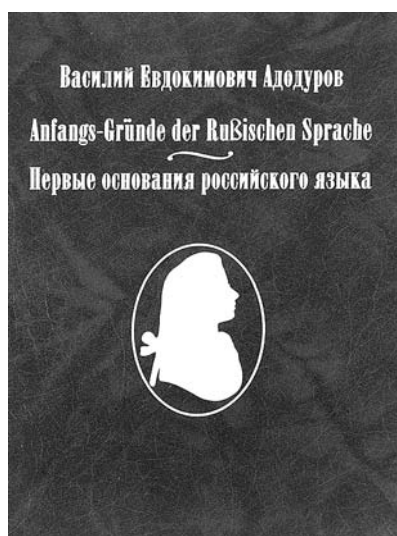
На протяжении долгого времени считалось, что первую академическую грамматику русского языка написал М. В. Ломоносов². Все же, что было до этого времени, признавалось малозначительным и не заслуживающим внимания. Однако после того, как Б. А. Ларин опубликовал в русском переводе со своими коммен-

тариями грамматику Г. В. Лудольфа³, и особенно после выхода в свет статьи Б. О. Унбегауна «Russian Grammars before Lomonosov»⁴, начались поиск, описание и научное изучение доломоновских грамматик, которых к настоящему времени, по данным Б. А. Успенского⁵, известно уже 13.

«Anfangs-Gründe» занимает среди них особое место. Во-первых, эта грамматика написана русским автором, что исключает использование ошибочных примеров. Во-вторых, она была единственной доломоновской русской грамматикой, созданной в Императорской Академии наук квалифицированным лингвистом и напечатанной в академической типографии, что гарантировало ее качество⁶. Наконец, «Anfangs-Gründe» — это одно из лингвистических произведений, являющихся вместе с пространной грамматикой Адогурова⁷ и учебником русского языка Михаила Гренинга⁸ ярким свидетельством формирования русской академической грамматической традиции, основателем которой, по нашему мнению, следует считать магистра Иоганна Вернера Паузе.

«Anfangs-Gründe» представляет краткий учебник русского языка для немцев (начальный курс), созданный по модели школьных учебников иностранных языков, восходящей к учебнику латинского языка Элия Доната. В первой главе вводятся русские буквы и объясняются правила чтения слов, в том числе и церковнославянских слов под титлами. Затем последовательно дается материал о существительных и прилагательных, местоимениях, глаголах, причастиях, наречиях, предлогах, союзах, междометиях. Последняя глава посвящена правилам синтаксиса.

Этот краткий учебник русского языка, как и немецко-латинско-русский словарь, в который он был включен, несомненно, были востребованы учащимися-немцами, о чем свидетельствуют их переиздания в России в 1782 и 1799 годах. Хорошо знал этот учебник и М. В. Ломоносов. Объясняя мотивы создания своей «Российской грамматики», он писал: «Сию грамматику я не выдаю за полную, но только опыт, ибо еще никакой нет, кроме славенской и малинькой в Лексиконе, весьма несовершенной и во многих местах неисправной»⁹. Несомненно, под «славенской» он имел в виду грамматику Смотрицкого, а под «малинькой в Лексиконе» «Anfangs-Gründe» Адогурова¹⁰. Все это свидетельствует о широком распространении «Anfangs-Gründe», но,

тем не менее, после выхода грамматики Ломоносова и появления множества основанных на ней грамматик, в том числе и учебников русского языка для иностранцев, грамматика Адогурова постепенно утратила свою значимость как учебник русского языка для иностранцев.

В XX веке грамматика «Anfangs-Gründe» интересовала лишь специалистов по истории языкознания как одно из первых описаний русской грамматики и специалистов истории русского языка как свидетельство формирования литературного языка на народно-разговорной основе. В 1969 году репринт «Anfangs-Gründe» опубликовал Б. О. Унбегаун в книге, где также были приведены тексты русских грамматик Э. Копиевича и М. Гренинга¹¹. В 1982 году репринтное издание «Anfangs-Gründe» вошло в третий том переиздания «Вейсманнова лексикона»¹². К сожалению, обе книги лишены критического научного аппарата.

Новое переиздание «Anfangs-Gründe», подготовленное коллективом, в который вошли сотрудники Института лингвистических исследований РАН и Санкт-Петербургского государственного университета под руководством К. А. Филиппова и С. С. Волкова, выгодно отличается от предыдущих переизданий.

Во-первых, оно делает «Anfangs-Gründe» доступным всем, интересующимся историей отечественного языкознания. В нем впервые дается не только высококачественная фотокопия оригинала, подготовленная к печати участниками проекта, но и текст грамматического трактата Адогурова в современной латинской графике. В подготовке к изданию немецкого текста в современной графике приняли участие О. В. Лебедева, Н. В. Карева и К. В. Манёрова. Перевод «Anfangs-Gründe», выполненный Л. Н. Григорьевой, позволяет ознакомиться с сочинением В. Е. Адогурова широкому кругу читателей, для которых чтение немецкого оригинала XVIII века представляет определенные трудности. В его подготовке к изданию принимали участие К. А. Филиппов, С. С. Волков, Н. В. Карева и А. А. Ветушко-Калевич.

Публикация «Anfangs-Gründe» сопровождается весьма полезными указателями грамматических терминов (сост. А. А. Ветушко-Калевич, М. В. Корышев, К. В. Манёрова) и русских примеров (сост. Н. В. Карева), облегчающими работу исследователей. Кроме того, из-

дание содержит четыре статьи, посвященные общей презентации «Anfangs-Gründe» (авторы: С. С. Волков, Н. В. Карева, К. А. Филиппов), биографии Адодурова (автор — С. С. Волков), значению «Anfangs-Gründe» в формировании академической грамматической традиции (автор — Н. В. Карева) и особенностям немецкого языка «Anfangs-Gründe» (автор — К. В. Манерова). Помимо научных статей и обширной библиографии к ним, издание дополняют три приложения — 1) переиздание авторитетной биографии Адодурова, составленной академиком П. П. Пекарским¹³; 2) осуществленная авторским коллективом публикация рукописной служебной записки Адодурова президенту Академии наук барону И.А. фон Корфу с предложением плана учебных занятий для прибывших в Санкт-Петербургскую Академию наук учеников Московской Славено-греко-латинской академии, в числе которых был М. В. Ломоносов; 3) переиздание «пространной грамматики» В. Е. Адодурова, так называемой «рукописи Ивана Сердюкова», опубликованной в 1975 году Б. А. Успенским. Эти материалы дают достаточно полное впечатление о деятельности этого выдающегося лингвиста.

В статье С. С. Волкова, Н. В. Каревой и К. А. Филиппова «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Е. Адодурова» приводится краткая история создания «Вейсманнова лексикона», уточняется оценка, данная Адодуровым специфически славянским элементам в русском языке, сопоставляются взгляды Адодурова на язык с идеями молодого В. К. Тредиаковского, анализируются русские примеры в «Anfangs-Gründe» с точки зрения формирования новой концепции литературного русского языка. Труд русского филолога впервые рассматривается в контексте развития немецкого языка и немецкой культуры эпохи Просвещения.

Статья С. С. Волкова «В. Е. Адодуров: несколько дополнительных замечаний к традиционной биографии» (с. 17–29) не только дает аналитический обзор известных и малоизвестных, в том числе рукописных, работ, посвященных биографии ученого, но и содержит новые сведения о роде Адодуровых по неопубликованным архивным источникам. В. Е. Адодуров предстает перед нами как яркий представитель русского Просвещения XVIII в., талантливый математик, опытный переводчик и педагог, выдающийся филолог — единомышленник раннего Тредиаковского и непосредственный предшественник Ломоносова в разработке основ русской академической грамматики, видный государственный деятель и один из первых организаторов российской университетской науки.

В статье Н. В. Каревой «В. Е. Адодуров и формирование грамматической традиции в России первой половины XVIII в.» подчеркивается новаторский характер языковой программы автора «Anfangs-Gründe», предложившего не только реформу русской орфографии, но и новые основания для литературного русского языка, ориентированного не на старшую, церковно-славянскую норму, а на устную речь образованных русских. В своей статье Н. В. Карева ограничивается лишь кратким анализом самого текста «Anfangs-Gründe», без его развернутого сопоставления с предшествующей и последующей русской грамматической традицией. Подобное детальное сопоставление трактата Адодурова с учебниками по русской грамматике для иностранцев и для русских учащихся еще предстоит осуществить в дальнейших исследованиях. Интересно было бы тщательно проанализировать соотношение «Anfangs-Gründe» с грамматикой М. Смотрицкого, с трудами по русской и немецкой грамматике И. В. Паузе и М. Шванвица, а также рецепцию «Anfangs-Gründe» в грамматиках Ж.-Б.-Ж. Шарпантье, Я. М. Родде и в русской грамматике, ошибочно приписываемой И. Астахову¹⁴.

В статье Л. Н. Григорьевой «Грамматический трактат В. Е. Адодурова “Anfangs-Gründe der Russischen Sprache”: особенности языка и стиля» показано соответствие текста «Anfangs-Gründe» особенностям немецкой научной речи конца XVII — начала XVIII века.

В заключение хотелось бы отметить следующее: для работы исследователей в области истории русского языкознания в XVIII веке необходимы современные переиздания и других доломоносовских печатных грамматик, например, грамматики Э. Копиевича¹⁵, которая считается редкой книгой, а также рукописных грамматик, например грамматики И. В. Паузе¹⁶. Надеемся, что переиздание «Anfangs-Gründe» будет первым шагом в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Teutsch-Lateinisch und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Rußischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскій и русскій Леѣиконъ купно съ первыми началами русскаго языка къ общей пользѣ при Императорскои Академіи наукъ печатію изданъ. СПб.: Типогр. Имп. Академіи наукъ, 1731.

² Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1755.

³ Ларин Б. А. Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика (Оксфорд, 1696). Л., 1937.

⁴ Unbegaun B. O. Russian Grammars before Lomonosov // Oxford Slavonic Papers. 1958. Vol. 8. P. 98–116.

⁵ Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // Доломоновский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language (Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г.) / Editors: A. Sjöberg, L' Durovič and U. Birgegård. Stockholm, 1992 (Slavica Suecana. Series B –Studies. Vol. 1). P. 63–169.

⁶ К академическим грамматикам мы не относим изданную в 1730 году «Граматику Французскую и Русскую...», которая была «побочным» продуктом деятельности сотрудников Академии наук. См.: Власов С. В., Московкин Л. В. Некоторые новые соображения по поводу истории создания «Граматики французской и русской ...» 1730 года // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. Вып. 3. С. 125–137.

⁷ Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке (доломоновский период отечественной русистики). М., 1975.

⁸ Groening M. Российская грамматика. Thet är Grammatica Russica, eller Grundelig Handledning til Ryska Språket. Stockholm, 1750.

⁹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. Тр. по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л., 1952. С. 690–691.

¹⁰ Там же. С. 934.

¹¹ Unbegaun B. O. Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. München, 1969.

¹² Weismann's Petersburger Lexicon von 1731. Specimina philologiae slavicae: Bd. I–III. München, 1982.

¹³ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1870.

¹⁴ Авторы данной рецензии уже отчасти касались этой интересной темы. За неимением места, помимо обширной

библиографии работ о «доломоновском» и ломоносовском периодах истории русской грамматики, приведенной в рецензируемом издании, сошлемся только на наши статьи, посвященные учебникам русского языка для иностранцев, опубликованным в России в XVIII в., в которых прослеживается влияние грамматики В. Е. Адогурова на эти учебники: Власов С. В., Московкин Л. В. 1) Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Russische Sprachlehre» Якоба Родде (1773 г.) // Литературная культура России XVIII века. Вып. 5. СПб., 2014. С. 151–163.; 2) Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Новая российская грамматика» (1788) // Литературная культура России XVIII века. Вып. 2. (Сб. научн. ст.). СПб., 2008. С. 65–76. См также: Власов С. В., Московкин Л. В. Из истории создания учебников русского языка как иностранного в России: «Основы русского языка» Шарпантье и Мариньяна (1768) // Мир русского слова. 2007. № 1–2. С. 72–80.

¹⁵ Kopijewitz E. Руководение въ грамматику во Славяно-русскую или Московскую. Manuductio in grammaticam in sclavonico Rosseanum seu Moscoviticam. Stolzenberg, 1706.

¹⁶ Paus J. W. Anweisung zur Erlehnung der Slavonisch-Russische Sprache zum Nutzen sonderlich der teutschen Nation aufgesetzt. 1704–1729. Рукописный отдел Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге. Иностранная рукопись Q 192. См. также фрагмент русской грамматики, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале РАН. Фонд 3, оп. 1, № 332.

С. В. Власов, Л. В. Московкин,

Санкт-Петербургский государственный университет

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ РОДОСЛОВНОЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ: СЛУЧАЙ Л. УЛИЦКОЙ

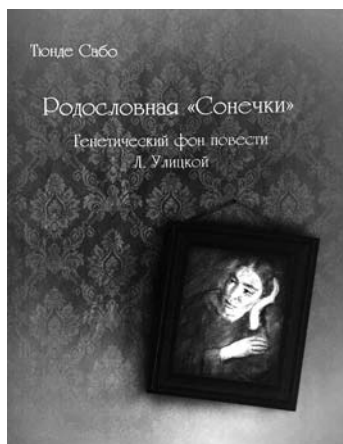
MARIA A. CHERNYAK

THE EXPERIENCE OF THE LITERARY HERO'S FAMILY TREE WRITING: LYUDMILA ULITSKAYA'S CASE

Рецензия на книгу:

Сабо Т. Родословная «Сонечки». Генетический фон повести Л. Улицкой. Szombathely, 2015.

Автор книги — венгерский славист, доцент кафедры русского языка и литературы Педагогического факультета им. Даниэла Бержени Университетского центра «Савария» при Западно-венгерском университете, член Международного общества Достоевского, председатель Общества славянской истории и филологии, центр которого находится в Сомбатхее. В круг ее научных интересов входят поэтика романов Ф. М. Достоевского и проблемы современной русской прозы на фоне литературной традиции. Именно этими

научными интересами и обусловлена тема рецензируемой книги.

В своей замечательной «Родной речи» П. Вайль и А. Генис писали: «Для России литература — точка отсчета, символ веры, идеологический и нравственный фундамент. Можно как угодно интерпретировать истории, политику, религию, национальный характер, но стоит произнести „Пушкин“, как радостно и дружно закивают головами ярые антагонисты. Конечно, для такого взаимопонимания годится только та литература, которую признают клас-

сической. Классика — универсальный язык, основанный на абсолютных ценностях. Русская литература золотого XIX века стала нерасчленимым единством, некоей типологической общностью, перед которой отступают различия между отдельными писателями». Для поэтики современной русской литературы эти слова приобретают особое звучание. И в этом контексте повесть одного из ведущих авторов современного литературного процесса Людмилы Улицкой «Сонечка» представляет несомненный интерес.

Выбранные Тюнде Сабо в качестве эпиграфа слова О. Уайльда «А ведь у человека есть предки не только в роду: они у него есть и в литературе. И многие из этих литературных предков, пожалуй, ближе ему по типу и темпераменту, а влияние их, конечно, ощущается им более сознательно», в какой-то степени определяют внутреннюю логику книги, посвященной прочтению повести «Сонечка», главная героиня которой, «пасла свою душу на просторах великой русской литературы».

«Классика — то, что каждый считает нужным прочесть и никто не читает», — эта ироническая максима М. Твена сегодня наполняется новым смыслом. Эксплуатация культурного интертекста как «бесконечной кривой, касающейся бесконечного множества кривых в бесконечном множестве точек» (Делез), в современной прозе получала свое оформление в виде бесконечных игр с классическим текстом «золотого века».

Ю. М. Лотман в одной из своих статей очень точно назвал *информационным парадоксом* признание классических текстов в роли канонов в эпохи неканонических искусств: «...скрытые в нем источники информативности позволяют тексту, в котором все, казалось бы, заранее известно, становиться мощным регулятором и строителем человеческой личности и культуры»¹. Канонизированный текст, по Лотману, организован не по образцу естественного языка, а «по принципу музыкальной структуры», не передает новую информацию, но побуждает к пониманию: в неканоническом тексте воспринимается новая информация извне, в каноническом тексте возникает «самовозрастание информации, <...> аморфное в сознании получателя становится структурно организованным». Получатель канонического художественного сообщения «не только слушатель, но и творец, он сам структурирует своё сознание под влиянием канонизированного»². Концепция Ю. М. Лотмана объясняет причину обращения к классике в современную эпоху потребления и узнавания вместо познания. Классика часто выступает в роли канона, хотя канон лишён са-

кральности, создан автором, признан образцом лишь в границах исторической эпохи или одного литературного течения. Содержание и язык классического произведения при восприятии, с одной стороны, редуцируется до «горизонта ожидания» исторической эпохи, с другой стороны, при интерпретации и переводе классического текста на новый язык возможно приращение смысла. Классическое произведение может стать «возбудителем» современного сознания и порождать тексты, в которых расширяется и углубляется познание бытия, но может превратиться в тиражирование формул, приёмов.

В статье «Молчание классики» Д. Быков с иронией отмечает: «Представьте себе человека, у которого на чердаке стоит заветный сундук. Он старается его не открывать, чтобы не потревожить хранящиеся там драгоценности, но пребывает в твердой уверенности, что этот запас, еще от предков, в его полном распоряжении. В крайней нужде всегда его можно достать: смотрите, что у меня есть! В один прекрасный день он хочет все-таки посмотреть на свои сокровища. И отпирает. И вылетает оттуда белое облако моли, а на дне лежит какой-то бурый порошок, оставшийся от шубы. И все. Нечто подобное испытывает сейчас россиянин, желающий обратиться к великому наследию. Нет, что говорить, отчасти мы сами виноваты! Это ведь мы сами держали классику в советском сундуке, запрещали кощунственное осовременивание — и в результате жемчуг, который не носят, погас без соприкосновения с живым телом. Остался набор штампов: письмо Онегина к Татьяне, небо Аустерлица, „Не говори красиво“, „Что такое обломовщина“ и „Почему люди не летают“»³. Надежным противовесом от моли в какой-то степени становится современная литература, вступающая в постоянный, непрекращающийся, многофункциональный диалог с русской классической литературой.

Т. Сабо настаивает, что специфика повести Улицкой «Сонечка» состоит в том, что она находится на стыке литературных течений и направлений «пост» и/или «нео»: постмодернизма, пост- или неореализма и неосентиментализма. Такое пограничное положение текста дает возможность автору книги выявлять и более глубокие тенденции современного литературного процесса.

Т. Сабо выстраивает систему литературных зеркал, в которых текст Улицкой причудливо отражается, создавая эффект многочисленных отражений. В книге предельно точно продемонстрирована, как некоторые элементы сюжета повести перекликаются с сюжетами произведений начала XX века, которые, в свою оче-

редь, являются наследниками литературы «золотого века». Эти явные и косвенные сюжетные переклички объединяются, по мнению. Т. Сабо, в сложно структурированный поэтико-семантический комплекс.

Выявление разных рядов родственных «Сонечке» произведений (от «Русской красавицы» В. Ерофеева до «Наводнения» Е. Замятина, от «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского до «Камеры обскура» В. Набокова, от «Портрета Дориана Грея» до «Портрета» Н. В. Гоголя и др.) позволило автору книги не только рассматривать эти тексты в качестве родословной повести Улицкой (в каждом из этих генетически близких текстов затрагивается проблема взаимоотношения действительности и фикции), но и прийти к выводу, что в повести «Сонечка» проблема взаимопроникновения жизни и искусства «генетически закодирована» как основная. Такой исследовательский ракурс позволил Т. Сабо убедительно представить новую интерпретацию повести Л. Улицкой, обоснованную и в диахронном, и в синхронном аспектах.

«Мифологизм и реализм», «Сентиментализм и игра», «Мотив ребенка и жертвы», «Сюжетные переклички с произведением М. Цветаевой „Повесть о Сонечке“», «Принцип игры в повести „Сонечка“», «Сюжетные переклички с романом В. Набокова „Камера обскура“» и др. — это не только названия разделов книги, но и узловые точки научной концепции, определяющие и четкую структуру книги, и убедительную логику исследования.

Для Сонечки чтение является особой формой «наркоза»: «Был у нее незаурядный читательский талант, а может, и своего рода гениальность. Отзывчивость ее к печатному слову была столь велика, что вымышленные герои стояли в одном ряду с живыми, близкими людьми». Очевидно, что Л. Улицкая провоцирует

читателя искать в тексте прямые и косвенные отсылки к тому или иному литературному произведению. Но Т. Сабо убедительным и тонким анализом текста доказывает, что игровой принцип в повести Улицкой отличается от постмодернистских игр с классикой. Игра в «Сонечке» — это не пустая форма или комбинация цитат, а самый важный структурный принцип, благодаря которому рождается художественное произведение и возобновляется потерянная цельность человеческой личности.

Т. Сабо приводит замечательную мысль У. Эко о том, что «произведение в движении представляет собой возможность множественного личного вмешательства, но не является аморфным призывом к вмешательству неразборчивому: это призыв (не обусловленный необходимостью и не являющийся однозначным) к направленному вмешательству, призыв свободно войти в мир, который, однако, всегда является миром, желанным автору». Безусловно, автору книги не только блестяще удалось сформулировать личный ответ на призыв повести Л. Улицкой, но и раскрыть потенциальному читателю одну из интересных интерпретаций «Сонечки».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Избр. ст. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 247.

² Там же.

³ Быков Д. Думание мира. СПб., 2014. С. 176–180.

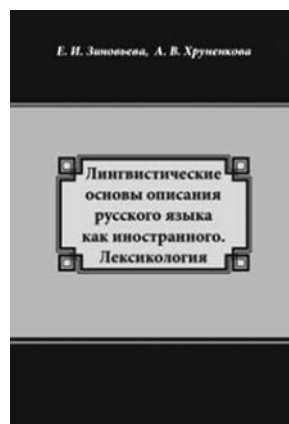
М. А. Черняк,
д-р филол. наук, проф. каф. русской литературы
РГПУ им. А. И. Герцена

[предлагаем вашему вниманию]

Зиновьева Е. И., Хрункова А. В. Лингвистические основы описания русского языка как иностранного. Лексикология. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 220 с.

Книга представляет собой учебное пособие по одному из разделов коллективного лекционного курса «Лингвистические основы описания русского языка как иностранного». Учебник посвящен основным понятиям лексической семантики, структуре лексической системы современного русского языка, методам исследования лексики в аспекте русского языка как иностранного. В конце каждого раздела предлагаются вопросы и задания. Задания включают практикум, поисково-творческие задания и задания для самостоятельной работы. В конце каждой главы учебника приводятся обобщающие тесты. Задания для самостоятельной работы и обобщающие тесты снабжены ответами для самопроверки, которые помещены в конце книги.

Учебник адресован учащимся бакалавриата отделения «Русский язык как иностранный» филологических факультетов российских вузов

АЙЗА ПЕССИНА ЛОНГО

HAISA PESSINA LONGO

В августе 2015 года ушла от нас профессор факультета иностранных языков и литератур (ныне Школа иностранных языков, литератур и культур) Болонского университета Айза Пессина Лонго. Более 30 лет она обучала студентов русскому языку, вводила их в мир русской литературы. Благодаря высокому уважению к культуре России и настоящему организаторскому таланту при появлении европейских фондов для поддержки восточноевропейских университетов она разработала и представила проект договора между Болонским и Санкт-Петербургским университетами, который был утверждён Министерством Италии, выделившим фонды для модернизации библиотеки СПбГУ, обмена преподавателями, проведения научных конференций. В 2000 году был проведён вызвавший большой интерес у преподавателей и студентов-русистов Круглый стол «Литература на берегах Невы». На нем выступили известные петербургские писатели, наиболее значительные их произведения были переведены и опубликованы в Италии.

При внимании к учебному процессу и созданию учебных пособий по русскому языку (например, Основы русского языка для физиков — 1972), главным занятием Айзы Лонго и её любовью была русская литература, где ведущее место занимала русская женская поэзия, которую она не только изучала, но и переводила. Так в 2001 году вышел большой сборник переводов «Zarine di poesia e di bellezza. Presenze femminili nella poesia russa dell'Ottocento» («Царицы поэзии и любви: женские фигуры русской поэзии XIX века» — А. П. Бунина, З. А. Волконская, Е. В. Кульман, Е. П. Ростопчина, К. К. Павлова, Ю. В. Жадовская). Статьи А. Лонго можно найти и в Интернете, например: «Два поэта:

Анна Ахматова и Марина Цветаева» (<http://www.akhmatova.org/articles/longo.htm>); была она и автором нашего журнала.

Совершенно особое место в кругу своих интересов А. Лонго отводила М. Цветаевой. Её доклады о творчестве поэта, исследовательские работы хорошо известны как в Италии, так и в России. В 1998 году вышел в её переводе на итальянский язык сборник стихов «Amica» (Подруга), в 2000 году — «Lato oscuro dell'amore» (Тёмная сторона любви). Ею были найдены, переведены и опубликованы письма отца М. Цветаевой из Болоньи по поводу 800-летия Болонского университета, записки Цветаевой об отце и статья самой Айзы Лонго об их отношениях («Lettere da Bologna», 1988).

В 2006 году А. Лонго был выпущен большой сборник «IL velo di marmo» («Мраморная вуаль. Каролина Павлова и русская романтическая поэзия»). Каролина Павлова предстала в этом сборнике не только в поэтическом облике: Айза Лонго во дворце Кочубея в Пушкине (в Царском селе) случайно увидела скульптуру из белого каррарского мрамора В. П. Бродзского (1881) «Дама под вуалью». Она показалась ей почти символическим образом поэтессы и вошла в публикацию произведений К. Павловой на итальянском языке.

Невозможно в короткой публикации рассказать об удивительном, добром, отзывчивом, умном человеке, воплощении безукоризненной женственности и достоинства. Но память об Айзе Пессине Лонго будет жить в сердцах всех знавших её, учившихся у неё, слушавших её доклады и читавших её прекрасные переводы и исследования.

Л. А. Вербицкая,
К. А. Рогова

МОНГОЛИЯ

СТЕРЕОТИПЫ О МОНГОЛИИ И РЕАЛЬНОСТЬ XXI ВЕКА

TAMARA V. BRONSKAYA
STEREOTYPES ON MONGOLIA
AND THE REALITY OF THE 21ST CENTURY

**«... Мне так мила
и сердцу так нужна
Монголия —
прекрасная страна...»**

*Любимое стихотворение
монголов, написано в 1934 году
основателем современной
монгольской литературы,
Даршдоржийн Нацагдорж,
выпускником Ленинградского
института нацменьшинств,
по меткому выражению
В. Катаева, «монгольским
Пушкиным»*

Современная Монголия: какая она?

Что знают в России о Монголии: степи, кони, юрты, мясо... С одной стороны, это страна Великой степи, колыбель кочевых народов, родина Чингизхана — несказанной древностью дышит эта земля.

Монголия — страна для вдохновения и медитации. Бескрайняя, как море, цветущая степь с ароматом душистых трав, удивительно красивые и фантастически разнообразные природные ландшафты, мистически яркое звездное небо, свежий воздух и чистая вода родников, колоритные барханные пески и развалины древних буддийских храмов; сохранившаяся до наших дней неспешная этнокультура кочующих войлочных юрт, караваны верблюдов, лохматые яки, табуны диких антилоп — в мире сохранилось мало стран, где природа находится в таком девственном состоянии.

Колыбель Великой в прошлом империи, до недавнего прошлого — скромная скотоводческая держава с непривередливым уровнем жизни и дешевыми товарами из кожи и шерсти животных, сегодня поражает воображение своими переменами, и это, с другой стороны.

Привычные стереотипы о Монголии имеют все меньше и меньше общего с реальностью. Сегодня эта страна — один из самых перспективных внешнеэкономических игроков в Азиатском регионе и одна из быстрорастущих экономик мира. Долгое время Монголия входила в малопочетный топ самых бедных стран мира, за последние 15 лет, после победы демократической революции, нация прорубила окно, если

не в Европу, то, по крайней мере, в лигу цивилизованных стран. Это историческое достижение.

Монгольское экономическое чудо имеет рентный характер. На рубеже веков вялотекущий экспорт кашемира и кож утратил актуальность на фоне бума разработки уникальных горнорудных месторождений на юге страны. Уголь, медь, золото, молибден, уран, редкоземельные металлы — все это пошло на продажу и стало приносить впечатляющий доход. При трехмиллионном населении Монголия имеет только разведанных запасов ценных ресурсов на 2,75 триллиона долларов. Таким образом, при благоприятном стечении обстоятельств Монголию ждет судьба Кувейта, ОАЭ и Катара, где малочисленное местное население буквально утопает в деньгах, полученных от экспорта сырья.

Современная Монголия уверенно претендует на лидерство в Центрально-Азиатском регионе. Основным критерий, определяющий это стремление, — уровень развития демократии, фиксируемый многими западными экспертными структурами.

Монголия — действующая парламентская демократия. Для столь бедной азиатской страны это удивительно, учитывая, что все ближайшие соседи исповедуют авторитарные модели. В Монголии проходят свободные всеобщие выборы, власть регулярно сменяется, а Великий Государственный Хурал осуществляет реальный контроль над исполнительной властью. Для справки: правительство страны формирует именно Хурал, он же обладает правом вето по всем ключевым вопросам.

Ядро политической жизни — постоянное противостояние двух крупнейших политических

партий: Монгольской Народной партии и либеральной Демократической, что иногда порождает парламентские кризисы, переходящие в открытые столкновения. Тем не менее местной политической элите удастся сохранить хрупкий баланс сил. С некоторыми оговорками можно заключить, что сейчас у власти в стране находятся прогрессивные рыночники, настроенные на решительные реформы и дальнейшую интеграцию страны в глобальные экономические и политические процессы.

Смелые мечты «новых монголов» и их национальные бренды

«Новые монголы» — местные бизнесмены охвачены идеей превратить Улан-Батор в мировой финансовый центр уровня Сингапура, Гонконга и Шанхая. Пока это только смелые мечты, но определенные подвижки в этом направлении обнаруживаются уже сейчас. Так, в самом центре Улан-Батора высится красивое здание с вывеской «International commercial centre». В стране принято либеральное законодательство, максимально защищающее право частной собственности и бизнес в целом. Быстрыми темпами развивается рынок недвижимости, торговля, сфера услуг. За последние десятилетия миграция в столицу сельского населения стала массовой, почти половина трехмиллионного населения Монголии сегодня живет в Улан-Баторе. Люди меняют профессии, уходят в торговлю, туризм и другие сферы услуг. Вчерашний чабан или механизатор становится гидом-переводчиком и водителем такси, доярка встает за прилавком крупнейшего универмага столицы.

Улан-Батор образца 2015 года похож на гигантский муравейник: в степи, с нуля возводятся

целые спальные районы и огромные торгово-развлекательные молы, растут элитные кварталы, 25-этажные небоскребы, построенные из стекла и бетона. Только в столице зарегистрировано около 400 тысяч автомобилей. Для разгрузки городских пробок правительство планирует начать строительство многоуровневых развязок и эстакад.

Гордость монголов — продукция национальной фабрики «Гоби». Это огромный производственный комплекс на окраине Улан-Батора, на фабрике обрабатывается шерсть разных животных от верблюдов и яков до нежнейшего пуха козы. Внедрение в производство международных стандартов качества резко повлияло на конечный продукт. Особенно это заметно на монгольском кашемире. В брендовых магазинах можно купить одеяло из чистого кашемира, вполне европейских фасонов пальто, жилеты, шапки, шарфы. Красивой продукцией «Гоби» являются тонкие цветные палантины. Сами монголы, особенно монголки, очень любят кашемир, несмотря на его высокую стоимость и крайнюю непрактичность.

В последнее время в Монголии появились национальные бренды изделий из доброкачественной кожи, по качеству и цене не уступающие итальянским фирмам. Есть в Монголии еще одна национальная гордость — это стопроцентные шерстяные ковры. В городе Эрдэнэт работает специальная фабрика, которая делает ковры для Монголии и на экспорт.

Национальным брендом этой удивительной степной страны можно назвать мясо. Оно в Монголии, как хлеб в России, основной продукт питания. Мясо едят вареным, сырым, жареным, тушеным и даже сушеным, как чипсы. По потреб-

лению мяса на душу населения Монголия прочно занимает первое место в мире (более 90 кг в год). В числе распространенных и традиционных блюд — хушуры (похожие на наши чебуреки), позы и пельмени, а также вкусные и питательные молочные изделия — кумыс, ряженка, сметана, сухой творог, пресный сыр. В соответствии с традициями национальной кухни в столице открываются рестораны, рассчитанные на разные кошельки. Брендовой считается сеть ресторанов «Кочевник» и «Монгол-барбекю», с подобием которых уже можно познакомиться и в России, и во многих странах мира. Натуральными монгольскими продуктами в разнообразном исполнении можно насладиться в многочисленных корейских, китайских, японских, французских, русских и украинских ресторанах, где любителям предложат вареники с вишней, драники с монгольской сметаной, жульен с местными грибами и даже монгольское сало в украинском приготовлении. Сегодня в Улан-Баторе открыты итальянские пиццерии, множество американских и английских баров, есть даже голландский бар, хозяин которого приехал из Амстердама, женился на монголке и осел на родине почитаемого всеми Чингизхана.

«Чингизханомания»: уважение к великому предку или его культ?

Самым популярным именем в Монголии, используемым в названиях всего, чего угодно, является имя самого влиятельного монгола в истории — Чингизхана. Монголы боготворят этого великого человека, в честь Чингизхана названы улицы, площади, гостиницы, клубы, кемпинги, словом, всего, что только можно себе предста-

вить. Принадлежащие монгольской авиакомпании «МИАТ» лайнеры, на бортах которых красуется имя Chinggis Khaan, доставят вас из разных уголков планеты в Chinggis Khaan Airport, оттуда по улице Чингизхана, мимо площади Чингизхана вас привезут в гостиницу «Chinggis Khaan», где вы сможете отведать пива «Chinggis Beer» и расслабиться после перелета в расположенном по соседству ирландском клубе «Grand Khaan» (Великий хан). Это не чингизханомания, а дань уважения к великому предку.

Но самая главная дань почитания и уважения к национальному герою, — это конная статуя Чингизхана — символ 800-летнего юбилея Монголии. В 2008 году в присутствии Президента страны и гостей из разных стран мира состоялось торжественное открытие гигантского сооружения, вошедшего в десятку самых крупных памятников мира. Статуя, высотой с 13-этажный дом, покрытая 250 тоннами нержавеющей стали, возвышается на открытом всем ветрам плато в 50 км от Улан-Батора. Великий монгол — гордость монгольской нации объединил разрозненные степные племена и за 21 год своего правления (1206–1227) создал огромную державу, которая занимала 22% площади всей земли. Имя Чингизхана наводило ужас на многие народы Евразии, но для монголов Великий хан был и остается отцом нации. Статуя Чингизхана — не просто изваяние, это двухэтажный туристический комплекс. Внутри постамента разместились музей, художественная галерея, конференц-зал, рестораны, магазин сувениров и главная достопримечательность — гигантская карта завоеваний Чингизхана. Лестница и лифт ведут к смотровой площадке, расположенной в голове лошади, на высоте 30 метров. Отсюда

открываются изумительные виды на бескрайние степи Монголии. Вокруг статуи планируется построить тематический парк, посвященный быту эпохи Чингизхана. Кроме того, стальное изваяние полководца покроют золотом, чтобы его было лучше видно в степи.

Примечательно, что подобию гигантской карты завоеваний Чингизхана висят в каждом музее, сувенирной лавке или гостинице для иностранцев. Миф о Великой Монголии от Средиземного моря до Тихого океана является одной из определяющих черт национального сознания и менталитета.

Национальный менталитет, неподвластный времени

«...Пространственно-временное чувство у монголов специфично. Человек из Великой степи спокоен, душа просторна, так как временная ориентация у него слаба, правильное распределение времени не вполне развито...»

*Член Нью-Йоркской Академии наук, доктор, проф.
Цоохуу Хинаята*

В последние годы с развитием горнодобывающей промышленности, развитием демократии и рыночной экономики впервые в истории Монголии наблюдается ослабление места и роли в экономике страны кочевого животноводства, которое тысячи лет было основой жизни монголов и наложило прочный отпечаток неспешности, свободы и независимости монгольской нации.

Свобода как основная черта мышления. На обширных территориях степей монголы испокон веков занимались кочевым животноводством, жили вольготно и спокойно. Монгольское

животноводческое производство не является для человека обузой, животновод имеет сравнительно много свободного времени.

Пастбищное животноводство, хотя и малопродуктивно, вполне достаточно для жизнеобеспечения одной семьи или группы юрт. Мясо и молоко используются для пищи, шкуры и шерсть — для одежды, а крупный скот — для езды. Поэтому монгол может жить, не завися ни от кого, кроме своего скота и своей семьи. В этом отношении он является сравнительно самостоятельным и свободным гражданином. Хотя монголы более 200 лет находились под маньчжурским игом, у них никогда не было рабского и колониального мышления. Наоборот, как наследники великих империй, монголы обладают внутренней свободой и отличаются стремлением быть довольными своей жизнью. Свобода, не ограниченная пространством и временем и выступающая важной составляющей образа мышления, является коренной чертой монгола. Еще одна особенность монгольского менталитета — это **верование в Небо**, которое было возведено в ранг государственной религии при Чингизхане. Оно создавало науку выживания в гармонии с природой и ее закономерностями: человек должен понимать природу, он является неотъемлемой её частью.

Для монголов Вечное небо — это не только воздух, небо, звезды, солнце и луна. Оно есть абстрагирование самого высокого уровня и высших сил.

Одна из форм молитвы к Вечному небу — это сакрализация гор и вод. В Монголии существует несколько сакральных мест, церемонии совершаются один раз в четыре года, в них принимает участие Президент Монголии, и это за-

фиксировано в специальном законе. Подобного нет нигде в мире.

Пространство и время. Пространственно-временное чувство у монголов специфично и на протяжении многих веков связывалось с неспешными и повторяющимися животноводческими процессами.

Монголы любят говорить слово «маргаш» (завтра). Оно эквивалентно словосочетанию «через 24 часа». В действительности «маргаш», к сожалению, может означать и несколько дней, даже недели. Монгол редко может детально рассматривать суть задания или обязанности, он подходит к нему на основе душевной ориентации и допускает ошибку в распределении времени, поэтому обещание «завтра» часто не выполняется вовремя. Монголу не хватает постоянной, непрерывной работоспособности, он не берется за работу вовремя, может отложить ее спонтанно, подумав: «Ладно, завтра». По этой причине часто начинает работу поздно, даже тогда, когда дело уже «горит». Это очень напоминает черты известной русской ментальности, но даже самый нерадивый русский далеко уступает в распространенном «маргашизме» жителям Великой степи.

Таким образом, особенности мышления, поведения и менталитета монгола связаны с географическими, природно-климатическими, геополитическими, историко-культурными условиями существования, обусловлены на генетическом уровне и неподвластны времени и современным реалиям.

Национальные традиции, искусство и культура

Несмотря на грандиозные перемены, неожиданно и стремительно начавшиеся в послед-

нее десятилетие XX века, у потомков Чингизхана неизменным и вечным, как Небо, остается бережное отношение к своим корням, своей истории, своим традициям.

Монгольская нация удивительно музыкальна, и песенное наследие передается из поколения в поколение. Вершиной песенного искусства считается протяжная песня, которая, как и сложное искусство горлового пения, зарегистрированы в ЮНЕСКО в списке мирового культурного наследия. Сегодня вся Монголия гордится своим земляком Г. Ариунбаатар, победителем недавно прошедшего в Москве международного конкурса оперных исполнителей и профессиональных музыкантов им. П. И. Чайковского, который получил Золотую медаль и Гран-при. Известный маэстро В. Георгиев сказал о нем: «У Ариунбаатара большое будущее для того, чтобы стать большим артистом большой сцены».

С давних времен исполнение песен сопровождается игрой на различных музыкальных инструментах, из которых самым древним и самым распространенным является моринхур, струны которого делаются из хвоста любимой лошади.

Изобразительное искусство Монголии также имеет многовековую историю и берет свое начало еще с наскальной живописи. Монгольская живопись оставила потомкам ряд выдающихся произведений. Среди них живописные, скульптурные, орнаментальные работы первого национального главы ламаистской религии в Монголии Ундур-гэгэна Занабазара, которые хранятся в музее изобразительного искусства в Улан-Баторе.

Жизнь монгольских скотоводов не была богата праздниками, поэтому их особенно ценили. Некоторые праздники пережили века и успешно вошли в XXI век. Как утверждают историки, самый популярный монгольский праздник Наадам своими корнями уходит в III век до н.э. Наадам дословно с монгольского означает «три игрища мужей» — это традиционное спортивное состязание по трем национальным видам спорта: борьба, стрельба из лука, конные скачки. Крупнейший спортивный праздник с большим размахом проводится в начале лета в монгольской столице и во всех уголках Монголии. В Улан-Баторе Наадам начинается на главной площади. Традиционный символ — 9 белых бунчуков, изготовленных из волос 1000 породистых жеребцов, проносят через главные улицы столицы и устанавливают на стадионе, где с поздравительным словом выступает Президент страны, причем обязательно в национальной одежде. Особенностью монгольских скачек являются наездники — это мальчики и девочки в возрасте от 4 до 12 лет, что всегда вызывает удивление и восхищение у иностранных гостей праздника. Еще одним популярным и любимым праздником является встреча Нового года по лунному календарю. Праздник называется Цагаан сар и переводится как Белый месяц. Название он получил в 1206 году в период правления Чингизхана.

Вечером, в канун праздника, в каждой монгольской семье проходит традиционный старинный ритуал битулэг — прощание с годом уходящим. На следующий день после восхода солнца все члены семьи поздравляют друг дру-

га, потом начинается обход родственников и соседей. Считается, что чем больше гостей в доме на Цагаан сар, тем счастливее будет год. К новогоднему столу подают вареный крестец жирного барана, поэмы, пельмени, молочные и мучные блюда. Застолье в Цагаан сар — это целая церемония, такая же старинная, как и сама традиция отмечать этот семейный праздник.

По мнению всех иностранных гостей, случайно оказавшихся в Монголии в феврале или приехавших на монгольский Цагаан сар, удивительным является необыкновенное почитание старших родственников, уважение к ним и преклонение перед их мудростью.

Одним из главных наследий материальной культуры Монголии, безусловно, можно назвать юрту, конструкция и форма которой складывалась веками. В прошлом в Монголии практически не было сооружений из камня, за исключением монастырей. Население, как простые чабаны, так и знать, жило в юртах, что дало повод называть Монголию страной «войлочных жилищ». Это легкое и удобное, просторное сооружение не требует много времени, чтобы смонтировать или разобрать его. Юрта хорошо защищает от холода зимой. Ее внутреннее убранство подчинено строгим древним правилам.

А что такое современная юрта? В быту осталось то же самое, что было 1000 лет назад. Но юрта сегодня — это обязательное электричество, телевидение, мобильная связь, а рядом с юртой — солнечная батарея. Если в прежние годы в Монголии не было ни одной семьи, в которой близкий или дальний родственник не учился бы в Советском

Союзе, то сейчас нет ни одной семьи, в которой хотя бы один человек не находился где-нибудь в развитой капиталистической стране — Японии, Корее, Швейцарии, Канаде, США, по всему миру. И в любое время суток семья пастуха может поговорить со своими детьми или внуками по телефону, когда они находятся за тысячи верст от родной юрты, в которой родились и выросли.

Монголы говорят, что их страна лежит под Вечным синим небом. И сегодня это небо открыто для всех, и как мечтают многие монголы, особенно должно быть открыто для «старшего брата» — «северного соседа». Недавняя отмена визового режима между Россией и Монголией — абсолютно необходимая и правильная мера. Но отменять визы надо было не сейчас, а еще лет 10 назад. Возможно, не был бы односторонним выбор Монголии в сторону Китая и стран АТР. Впрочем, отмена виз плодотворна в любом случае. Нет никаких сомнений, что уже через год — два в Улан-Баторе будет русских не меньше, чем корейцев, китайцев, японцев, французов, американцев. Пока русские еще слабо информированы о состоянии дел в современной Монголии, но при открытой границе эта ситуация будет меняться...

*Т. В. Бронская,
директор Центра русского языка при Российском
центре науки и культуры
в Улан-Баторе, канд. филол. наук,
Отличник народного образования Монголии*

Равданжамц Ургамал

ЗАПИСКИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О МОНГОЛИИ КАК ОСНОВА УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ МОНГОЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ

RAVDANJAMTS URGAMAL
RUSSIAN TRAVELERS' NOTES ON MONGOLIA AS A BASIS FOR EDUCATIONAL TEXTS
IN THE INTERCULTURAL COMPETENCE DEVELOPMENT
OF MONGOLIAN RUSSIAN STUDIES STUDENTS

Процесс развития межкультурной компетенции монгольских студентов-русистов требует включения в учебный процесс текстов, побуждающих студентов к межкультурному сравнению. Записи и дневники русских путешественников о Монголии могут рассматриваться как источники таких текстов. Их использование развивает межкультурную компетенцию студентов, но и также повышает уровень владения русским языком, способствует лучшему познанию собственной культуры.

Ключевые слова: дневники русских путешественников, межкультурная компетенция, сравнение культур, чтение текста.

The author argues that the development of intercultural competence of Mongolian Russian Studies students requires the use of the texts able to motivate students to intercultural comparison, and the notes and diaries of Russian travelers about Mongolia can be considered as the sources for such texts. The use of such texts not only develops intercultural competence of students, but also increases the level of Russian language proficiency and contributes to a better knowledge of their own culture.

Keywords: records and diaries of Russian travelers, intercultural competence, comparison of cultures, reading the text.

Равданжамц Ургамал

Аспирант кафедры русского
языка как иностранного
и методики его преподавания
Санкт-Петербургского
государственного университета
► rurgamal@mail.ru

*Научный руководитель:
д-р пед. наук, проф.
Л. В. Московкин*

Одним из важнейших средств развития межкультурной компетенции при обучении русскому языку как иностранному являются учебные тексты разной жанровой принадлежности. И. А. Гиниатуллин разделил их на два типа: монокультурные, посвященные феноменам одной культуры (страны изучаемого языка или своей страны), и поликультурные, связанные с культурой двух или нескольких стран, с межкультурным взаимодействием [5: 124, 140].

Большая часть учебных текстов, традиционно используемых при обучении русскому языку монгольских студентов-русистов в Монголии и России, является монокультурной. Это обусловлено тем, что поликультурные тексты, в которых сравнивались бы реалии русской и монгольской культур, встречаются довольно редко. Однако именно поликультурные тексты (художественные, публицистические, научные, научно-популярные, тексты инструкций, путеводителей, рекламных проспектов и справочно-энциклопедических изданий) обладают наивысшим межкультурным потенциалом, так как позволяют монгольским

студентам самостоятельно формировать не только знания о России, но и умения анализировать и сравнивать реалии двух культур.

В настоящей статье будут рассмотрены возможности использования в обучении русскому языку монгольских студентов-русистов записок русских путешественников о Монголии. Эти тексты по своему предназначению монокультурные, но в них встречаются фрагменты поликультурного характера, так как любая оценка реалий монгольской культуры осуществлялась авторами этих записок с позиций русской культуры и, следовательно, включала элементы сравнения.

В XIX — начале XX века императорское Русское географическое общество организовало несколько экспедиций в Центральную Азию для изучения этого огромного региона и населяющих его народов. Помимо собственно научных экспедиций преследовали и военные цели: Россия исследовала эти земли в ожидании возможных вооруженных конфликтов с англичанами, стремившимися закрепиться в регионе. Именно поэтому руководители многих экспедиций были кадровыми военными — специалистами в области топографии и картографии. В российской научной литературе при их номинации используется устоявшийся термин — «военные востоковеды» [18].

Среди ученых, исследовавших Монголию, — Б. Я. Владимирцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, О. М. Ковалевский, П. К. Козлов, В. Л. Комаров, Э. М. Мурзаев, В. А. Обручев, М. В. Певцов, Б. Б. Полюнов, Г. Н. Потанин, Н. М. Пржевальский, Н. К. Рерих, В. И. Роборовский. Все они во время экспедиций вели дневниковые записи и регулярно составляли отчеты. Большая часть этих материалов остается неопубликованной, но, тем не менее, можно найти несколько книг и статей о путешествиях в Монголию. Из них наибольший интерес как источники текстов для развития межкультурной компетенции представляют книги О. М. Ковалевского [17], П. К. Козлова [7], Э. М. Мурзаева [8–10], М. В. Певцова [11], Г. Н. Потанина и А. В. Потаниной [13], Н. М. Пржевальской [14], В. И. Роборовского [15].

Биографические данные об этих путешественниках и сведения об их вкладе в науку пред-

ставлены в литературе по истории географических и этнографических исследований [2; 3; 4; 6; 12; 16; 20; 21], а также в биографическом словаре «Русские военные востоковеды» [18]. Отметим, что в методической литературе рекомендации о возможностях использования записок русских путешественников о Монголии в процессе обучения русскому языку отсутствуют.

Анализ записок русских путешественников о Монголии показывает, что они обладают большим межкультурным потенциалом, так как в них отражены интересные, с точки зрения их авторов, явления жизни, традиции и обычаи монголов. Чтение и анализ этих произведений позволяет монгольским студентам понять, как русские путешественники воспринимали их предков, что в их жизни им казалось непривычным, странным, привлекающим внимание.

При чтении дневников и отчетов о путешествиях становится очевидным, что каждый автор обращал особое внимание на определенные аспекты окружающего мира: одних больше интересовала природа, окружающая среда, других — люди, их жизнь, внешность, национальная одежда, поведение в быту, праздники. В некоторых записках содержатся материалы об истории и культуре Монголии, эти предпочтения, вероятно, зависят от цели и маршрута путешествия, а также от профессии, интересов и характера путешественника.

Например, в книге Г. Н. и А. В. Потаниных «Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиною в жизнь» встречаются фрагменты, вызывающие у монгольских студентов вопросы, побуждающие их к размышлениям, к поиску информации, подтверждающей мысль путешественников или опровергающей ее: «...литературы монгольский народ не имеет; вместо литературы — только письменность, да и та скудная: только две — три повести и несколько летописей...» [13: 52]¹, и фрагменты, вызывающие у студентов чувство гордости за свой народ: «...жизнь монголов проходит тихо; нравы их мягки, преступления редки, о зверском обращении с женами или детьми не слышно; русские купцы, живущие в Уляссутае, уверяли меня, что в течение семи лет, которые

они прожили в этом городе, они ни разу не слышали об убийстве...» [Там же: 56].

В книге Потаниных встречаются и фрагменты с элементами межкультурного сравнения:

«...Замечательна в Монголии квалификация географических имен; здесь часто река на своем течении носит несколько имен, как будто цельность реки не ощущается; напротив, одно и то же имя часто дается и реке, и горе, возле нее стоящей, и озеру, возле лежащему, и степи, которая кругом озера расстилается. Так, например, белок (река) Харкира (Хархираа) носит одно имя с рекой, которая с него течет; а белок Тюргун (Түргэн) дает начало двум Тюргунам, текущим в разные стороны. Немного ниже Восточный Тюргун уже теряет это имя и получает другое — Шибир, а еще ниже та же река называется Кунделен. У нас река изменяет название только от присоединения новых притоков; в Монголии же на изменение названия реки влияет характер местности. Так, река Хоебин или Куцтым получает новое имя Чебеты только потому, что горный характер окружающей страны уступил степному; река Шишкин превращается в Кысыл только потому, что долина, прежде довольно просторная, превращается в тесные и непроходимые щели. ... [Там же: 77].

В записках русских путешественников, при всем их своеобразии, есть и общие объекты описания, например, все ученые описывали внешний вид монголов, национальную еду, форму и строение монгольской юрты. Во многих трудах можно также найти описание характера монголов, их образа жизни, легенд и мифов, обычаев, праздников, запретов, пословиц и др. В связи с этим отметим, что многие монгольские студенты в наши

дни не владеют в полном объеме этой информацией² и знакомство с ней через русские тексты будет способствовать не только лучшему владению русским языком и развитию межкультурной компетенции, но и более глубокому проникновению в родную культуру.

Приведем пример учебного текста, который можно использовать на занятиях по русскому языку в целях развития межкультурной компетенции монгольских студентов-русистов. Он представляет собой неадаптированный фрагмент произведения Г. Н. и А. В. Потаниных «Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиною в жизнь». Тема текста — «Монгольская одежда». По объему и лексическому составу он подходит для студентов второго курса отделения русского языка и литературы монгольского университета, не изучавших русский язык в средней школе. Текст обладает межкультурным потенциалом, он содержит сведения о традиционной монгольской одежде, которую можно сравнить с традиционной русской одеждой, а также с современной одеждой монголов. Кроме того, текст содержит дискуссионные, спорные факты и утверждения, которые стимулируют студентов обратиться к поиску контраргументов, что обеспечит их более глубокое погружение в собственную культуру. Перед чтением текста рекомендуется сообщить студентам, что им будет предложен для прочтения фрагмент из записок русских путешественников о Монголии и дать краткую справку об авторе:

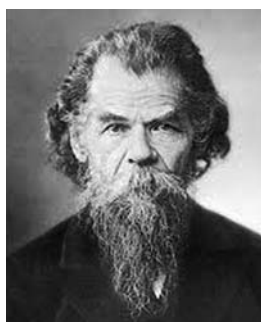
Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) — российский географ, ботаник, этнограф, фольклорист, публицист.

Хроника путешествия Г. Н. Потанина:

- Первая Монгольская (Тарбагатайская) экспедиция (июль 1876 — январь 1878).
- Вторая Монгольская экспедиция (июнь 1879 — июнь 1880).
- Третья экспедиция (1-я Китайско-Тибетская, Тангут-Тибетская или Ганьсуйская) (август 1883 — октябрь 1886).
- Четвёртая экспедиция (2-я Китайско-Тибетская или Сычуаньская) (осень 1892 — октябрь 1893).
- Пятая экспедиция (Хинганская) (лето 1899).

Александра Викторовна
Потанина (1843–1893)

Григорий Николаевич
Потанин (1835–1920)

Рекомендуется перед чтением текста предложить студентам рассмотреть иллюстрации (монгольская женщина в национальной одежде) и с их помощью семантизировать слова *шуба, штаны, сапоги, безрукавка, кофта, корольки, бисер, коса, косичка*.

Студенты читают текст два раза (про себя, и вслух, по предложениям), преподаватель проверяет понимание, если у студентов возникают трудности, дает соответствующие комментарии.

Приведем текст:

«Женщины одеваются почти так же, как и мужчины: так же носят шубу, штаны, сапоги и шапки. Только замужние в некоторых местах носят черную безрукавку — кофту поверх шубы да под шапкой на волосах маленькую повязку или шапочку, вышитую красными корольками или бисером. В женском наряде, впрочем, много разных отличий в мелочах по разным местностям, так же, как и у нас. Дети сначала совсем голые ходят, потом им шьют шубу; летом же они лет до десяти бегают без рубашек.

Волосы монголы носят, заплетая задние в косу, а передние сбривают. Женщины заплетают в две косы и распускают косы на спине или спереди на груди. Девушки в иных местах носят одну косу, распуская ее по спине, а где заплетают много косичек; женщины на косах носят очень много серебряных украшений. Во время праздников одеваются монголы нарядно. Но всегда они грязны: одежду даже и летом никогда не моют, носят до тех пор, пока развалится» [13: 265].

После прочтения текста рекомендуется задать студентам вопросы, углубляющие их знания о собственной культуре:

Как называется по-монгольски **безрукавка** — **кофта поверх шубы**? Как отличались замужние женщины по внешности от незамужних женщин? Как монголки носили косы, какую роль играли косы в их жизни (прическа монгольской женщины, как и ее одежда, указывали на ее принадлежность к определенному социальному слою)?

Можно предположить, что у студентов вызовет сомнение утверждение автора о том, что монголы одежду даже и летом никогда не моют, носят до тех пор, пока развалится. В этом случае можно дать задание на дом: найти аргументы для подтверждения или опровержения этого утверждения.

Далее рекомендуется задать вопросы о традиционной одежде русских женщин:

Что вы знаете о традиционной одежде русских женщин? Носили ли русские женщины косы? Как в русском обществе воспринимали распущенные, неприбранные женские волосы? Что значит **простоволосая женщина, опростоволоситься**? В тексте о монгольской одежде написано: «**В женском наряде, впрочем, много разных отличий в мелочах по разным местностям, так же, как и у нас**». В России в разных областях женщины тоже одевались по-разному? Что вы об этом знаете?

Если студенты не знают ответов на эти вопросы, то можно дать задание найти эту информацию в библиотеках или на интернет-сайтах. Для поиска ответов можно использовать текст «Женский костюм» из книги Н. М. Александровой «Русские народные традиции» [1: 65]. На следующем занятии рекомендуем вернуться к обсуждению указанных текстов и дать студентам задание сравнить традиционную монгольскую и русскую

Монголки в традиционном национальном костюме

Монголы (1925 год)

одежду. В процессе обсуждения может быть составлена сравнительная таблица.

Следует учитывать, что русские путешественники создавали свои записки о Монголии более 100 лет назад, и за это время изменилась женская одежда и в России, и в Монголии. Вместе с тем некоторые предметы традиционной одежды используются до сих пор, поэтому вполне закономерны следующие вопросы и задания:

Какую одежду носят современные монголки? Какие предметы традиционной одежды они продолжают носить? Какую одежду носят современные русские женщины? Какие предметы традиционной одежды они продолжают носить? Сравните современную одежду русских и монгольских женщин. Чем обусловлено сохранение традиционных предметов одежды в современной жизни?

Таким образом, записки русских путешественников о Монголии обладают высоким межкультурным потенциалом, их можно рассматривать как источники учебных текстов, обеспечивающих развитие межкультурной компетенции монгольских студентов-русистов. По своему предназначению они являются монокультурными текстами, так как в них представлена разноаспектная информация о монголах и реалиях их жизни, которая может сравниваться с аналогичной информацией о России и русских. Вместе с тем в них имеются и фрагменты поликультурного характера.

Изучение записок русских путешественников о Монголии на занятиях по русскому языку развивает межкультурную компетенцию монгольских студентов-русистов, повышает их уровень владения русским языком и приводит к более глубокому пониманию родной монгольской и изучаемой русской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далеко не вся информация в записках русских путешественников о Монголии покажется монгольским студентам объективной и беспристрастной. Это имеет важное методическое значение — студентам есть с чем спорить. Если они с чем-то не согласны, можно попросить их найти контраргументы в книгах или на интернет-сайтах.

² С. Г. Тер-Минасова отмечала, что разрыв между культурами, их конфликт возможен не только в виде столкновения

родной и чужой культур, но и внутри своей, родной культуры, когда изменения в жизни общества достигают такого уровня, что следующие поколения уже не помнят, не знают, не понимают культуры и мироощущения своих предков [19: 89].

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Н. М. Русские народные традиции. СПб., 2011.
2. Банников А. Г. Первые русские путешественники в Монголии и Северном Китае. М., 1954.
3. Вальская Б. А. Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока. М., 1960.
4. Вяткина К. В. Монголы Монгольской народной республики // Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. 1960. Т. 60. С. 159–271.
5. Гиниатуллин И. А. Развитие межкультурных умений чтения // Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного / Под ред. проф. А. Л. Бердичевского. М., 2011. С. 114–150.
6. Задерман Л. И. Исследование Центральной Азии русскими путешественниками. М., 1953.
7. Козлов П. К. По Монголии и Тибету. М., 1956.
8. Мурзаев Э. М. Непроторенными путями: Записки географа. М., 1948.
9. Мурзаев Э. М. Путешествие без приключений и фантастики. М., 1962.
10. Мурзаев Э. М. Путешествие в жаркую зиму. М., 1967.
11. Певцов М. В. Путешествие по Китаю и Монголии. М., 1951.
12. Петров М. П. Географические исследования в пустынях Центральной Азии // Вестн. Ленингр. ун-та. 1960. № 24. Сер. геологии и географии. Вып. 4. С. 118–130.
13. Потанин Г. Н., Потанина А. В. Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиною в жизнь. М., 2014.
14. Путешествие Н. М. Пржевальского в восточной и центральной Азии. СПб., 1898.
15. Роборовский В. И. Тр. экспедиции ИРГО по Центральной Азии, совершенной в 1893–1895 гг. Ч. 1–2. СПб., 1900–1901.
16. Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века: Сб. ст. СПб., 2008.
17. Россия — Монголия — Китай: Дневники монголооведа О. М. Ковалевского 1830–1831 гг. / Подг. к изд., предисл., глоссарий, коммент. и указатели Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. Казань, 2005.
18. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М., 2005.
19. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.
20. Шапошникова Л. В. Ученый, мыслитель, Художник (О Н. К. Рерихе). М., 2006.
21. Шукина Н. М. Вклад русских географов в картографию Центральной Азии (2-я половина XIX в.) // Вопросы географии. 1954. Сб. 35. С. 260–273.